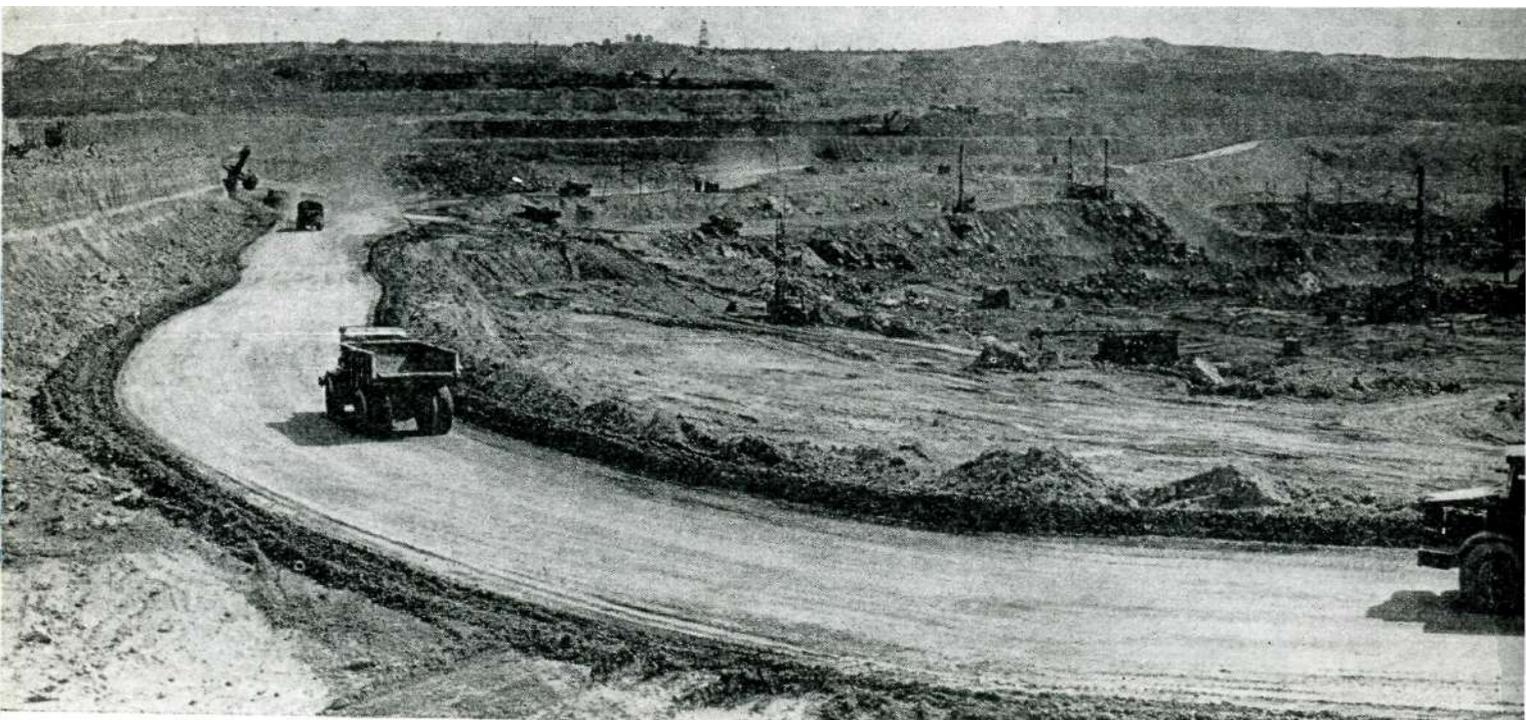

ВОКРУГ СВЕТА

1 1963
ЯНВАРЬ

ПАРТИЯ СТАВИТ ЗАДАЧЕЙ ВОСПИТАНИЕ ВСЕГО НАСЕЛЕНИЯ В ДУХЕ НАУЧНОГО КОММУНИЗМА, ДОБИВАЯСЬ, ЧТОБЫ ТРУДЯЩИЕСЯ ГЛУБОКО ПОНИМАЛИ ХОД И ПЕРСПЕКТИВЫ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ, ПРАВИЛЬНО РАЗБИРАЛИСЬ В СОБЫТИЯХ ВНУТРИ СТРАНЫ И НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ, СОЗНАТЕЛЬНО СТРОИЛИ ЖИЗНЬ ПО-КОММУНИСТИЧЕСКИ. В ПОВЕДЕНИИ КАЖДОГО ЧЕЛОВЕКА, В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАЖДОГО КОЛЛЕКТИВА И КАЖДОЙ ОРГАНИЗАЦИИ КОММУНИСТИЧЕСКИЕ ИДЕИ ДОЛЖНЫ ОРГАНИЧЕСКИ СОЧЕТАТЬСЯ С КОММУНИСТИЧЕСКИМИ ДЕЛАМИ.

ИЗ ПРОГРАММЫ КПСС.

РОВЕСНИК КОСМИЧЕСКОЙ ЭРЫ

Фото А. МАЛКИНА

Текст Ю. ГОРИНА

Когда идешь по широким проспектам города Рудного, то трудно поверить, что всего несколько лет назад на месте многоэтажных жилых кварталов, асфальтированных магистралей, аллей и скверов лежала безжизненная Тургайская степь. Рудному пять лет. Он родился в год первого спутника, в год, когда советские люди открыли космическую эру.

Юный город, Рудный — поистине город юных, город молодежи. И это естественно: ведь он вырос рядом с Соколовско-Сарбайским горнообогатительным комбинатом, над строительством которого взял шефство комсомол.

...Из иллюминатора самолета Тургайская степь кажется плоской как стол, на котором малюсенькими кляксами кое-где расплескались синие озера. Они затерялись среди чахлой растительности степи, похожей на пыльный половик. Должно быть, внешняя невзрачность Тургая сыграла не последнюю роль в том, что утвердилось мнение, будто здешняя земля ничего доброго родить не может, а недра так бедны, что и искать там нечего.

Однако советские ученые пришли к прямо противоположному выводу: Тургай должен быть очень богат полезными ископаемыми. Сотни миллионов лет назад Урал соединялся с Тянь-Шанем единым горным краем. Время сровняло тургайские горы, упрятало под невзрачную степную равнину ценные минералы.

Шли годы. Металлургия Востока требовала все больше сырья. Запасы Урала уже не могли полностью

1963

ВОКРУГ СВЕТА

№ 1
ЯНВАРЬ

Журнал основан в 1861 году

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

„Реки, как и народы, имеют свою судьбу. Разные образы жизни могут быть на их берегах. И по-разному служат они людям“.

АНГАРА И НИЛ, АМАЗОНКА И ДУНАЙ - СОЦИАЛЬНЫЕ ПОРТРЕТЫ ЧЕТЫРЕХ РЕК.

„Они говорят!.. Ведь мы с тобой расшифровали... язык бактерий!“

РАССКАЗ Ю. САФРОНОВА

„Победа, одержанная над гнусом, на первый взгляд может показаться скромной и маловажной в этом краю героики и невиданного размаха. Но только на первый взгляд“.

О работе энтомологов в Сибири рассказывает наш специальный корреспондент С. Елаховский.

„—Если тебя схватят, начнут пытаться?
— Живым меня не возьмут“.

Документальная повесть о борцах норвежского Сопротивления.

„—Что случилось?“

— „SOS“ радист принял“.

Репортаж о буднях спасательного судна.

„Я начинаю спуск в свою новую вселенную“.

Записки французского спелеолога,

„Само основание этого города связано с ошибкой“.

Повесть-памфлет о столице Родезии.

Читатель сообщает.

Репортажи из Греции, Италии, Пакистана, Парагвая, Чехословакии.

РУДНЫЙ—ГОРОД ЮНЫХ. КАЖДЫЙ ВОСЬМОЙ ЖИТЕЛЬ ЕГО — МОЛОДОЖЕН.

ЗА ПЯТЬ ЛЕТ В РУДНОМ РОДИЛОСЬ 10 853 МАЛЬЧИКА И ДЕВОЧКИ.

КАЖДЫЙ ТРЕТИЙ ЖИТЕЛЬ РУДНОГО УЧИТСЯ.

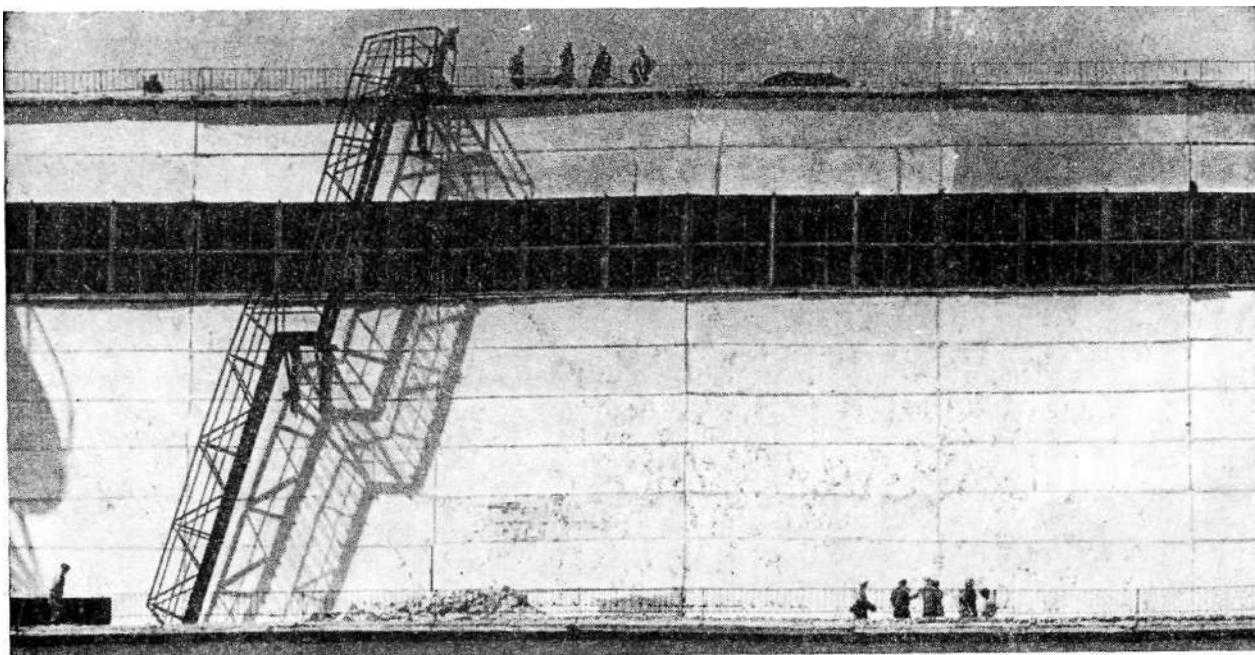
В ГОРОДЕ ТРИНАДЦАТЬ ШКОЛ, ФИЛИАЛ КАЗАХСКОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА, ДВА ТЕХНИКУМА.

удовлетворить запросы промышленности. Возник вопрос: где взять руду? И геологические партии начали разведку Тургай.

Восемь лет назад страну облетела новость. Летчик ГВФ Михаил Сургутанов, который обслуживал геологические партии, пролетая над Западным Казахстаном, обратил внимание на странное поведение стрелки компаса. Словно забыв, где юг и где север, она металась, по лимбам. В район, отмеченный Сургутановым, выехали геологи и около деревни Соколовки и аула Сарбач нашли огромные залежи железной руды. Вслед за Соколовско-Сарбайским месторождением открытия посыпались как из рога изобилия. На протяжении двухсот пятидесяти километров было зафиксировано более двадцати крупных магнитных аномалий. Тургай оказался гигантской кладовой не только железа, но и угля, бокситов, асбеста, циркония, ильменитов и других ценнейших ископаемых. Кустанайский «букет» месторождений, главным украшением которого стали Соколовка и Сарбай, превосходит по своим запасам прославленные месторождения магнетита около Верхнего озера в США. Экономисты подсчитали, что сталь и чугун из тургайской руды будут самые дешевые в стране: залежи расположены у поверхности, и разрабатывать их можно открытым способом...

Когда стоишь у кромки отвала сарбайского карьера, то ощущение такое, будто перед тобой гигантский кратер. Уступами уходят вниз террасы. На дне кратера, на глубине около ста метров, ржавое пятно — руда. В карьере машины. Людей не видно, они в кбинах, у рычагов и пультов. На террасах — десятки экскаваторов. Тут и трехкубовые «малыши» и великаны шагающие. Их стальные челюсти, отшлифован-

ТЫСЯЧА ПЯТЬСОТ ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК РУДНОГО—СТУДЕНТЫ-ЗАОЧНИКИ ИНСТИТУТОВ И ТЕХНИКУМОВ МОСКВЫ, ЛЕНИНГРАДА, СВЕРДЛОВСКА И ДРУГИХ ГОРЮДОВ. В ГОРОДЕ 33 БИБЛИОТЕКИ.

ЗА ДВА ГОДА КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ РУДНОГО ПРОДАЛИ
4 МИЛЛИОНА КНИГ.

„МЕТРАЖ“ ЗЕЛЕННОЙ ОДЕЖДЫ РУДНОГО СКОРО СОСТАВИТ
100 ГЕКТАРОВ.

В БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ РЕКУ ТОБОЛ ПЕРЕКРОЕТ СЕРГИЕВ-
СКАЯ ПЛОТИНА, И ОКОЛО РУДНОГО ВОЗНИКНЕТ НОВОЕ МОРЕ.

ные до блеска, не зная усталости, заглатывают глину, песок, каменные глыбы и через миг вываливают породу в думпкеры электропоездов и кузова самосвалов. Двадцатипятитонные «МАЗы» подпрыгивают под страшной тяжестью, как резиновые мячики.

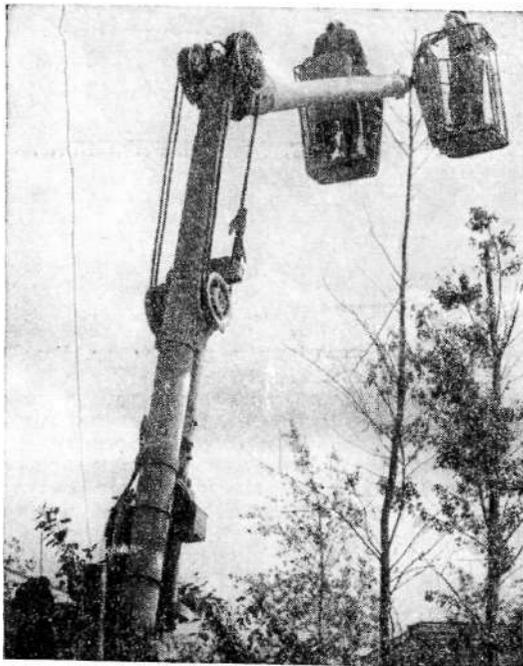
Карьеры — это только часть большого хозяйства нового комбината. Недалеко от города Рудного поднялась тепловая электростанция, а рядом — оснащенный новейшей техникой горнообогатительный комплекс. Горнообогатительная фабрика, строительство которой завершается, будет крупнейшей в стране и в Европе.

За пять лет рабочие и инженеры Сарбая достигли таких темпов разработки рудных карьеров, каких не знала мировая практика. Лучшие американские достижения были превышены почти вдвое. И это не предел их возможностям. Комбинат быстро растет, растет и город Рудный.

Пять лет назад в голой степи, где не было ни кустика, ни деревца, новоселы поставили семьдесят палаток. У входа в палаточный городок на фанерной арке они написали: «Добро пожаловать!» А внизу кто-то вывел мелом: «Семидесятипалатинск». И приглашение услышала страна. Сегодня в многоэтажном, с зелеными улицами, Рудном уже 75 тысяч жителей. А на его перрон сходят прибывшие вновь парни и девчата, решившие связать свою судьбу с городом и комбинатом. И, как пять лет назад, их встречает плакат «Добро пожаловать!».

И пусть они не жалеют, что не пришлось им жить в «Семидесятипалатинске», что не они рыли первый котлован и кто-то другой грохотом взрывов разбудил Тургай. Дел не менее романтических и трудных хватит и им.

ТОЛЬКО В ПРОШЛОМ ГОДУ В СОКОЛОВСКО-САРБАЙСКОМ
ЖЕЛЕЗОРУДНОМ БАССЕЙНЕ ДОБЫТО 10 МИЛЛИОНОВ ТОНН
РУДЫ И ВЫНУТО 40 МИЛЛИОНОВ КУБОМЕТРОВ ПОРОДЫ.

КАРТА МИРА

Третью человечества строит новую жизнь под знаменем научного коммунизма. Первые отряды рабочего класса, вырвавшиеся из-под гнета капитализма, облегчают победу новым отрядам своих братьев по классу. Мир социализма расширяется, мир капитализма сужается. Социализм неизбежно придет повсюду на смену капитализму. Таков объективный закон общественного развития.

ИЗ ПРОГРАММЫ КПСС

В дальних полках библиотек можно разыскать атлас, изданный в Петрограде в 1915 году. Сейчас это только историческое пособие — когда-то он отражал картину мира накануне Великой Октябрьской социалистической революции.

Есть в атласе специальная карта — «Формы правления». Монархии, «деспотические государства», «вассальные», колонии, протектораты — все эти антинародные и, теперь уж можно сказать, архаические режимы охватывали большую часть мира. Царившее на земле рабство разных форм и степеней — и прежде всего рабство капиталистическое — зафиксировала карта 1915 года. Разметались по свету империи буржуазные и феодальные: Российская (светло-зеленая краска), Британская (полмира под ее короной), Оттоманская... В Африке и Азии — французские и германские владения. А рядом с названием маленького острова Куба, выкрашенного в тот же цвет, что и его северный заморский сосед, стоят две буквы — «С. Ш.».

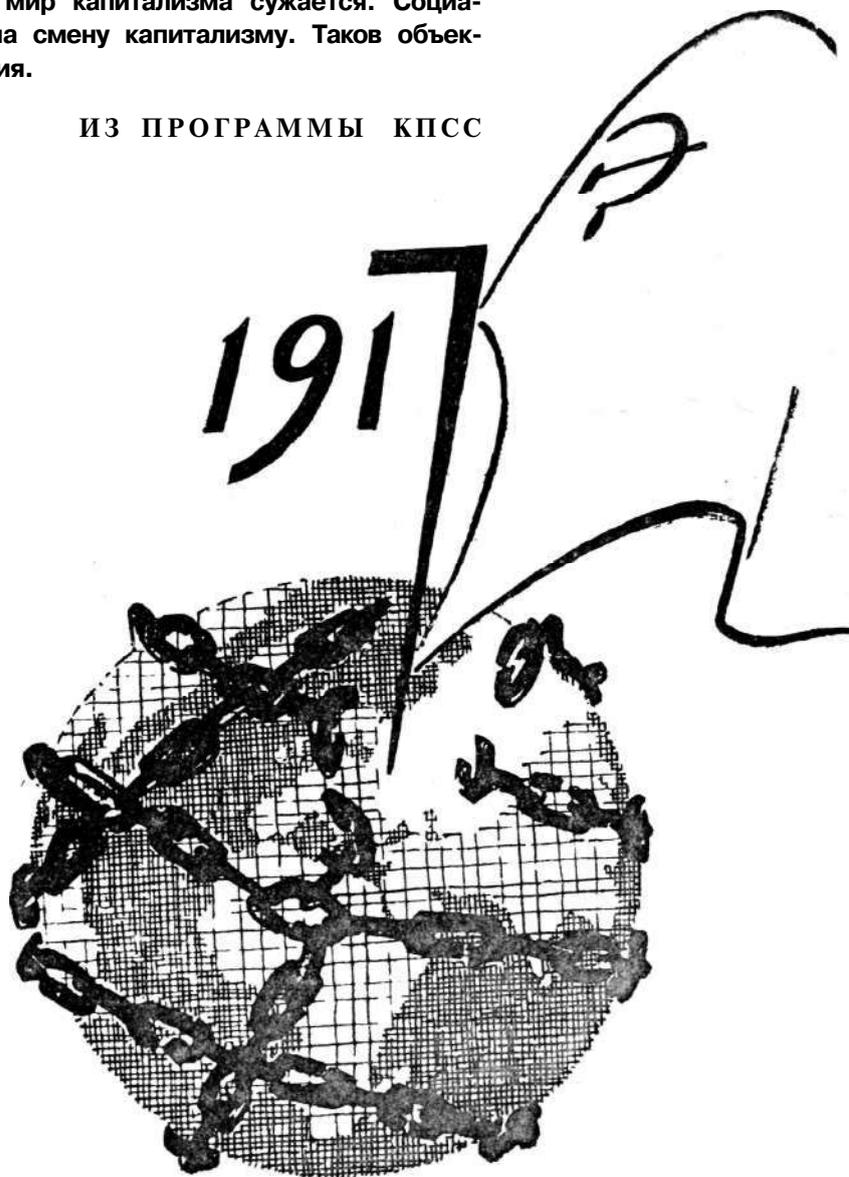
Смотришь на эту карту и думаешь: как же давно все это было! Делая историческая эпоха отделяет нас от тех времен. Эпоха, насыщенная событиями, в корне изменившими картину мира. А ведь еще не пожелтела бумага, на которой отпечатана старая карта. И если нынче она всего лишь историческое пособие, то уж, во всяком случае, весьма поучительное и для того, кто сегодня, почти полвека спустя, раздумывает над характером и темпами исторического развития.

Темпы... Ведь уже успели устареть и карты, вышедшие всего какой-то год назад. На них тоже надо делать поправки. На картах 1981 года не

было таких независимых государств, как Алжир, Ямайка, Уганда, Западное Самоа, Тринидад и Тобаго, Руанда, Бурунди. Йемен был монархией — сегодня это Йеменская Арабская Республика. В Западном Ириане тогда еще хозяйничали голландцы. Только-только португальских

колонизаторов изгнали из Гоа, Дамана и Диу.

Наше время недаром называют «динамичным». Но динамика эта особая: мир меняется к лучшему. Народы уничтожают проимпериалистические режимы, прогоняют со своих земель чужеземных хозяев, свергают

РАССКАЗЫВАЕТ...

тиранов и лакеев империалистических держав, создают суверенные государства...

И все это — струйки и ветви того могучего освободительного потока, начало которому дала Октябрьская революция в России. С полным правом можно сказать: день, когда был взят штурмом Зимний дворец, стал днем рождения нового этапа истории человечества.

Было время — победу коммунистов, вставших у власти в России, кое-кто считал «недоразумением».

Картографы буржуазных стран не торопились менять название страны, над которой уже развеялся алый флаг победоносной социалистической революции. В штабах Антанты чертили на картах стрелки военных ударов. В самом сердце молодой Республики Советов метили интервенции.

Но приговор истории «обжалованию не подлежал». На одной шестой части населенной суши Земли трудящиеся впервые в истории стали устраивать жизнь по-своему. Без эксплуататоров. Без национальной

вражды. Образование в 1922 году, ровно сорок лет назад, Союза Советских Социалистических Республик закрепило победу ленинской национальной политики нашей партии.

Впервые на международной арене появилось государство — государство Советов, которое выдвинуло великий лозунг мира между народами.

А капитализм уже ковал оружие новой, второй мировой войны. Вот уже итальянские самолеты бомбят абиссинские деревни, а германские — Мадрид и Барселону. Японский сапог топчет поля Маньчжурии... Карта, молчаливая карта, о многом может она рассказать. О трагедиях Австрии и Чехословакии, о предательстве, бросившем целые народы на съедение фашизму.

И все же общая картина развития мира, потрясаемого трагедиями, внушила оптимизм. Величайший революционный подвиг, совершенный советским народом, всколыхнул и вдохновил народные массы всех стран и континентов. Страна Советов, крепнувшая с каждой пятилеткой, первая страна победившего социализма, стала надеждой человечества.

Нет, совсем не случайность, что именно на берегах Волги начался крах гитлеровской военной машины, что держава Советов встала во главе всенародной борьбы с фашизмом, окончившейся великой победой.

Развязанная империалистами война нанесла мощнейший удар по империализму. Строй, несущий войны и капиталистическое рабство, решительно отвергли народы ряда стран Европы и Азии. Мощный вал национально-освободительного движения стал сметать с карты мира колонии и протектораты, «подмандатные территории» и «вассальные государства». На свалку истории полетели короли, наместники, диктаторы-лакеи...

Не веселые мысли вызывает у буржуазных идеологов сегодняшняя социально-политическая карта мира. «Мы живем в ужасный век», «Перспективы мрачны», «Огни погасли, мы чувствуем себя падающими в бездну». Вот только небольшой набор не очень-то бодрых высказываний государственных деятелей и философов так называемого «свободного мира» — господ того сорта, которым, по выражению американского журналиста У. Липпмана, «хотелось бы отменить XX век».

А нас радует поступательный ход истории! Недавно на нашей планете родился трехмиллиардный житель, и, кем бы он ни был, этот «юбилейный» гражданин Земли, можно по-хороше-

му позавидовать ему: он будет жить и бороться в молодом мире, он будет современным все новых и новых успехов народов, завоевывающих свободу, свидетелем новых побед коммунизма. Таков непреложный закон развития человечества.

Когда-то, в годы, тяжелые для первого социалистического государства, американский конгрессмен Поиндекстер заявил: «Россия является просто географическим понятием, к ничем больше она не будет. Перед США стоит важная задача: как следует распорядиться Россией, ее 170-миллионным населением...»

Нынче в странах социализма, раскинувшихся от Арктики до тропиков, от Эльбы до Тихого океана, уже не 170 миллионов, а свыше миллиарда людей! Треть человечества! И никакие заморские джентльмены не в силах «распорядиться» их судьбой, которую навеки взяли в свои руки сами трудящиеся.

Чуть ли не половина населения Земли проживает в странах, которые в последние полтора десятилетия добились политической независимости. Многие из них проводят нейтральную политику. Но это не тот нейтралитет, который равнодушен к колониальным аппетитам империалистов, к их агрессивным планам, к судьбам мира. Сфера территориального влияния империализма все сужается. Нарастает освободительная борьба в последних колониях.

Только около 600 миллионов человек живет в тех государствах, в которых у кормила власти стоят империалистические монополии. Но не надо думать, что и «дома» империалисты чувствуют себя вполне спокойно: социальные и политические противоречия подтачивают самый фундамент здания империализма.

В одни только границы между государствами не уложишь распространение идей прогресса и социализма!

Некоторые американские руководители всерьез (какие уж тут шутки!) предложили как-то провести нечто вроде вечной демаркационной линии между капиталистическим миром и социалистическим: вот, дескать, наше, а вот ваше. Можно было бы только посмеяться над этой потугой на государственную мудрость: будто для передовых идей эпохи существуют пограничные столбы! Будто бы капитализм не несет в себе самую неотвратимую гибель! Но этому-то и не хотят поверить «джентльмены, которых пугает XX век». В них говорит все тот же самый страх перед грядущим. Страх и еще признаки того, что социализм, как выразился американский президент Кеннеди, «не выпустив ни одной ракеты, не пересекая ни одной границы», завоевывает умы и сердца людей.

Да, социалистический путь развития становится все привлекательнее для слаборазвитых народов. Он позволяет — здесь мы опять цитируем — «в предельно короткий срок перевести страну из отсталой в пере-

дovou». Чьи это слова? Американского буржуазного ученого У. Рос-тоу. Что же может быть красноречивее подобных признаний?

Империализм, конечно, не сдастся без борьбы. Он уступает свои позиции потому, что не в силах устоять перед поступью Истории. Да и чем он может подкрепить свои позиции? Бряцанием оружия и угрозой сжечь земной шар в пламени атомной войны? Неспособностью справиться с теми могучими производительными силами, что вызваны на свет развитием науки, техники и производства? Безработицей и голодом миллионов и миллионов людей?

Три миллиарда человек живут на нашей планете. И по крайней мере миллиард из них голодает или недоедает. Почему?

«В интересах экономического империализма и международной торговли, находящихся в руках жадного до наживы меньшинства, — пишет в своей книге «География голода» известный бразильский ученый Ж. де Кастро, — производство, распределение и потребление продуктов питания рассматривались как чисто деловые вопросы, а не как вопросы, имеющие важнейшее значение для всего общества.»

Голод и нищета громадной части человечества — один из первых пунктов обвинительного заключения, предъявленного капитализму историей.

И потому человечеству, стремящемуся к жизни радостной и справедливой, не безразлично, какими путями развивается и будет развиваться мир. В великом споре, в мирном экономическом соревновании социальных систем ставка самая высокая: какой строй способен обеспечить людям лучшие условия существования, жизнь свободную, мирную и радостную? Людям теперь есть что с чем сравнивать. Одна из особенностей нашей «динамичной» эпохи заключается в том, что все мы живем «на виду» у человечества, и никакие расстояния не помеха для хороших примеров. И самый заразительный пример народам дает мировая система социализма.

Именно в экономическом соревновании с капитализмом куется сейчас окончательная победа социализма в мировом масштабе. Мирный фронт великой борьбы проходит по заводским цехам и лабораториям научных институтов, по полям и животноводческим фермам, по новостройкам социалистических стран.

Социалистический образ жизни — это прежде всего невиданные в истории темпы и масштабы развития производства. Социалистические общественные отношения создают условия для грандиозного взлета индустрии, сельского хозяйства и науки, для коренных изменений в социальной географии. А «прокрустово ложе» капиталистической экономики давно уже мешает быстрейшему развитию производства, разумному освоению природных богатств.

Разве мир уже не привык к тому, что самые грандиозные проекты преобразования природы осуществляются именно в странах социализма? Разве освобождение от оков империализма не способствует тому, что народы получают возможность по-хозяйски распорядиться своими природными богатствами? Разве не об этом говорит нам карта, молчаливая, но живая карта мира, беспристрастно свидетельствующая об изменении лика Земли, преобразуемого людьми?

Социальная география... В этом номере журнала рассказывается о судьбе четырех рек в четырех частях света. Реки сами по себе — это, конечно, факт географический. Но реки, как и народы, имеют свою судьбу. Разные образы жизни могут быть на их берегах. И по-разному служат они людям.

Первый в мире космонавт приземлился не на берегу Колорадо или Темзы — Волга, новая Волга, преобразованная трудом советского народа, приняла на свои берега старшего из «небесных братьев»!

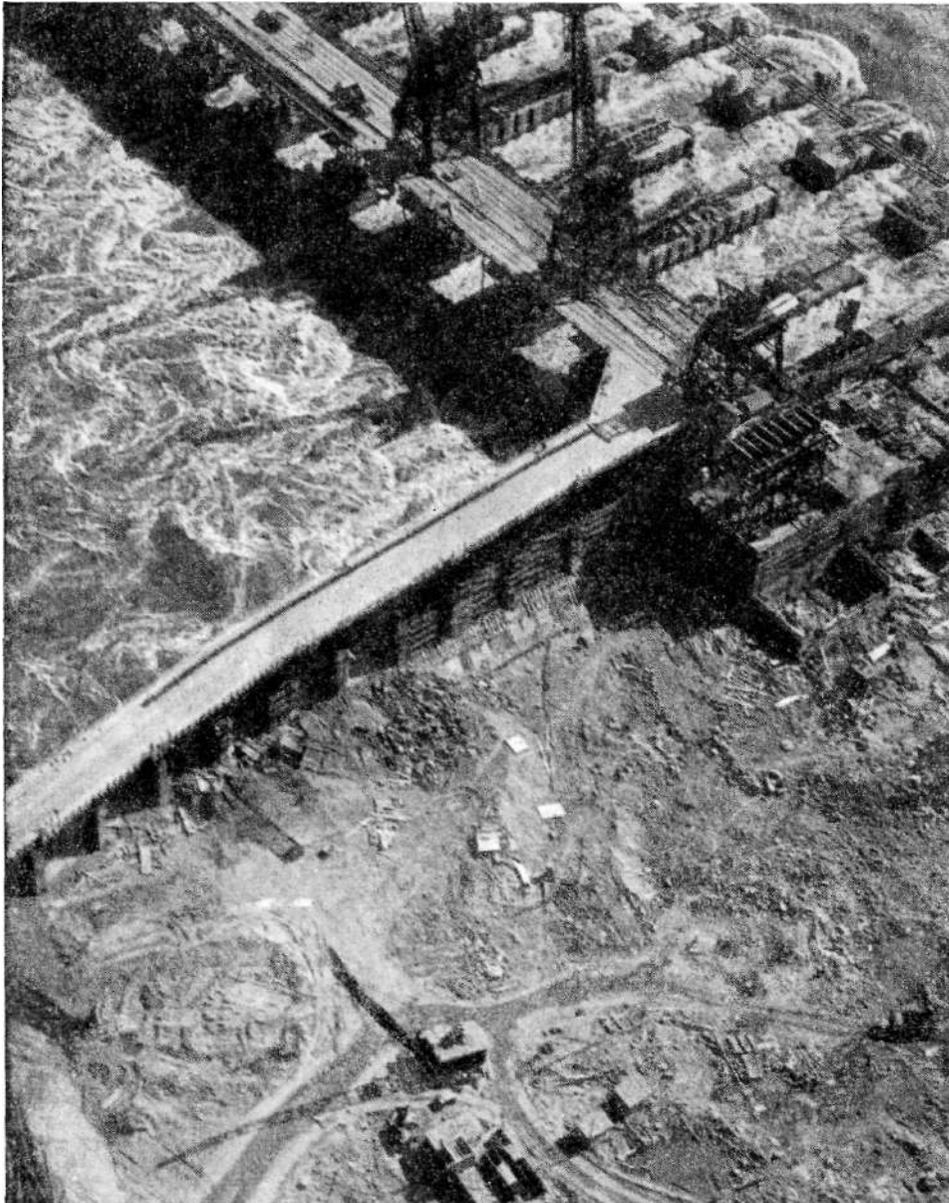
На Миссисипи не отправляются эшелоны с молодыми людьми, добровольно, по зову горячих сердец, решившими принять участие в стройках энергетических гигантов. Да и нет на Миссисипи таких гигантов. Нет и не может быть у капитализма таких идей и таких планов, которые влили бы в жизнь всего народа могучее творческое вдохновение.

Не одно десятилетие ждала своего осуществления идея высотной плотины на Ниле. Она стала осуществляться только в условиях независимого развития Объединенной Арабской Республики, при экономической и технической помощи Советского Союза. Как бы сложилась жизнь на берегах африканской реки, если бы шесть лет назад Советский Союз вместе с другими миролюбивыми странами не защитил свободу египетского народа от посягательств англо-французских колонизаторов?

Как в каплях речной воды отражается свет могучего солнца, так и в судьбе больших и малых рек, равнин и гор, всех уголков нашей планеты отражаются социальные процессы, происходящие в мире.

Развитие человечества идет к закономерному, исторически предсказанному результату: капитализм, нынешний главный тормоз на пути прогресса человечества, обречен на гибель; социализм, открывающий перспективу свободной и радостной жизни для всех людей, победит, победит во всем мире.

«Коммунизм, — говорится в Программе Коммунистической партии Советского Союза, — выполняет историческую миссию избавления всех людей от социального неравенства, от всех форм угнетения и эксплуатации, от ужасов войны и утверждает на земле МИР, ТРУД, СВОБОДУ, РАВЕНСТВО, БРАТСТВО и СЧАСТЬЕ всех народов».

АНГАРСКИЙ

КОНТИНЕНТ

Холмы под крылом самолета уже врезали свои тени в золотой ковер тайги. Сумерки растворили детали ландшафта, и только свинцовая лента реки отчетливо рассекала землю. Летчику не охватить взглядом лесных про-

сторов, разметавшихся от ее берегов до самого горизонта. Край по-сибирски необъятный, по-сибирски щедрый проплывает внизу.

Вот и Братск. С высоты в несколько тысяч метров не видно плотины, но пятна огней четко

В предстоящие **20 лет** должно быть обеспечено: в Сибири и Казахстане — создание новых энергетических баз на месторождениях дешевых углей и путем освоения гидроэнергоресурсов Ангары и Енисея, организация здесь крупных центров энергоемких производств, освоение новых богатств рудных, нефтяных и угольных месторождений, строительство ряда новых машиностроительных центров...

ИЗ ПРОГРАММЫ КПСС

обозначили контуры огромной стройки, раскинувшейся, на берегах Ангары.

Который раз ведет машину пилот знакомым маршрутом. Новая история Ангары рождалась у него на глазах, в ней есть строки, вписанные его крылатыми товарищами и им самим. Вот почему в планшете он бережно хранит две карты.

На первой — старой — редкие штрихи пометок, номера разведывательных партий. Еще десять лет назад он возил к Падуну мешки с продовольствием, ящики с приборами, легкие палатки, разведывал дорогу с воздуха.

Другая карта — это новая биография великой Ангары. Пилот едва успевает отмечать на ней встающие в тайге поселки, рудники, заводы, комбинаты, города.

Две карты, и взгляд на них рождает в памяти слова, сказанные Никитой Сергеевичем Хрущевым высокому гостю из Австрии: «Вы увидите новую Сибирь, где освобожденный труд советского человека в короткий срок в корне преобразил, по существу, целый континент...»

Сибирь. Всего полвека назад «неведомая, дикая, седая...». Таинственный безлюдный край! «На девственные земли вступает нога русского крестьянина, — писал в 1911 году журнал «Огонек». — То вплавь, то вброд через незнакомые реки, то через густые заросли по целине пробирается мужичок, серый, полуграмотный, но полный надежды устроиться в чужой, обетованной земле...» Надежды оборачивались полным крахом, не было для мужика заветной доли и под сибирским солнцем.

И сегодня в Сибирь тоже едут переселенцы. Едут по призыву сердца. Едут осваивать богатства громадного континента. Со всех концов страны устремились на Ангару эшелоны с добровольцами, машинами, оборудованием, материалами.

«Пошлите в Братск. Только туда. Непременно туда, где все начинается с костра и палатки», — требовали двенадцать выпускников

одесского гидротехнического института.

Это было восемь лет назад. Сегодня эти двенадцать — мастера, инженеры, прорабы крупнейшей в стране стройки. Двенадцать из многих сотен тысяч, нашедших свою судьбу и свое счастье в новой Сибири.

...Вся в огнях плывет под крылом самолета Ангара, разливаеся широким морем у плотины.

Стальные фермы взметнулись в ночь. Стрелы кранов, моторный гул, яркие лезвия прожекторов. И, словно корпус гигантской ракеты, застыло бетонное тело плотины. На стартовую площадку звездных кораблей похож сегодня Братск — сердце Ангарстроя.

Здесь все поражает своей грандиозностью: цифры, события, замыслы.

Растет у плотины большой город — один из девяносто, родившихся после Октября. Город дал имя электростанции, которая будет самой мощной в мире. Поднимает-

ной России. А к концу пятнадцатилетнего срока, на который был рассчитан план ГОЭЛРО, мощность всех электростанций страны в три раза превзошла намеченную планом цифру!

«Ангарской фантазией» называли буржуазные экономисты план покорения сибирской реки, план создания нового крупнейшего индустриального края. «За двадцать лет? В глуши, в тайге? Немыслимо! Фантастично!» — писали они.

Но вот уже четыре года дает промышленный ток Иркутская

и встанут на Ангаре ступени гигантского каскада электростанций. Ангара передаст эстафету Енисею, и обузданная энергия двух рек станет ключом который отопрет кладовую сибирских сокровищ. Все больший и больший размах у невиданной стройки, силы для которой мы набирали на дистанции в 45 лет, отделяющей нас от Октябрьских дней великого 17-го года.

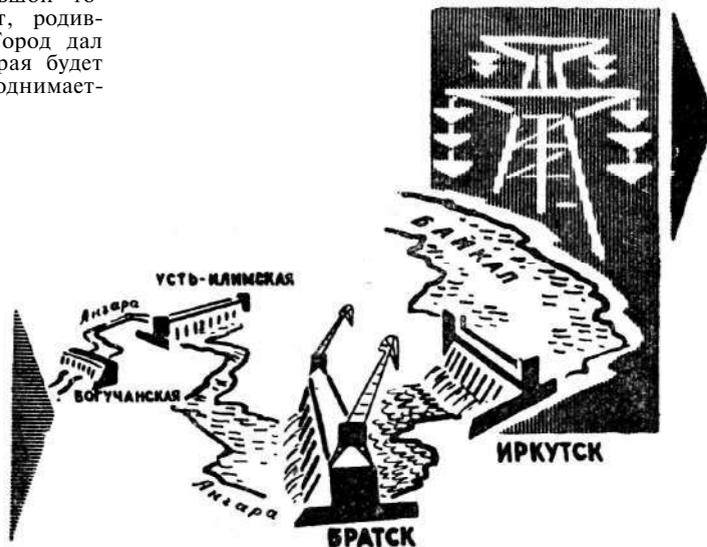
Где, когда, какая страна знала планы, подобные нашим? Какие народы с таким размахом брались

СТРАНА — АНГАРЕ

Все 15 союзных республик участвуют в строительстве каскада электростанций на реке.

Более трехсот городов страны работают на Ангарстрой.

70 тысяч человек, приехавших со всех краев страны, строят Братский энергопромышленный район. Крупнейшие заводы страны поставляют ему оборудование и материалы.

АНГАРА - СТРАНЕ

70 миллиардов киловатт-часов в год будет давать весь ангарский каскад электростанций. Эта энергия сэкономит стране ежегодно 50 миллионов тонн угля.

Используя ее, можно, было бы: выплавить 100 миллионов тонн стали;

или 3,9 миллиона тонн алюминия (годовая выработка США в 1961 году — около 2 миллионов тонн);

или получить 233 миллиона тонн сахара; или выткать 100 миллиардов метров хлопчатобумажной ткани.

ся над рекой плотина — одна из самых высоких на земле. Разливается за плотинной морем — самое крупное искусственное водохранилище на планете.

Три экскаватора и три стареньких паровоза — вот арсенал строителей Волховской ГЭС. Сотни могучих «МАЗов» с колесами в рост человека, кранов-гигантов, мощных экскаваторов, вертолеты и самолеты — самую совершенную технику направляет сегодня страна строителям Ангары.

Вспомните. На Волховской ГЭС мы ставили шведские турбины. Для Днепрогэса на золото покупали американские. А сегодня в Братске монтируются наши, отечественные гидроагрегаты. Один такой агрегат дает столько же энергии, сколько вырабатывали все станции России в 1913 году.

«Кремлевским мечтателем» назвал Герберт Уэллс пролетарского вождя, выдвинувшего идею электрификации отсталой, разорен-

ГЭС. Как ступени ракеты, один за другим уходят со старта в большую жизнь агрегаты крупнейшей в мире электрифицированной железной дороге: Москва — Байкал. Энергия советских людей, воплощенная в электрический ток, дала жизнь заводам и рудникам, выплавляла первый сибирский алюминий.

И все это лишь первый этап

тщательно спланированного, рассчитанного и обоснованного преобразования ангарского континента. Пройдет еще несколько лет —

решать судьбу целых рек, поднимать к жизни целые континенты?

У Америки были свои переселенцы. В одиночку, на свой страх и риск шли в погоне за призрачным счастьем пионеры Клондайка и Колорадо.

Плечо к плечу, локоть к локтю идут строители Ангары. К единой большой всенародной цели.

...Лопасты винта режут встречный ветер. Курс — на Невон. Недалеко от этого маленького таежного поселка раскинулся палаточный лагерь поисковой партии. В створе будущей Усть-Илимской ГЭС трудятся изыскатели. Геодезисты размечают трассу для высоковольтной магистрали. И снова пилот в работе. Снова его маленькая крылатая машина везет продовольствие, медикаменты, снаряжение авангарду строителей. Наступление на ангарский континент продолжается.

НИТЬ ЖИЗНИ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Ю. САФРОНОВ

Что-то он сегодня опять не в духе. Уже с месяца у него скверное настроение. С каждым днем Нирф становится все раздражительнее. Надо было бы поговорить с ним, но он уклоняется от разговора. И Рен, снова сделав вид, будто ничего не замечает, спокойно попросила:

— Помоги мне, Нирф. В оранжерее накопилось столько работы. Надо сменить питательные растворы, подрезать ветви, промыть корни, проверить жировые и белковые установки. Мне не справиться одной. А ты уже несколько недель не помогаешь мне.

— Неужели? — удивился Нирф. — Как быстро летит время! Хорошо, Рен. Но только не сейчас. Я должен пойти к микроскопам.

— Иди, — отозвалась Рен. — А через полчаса — в оранжерею. Договорились?

Рен посмотрела мужу вслед, вздохнула и принялась за работу.

Оранжерея была самым большим цилиндрическим отсеком корабля; диаметр ее — около пятнадцати, длина — около ста метров. Эта громадная труба, как и все остальные отсеки, равномерно вращалась вокруг продольной оси внутри прочного наружного корпуса. Так создавалась искусственная сила тяжести. По оси оранжереи из конца в конец тянулась тонкая светящаяся труба-лампа, заменявшая солнце. В прозрачных резервуарах-аквариумах под светом ослепительно белых ламп быстро росли и размножались микроскопические голубые водоросли, богатые белками и жирами. Два небольших станка-автомата вырабатывали из водорослей масло и муку. В других резервуарах аккуратными рядами росли овощи и ягоды.

Рен подстригала ветви и думала о Нирфе.

Уже шестьдесят лет они летели вместе, и каждый день она видела рядом с собой радостного, увлеченного своим делом человека. Но в последнее время Нирф переменился. Сделался рассеянным. Не отвечает на вопросы, старается уединиться.

Нет, она решительно не понимает, что могло взволновать Нирфа. Но ведь какая-то причина должна быть? Может, неприятные новости? Она была очень занята и не слушала последних передач.

— Киба, — позвала Рен, — меня интересуют сообщения за последние две-три недели.

— Сообщения за последние две три недели? — тотчас же отозвался механический голос. — Ждите одну минуту.

Рен сорвала и положила на прозрачное блюдо четыре ароматных плода-полумесца и два белых съедобных цветка. Их вкусный сок снимал усталость. Сегодня Рен хотелось особенно хорошо накрыть обеденный стол.

— Выполняю заказ! — раздался голос кибы. — За последние три недели связь была, как обычно, неустойчивой. Записано содержание математической книги, двух художественных произведений и кинофильма.

— Что из этой информации смотрел Нирф?

— Только последнюю математическую книгу.

— Что же тогда могло расстроить Нирфа?

В задачу центральной кибернетической машины, или, как сокращенно называли ее Рен с Нирфом, кибы, входило наблюдение за тысячами процессов на корабле, в том числе и за состоянием его экипажа. С помощью биологических датчиков высокой чувствительности машина улавливала биотоки мозга и могла судить о настроении людей.

— Что из этой информации могло его расстроить? — переспросила Рен.

— Его расстроила не информация.

— Тогда что же?

— Светящиеся голубые микробы, которых он увидел в микроскоп.

— Когда это произошло?

— Двадцать семь суток двенадцать часов тому назад.

— Как же он реагировал на появление голубых микроорганизмов?

— Перестал наблюдать. Долго сидел, откинувшись на спинку кресла. Потом ходил из угла в угол. Все время молчал. Количество голубых микробов увеличивается с каждым днем.

— Это неизвестный нам вид микроорганизмов?

— Да. Раньше таких не было.

— Хорошо. Спасибо.

Киба умолкла так же покорно, как и включилась в работу. Она была незаменимым секретарем. Она мгновенно оценивала обстановку в космосе, контролировала траекторию полета корабля, регулировала работу двигателей, следила за температурой, давлением и составом воздуха — словом, была недремлющей памятью корабля, без которой длительный многолетний космический полет был бы просто невыполнимой задачей.

Рен поправила длинные корни фиолетового растения, плавающего в питательном растворе, и задумалась.

За шестьдесят лет полета у них с Нирфом было много разных трудностей. На десятом году киба вышла из строя. Автоматы, которые раньше управлялись и настраивались центральной кибой, теперь остались без присмотра и почти ежечасно включали аварийные звонки, требуя, чтобы к ним подошли и проверили режим их работы. Это были тяжелые дни. Спать приходилось не больше четырех часов в сутки. Вскоре они буквально падали с ног. Однажды Рен не заметила, как заснула в отсеке двигателей. Она проспала более пятнадцати часов, а когда проснулась, то увидела, что Нирф отключил второстепенные автоматы, снял чехол с кибы и пытается найти повреждение в этой фантастически сложной машине. Рен поняла, что Нирф принял единственно правильное решение, хотя по инструкции и запрещалось вскрывать кибу. Целую

неделю они провозились с машиной и, наконец, устранили неисправность. Правда, их отремонтированная киба потеряла память и пришлось просить, чтобы им снова передали все прежние сведения, хранившиеся в ней. А ведь был момент, когда казалось, что все потеряно и придется повернуть назад.

На тридцать шестом году полета стала прерываться связь с Родиной. Мощности узконаправленных излучателей, как и рассчитывали, вполне хватало для связи. Но вся трудность состояла в том, чтобы точно направить этот луч на их корабль. Малейшие вибрации антенны приводили к тому, что конец луча протяженностью в несколько световых лет метался внутри окружности радиусом в сотни тысяч километров, лишь изредка проскальзывая по кораблю. Только огромная скорость передачи обеспечивала прием.

С каждым днем перерывы становились все длиннее и длиннее. Казалось, Родина прощается с ними. И это они переживали вместе.

Почему же сейчас Нирф скрывает от нее свои мысли? Неужели голубые бактерии опаснее всего, что было за эти годы?

* * *

Оставив жену в оранжерее, Нирф прошел в лабораторию, к микроскопам. Поспешно просмотрел вчерашние результаты и приступил к анализу проб, взятых сегодня...

Методика исследований, которой пользовался Нирф, была выработана им еще до полета, более шестидесяти лет назад, когда он занимался изучением верхних слоев атмосферы.

Он проводил свои опыты на той высоте, где проходит нечеткая граница между атмосферой и космосом. Однажды он обнаружил в пробах воздуха, взятых на этой высоте, микроорганизмы.

Воздушные вихри, свирепые ураганы и смерчи, пронесшиеся над планетой, подхватывали в стремительном движении с поверхности океанов тонны воды, забрасывали высоко в небо груды почвы, песка... Когда ураган утихал, почти все падало обратно на поверхность планеты. Почти все, кроме мельчайших пылинок и крошечных капелек воды, не видимых простым глазом. Долгие годы носились они в верхних слоях атмосферы.

Нирф не удивился, когда на границе с космосом обнаружил микроорганизмы. Ведь в каждом кубическом сантиметре почвы находится несколько миллиардов бактерий, плесневых грибов и спор. Нужно ли удивляться, что на мельчайших пылинках, унесенных вверх, сохранились бактерии? Давно, правда, было известно, что некоторые, микробы погибают в глубоком вакууме. Некоторые, но не все. Более «прочные» микроорганизмы переносили космическую пустоту без всяких защитных приспособлений. Другие вмерзали в микроскопические остатки почвы, в кристаллики льда, которые становились для них своего рода скафандрами, помогали выжить.

И все же удивительно было другое. Нирф поднимался так высоко, что вокруг практически уже не было воздуха; лишь изредка попадались отдельные молекулы газов, и вместе с ними, правда тоже очень редко, попадались микроорганизмы. Некоторые из них оживали после того, как их переносили в другие условия...

Вопрос о возможности существования микроорганизмов на больших высотах все больше и больше интересовал Нирфа. Началась настоящая охота за микробами.

Уже в то время ему помогала Рен. Однажды они обнаружили микроорганизмы, улетевшие настолько далеко от планеты, что им не суждено было вернуться назад.

— Послушай, Нирф, — спросила его тогда Рен, — как ты думаешь, какая сила заставляет микроорганизмы окончательно покидать планету?

— Та же, что заставляет молекулы газов ускользать

из атмосферы планеты! — уверенно сказал Нирф. — Давление света. Ведь ты же знаешь, что за каждой планетой обязательно тянется гигантский газовый хвост. Свет выбивает из верхних слоев атмосферы молекулы газов и микроорганизмы.

— А куда они деваются после того, как покинут планету?

— То есть как куда? — переспросил Нирф. — Ускользают в космическое пространство.

— Но если это действительно так, то, может быть, и с других планет тоже ускользают в космос микроорганизмы?

— Конечно. Малейшая пылинка, в которую вмерзают путешественники-микробы, словно корабль с парусами. Свет каждой звезды—словно ветер на парус корабля: он отталкивает пылинку от себя. Пылинка стремится лететь в ту сторону, откуда приходит меньше света. Вместе с тем каждая звезда притягивает пылинку силой тяжести. Видимо, траектория движения пылинок в основном и определяется этими двумя силами—давлением света и силой тяжести. В каждой точке космического прост-

ранства может быть найдена равнодействующая этих сил от всех звезд, планет, астероидов и комет, какие только есть в Галактике. И получится такое ошестившееся пиками векторов равнодействующих сил, все время меняющееся пространственное поле. Двигаясь в этом поле, пылинки описывают в пустоте замысловатые кривые. Наверное, можно найти траекторию движения микроорганизмов в космосе. Можно учесть и действие магнитных полей...

— Нирф! Ты сам не понимаешь, о чем говоришь. Ведь мы действительно можем найти эти равнодействующие силы!

— Ну и что же?

— Значит, мы на самом деле можем вычислить траекторию полета микроорганизмов! Мы можем определить те области вселенной, откуда они летят

к нам. Люмено-гравитационное поле видимой части вселенной достаточно хорошо изучено...

— Ты думаешь, что мы сможем составить биологическую карту звездного неба?

Спустя несколько лет вышла первая книга по биокартографии. В ней Нирф и Рен описывали свой опыт применения биотелескопа. С многокилометровой поверхности антенны телескопа, плавающего за пределами атмосферы, в космосе, собирались с помощью электростатических устройств микроорганизмы, прилетевшие из неведомых глубин вселенной.

В книге приводилась первая, приближенная биологическая карта. Наложившая на обычную карту звездного неба, она давала представление о том, в каких частях вселенной следует искать органическую жизнь. Ярко-красными кружками были помечены те районы, где микроорганизмы были сходны с давно известными микроорганизмами.

И Нирф и Рен выдвинули смелую гипотезу: «На тех планетах, где существуют сходные микроорганизмы, должны существовать и сходные высокоорганизованные живые существа».

Без специальной проверки нельзя было ни опровергнуть, ни подтвердить эту гипотезу.

Нирф и Рен предложили превратить биотелескоп в бионавигатор. Они хотели полететь навстречу микробам, используя их как путеводную тропинку в космос, как указатель пути к планете с живыми существами. И во- их желание осуществилось.

Они даже не знали точно, сколько еще лететь до загадочной планеты. Сейчас они могли судить о ней только по микроорганизмам, попавшим на их бионавигатор. Надо было заставить их заговорить о далеком чужом мире.

И микроорганизмы заговорили. Из огромной массы микроорганизмов Нирф и Рен выделили патогенные микробы, которые могли жить и развиваться лишь на планете, населенной животными.

Нирф и Рен подробно исследовали также химический состав бактерий, процесс их питания и дыхания и выявили состав атмосферы и распространенность некоторых питательных химических соединений на поверхности предполагаемой планеты.

— Они говорят! Они обо всем говорят! — радовался каждой удаче Нирф. — Кто бы мог подумать, что их язык будет понятен жителям другой планеты! А, Рен? Ведь мы с тобой расшифровали неизвестный до сего времени язык бактерий!

Результаты своих наблюдений они передавали на родную планету.

Ежедневно в пробах микроорганизмов, взятых из космического пространства, количество патогенных бактерий колебалось около некоторого среднего значения, которое Нирф назвал «фоном». Видимо, в периоды, когда количество бактерий более или менее соответствовало фону, органическая жизнь протекала размеренно, без каких-либо серьезных потрясений.

Но иногда на среднем фоне вдруг отмечался резкий всплеск, внезапное увеличение числа патогенных бактерий. Всплески были довольно короткими. Потом наступало очередное затишье.

По мнению Нирфа, эти выбросы были связаны с жизнью самих животных организмов. Рен нарочно старалась отстаивать другую точку зрения, чтобы Нирф мог лучше обосновать и продумать свою. Она почти всегда выступала в роли оппонента, хотя чаще была согласна с идеями Нирфа.

— Почему нельзя, например, предположить, что эти выбросы обусловлены сезонными или климатическими условиями на планете? — сказала Рен однажды.

— Потому что в них нет никакой строгой периодичности. Они случайны. А смена сезонов, обусловленная положением оси планеты, происходит через определенные интервалы.

— Может быть, на планете когда-то были эпидемии и мы улавливаем отголоски этих эпидемий? Каждая из них дает всплеск, увеличение количества определенного вида бактерий.

— Вот это уже ближе к истине! — обрадовался Нирф. — Эпидемии — вполне реальная вещь, интервалы между ними могут быть произвольными, а микроорганизмы при каждой эпидемии тоже могут быть другими. Это как раз совпадает с нашими наблюдениями. — Рен внимательно слушала. — Если на планете все еще есть вспышки заразных заболеваний, это свидетельствует об определенном материальном и культурном уровне развития ее разумных обитателей. Ведь у нас давным-давно нет эпидемий. Значит, у тех, к кому мы летим, другие условия жизни. Либо они вовсе не умеют бороться с заболеваниями, либо не могут наладить массовую борьбу с ними. Может быть, у них на планете все еще существуют враждебные группировки, может быть, у них еще возможны войны...

— Это ты уже слишком!

— Нет, Рен! Я провел более тщательные исследования и убедился, что некоторые всплески нельзя объяснить просто эпидемическими заболеваниями. Скорее всего они объясняются войнами, когда в течение короткого отрезка времени гибнет большая масса людей. А войны возможны только при классовом обществе. Вот о чем рассказывают микроорганизмы. Они оказались куда разговорчивее, чем мы могли представить себе в начале полета.

— Но ведь общество развивается...

— Конечно. Я говорю о том уровне развития общества, которое соответствовало увлеченному нами потоку микроорганизмов. Мы видим черты такого общества, которого сейчас на этой планете может и не быть. Сейчас с поверхности планеты, может быть, уже ускользают другие микроорганизмы.

Каждый день их полета равнялся чуть ли не году жизни на планете, к которой они стремились. Бактерии становились жизнеспособнее, чаще оживали после оттаивания и быстрее размножались. Но в общем потоке бактерий все меньше и меньше становилось тех, которые, по мнению Нирфа и Рен, были опасны для живого организма. Изменился состав бактерий, обитавших в почве. Среди них появились новые, которых не было в прежние годы. Они жадно усваивали из воздуха азот в огромных количествах.

Эти факты говорили Нирфу и Рен о многом. По-видимому, высокоорганизованные живые существа планеты познали природу бактерий, уничтожали болезнетворные и всячески поощряли размножение полезных бактерий, увеличивающих урожаи полей. А это возможно лишь при высоком уровне знаний.

Теперь Нирф был окончательно убежден в том, что они обязательно встретятся с высокоразвитыми живыми существами, с богатой материальной культурой и цивилизацией...

Рен целые дни проводила у телескопов, рассматривая ближайшие звезды. С помощью кибы они определили, что планета расположена неподалеку от оранжевой звезды, до которой оставалось всего два с половиной года полета.

Тянулись томительные последние месяцы. Нирф стал приводить в порядок записи, обобщать наблюдения за весь шестидесятилетний полет. Ничего нового от изучения микроорганизмов и мельчайших пылинок они с Рен уже не ждали. И вдруг...

Это случилось недавно. На ярком экране микроскопа Нирф увидел две светящиеся голубым светом частицы. Раньше таких он не видел никогда. Субмикроскопический анализ химического состава частиц занял всего не-

сколько минут. Нирф отказывался верить результатам. Перед ним были не микроорганизмы, а мельчайшие пылинки радиоактивного стронция-90!

Нирф посмотрел еще несколько десятков проб. Почти во всех он обнаружил светящиеся частицы. Значит, это не случайность! Из верхних слоев атмосферы планеты, вместе с микробами и пылинками, ускользают кусочки радиоактивной материи...

Сам Нирф ни разу не видел, как взрываются два кусочка урана, когда их соединяют. У них уже несколько сотен лет назад было навсегда покончено с ядерными взрывами. Коммунистическое общество обходилось без них. Управляемые ядерные реакции давали людям огромные количества энергии, не заражая атмосферу.

Да, они с Рен были правы. На планете, к которой они подлетали, существовало высокоразвитое общество. Но жители чужой планеты еще допускали у себя ядерные взрывы...

Он так и не сказал Рен о светящихся радиоактивных частицах. И теперь регулярно исследовал новые пробы. Едва заметные на экране микроскопа светящиеся частицы превращались после перерасчетов в десятки тонн ядовитой пыли, грозным облаком витающей над планетой. Постепенно радиация возрастала...

Он провел на графике красную черту — границу жизни. Если уровень радиоактивности перевалит через нее, все живое на планете перестанет существовать.

И вот вчера днем... Кривая изогнулась и помчалась вверх так, словно ее подхлестнули. Весь экран микроскопа был покрыт светящимися точками радиоактивного вещества.

— Что это? — ахнул Нирф. — Неужели у них началась ядерная война? Мы можем прилететь на мертвую планету, — прошептал он, отходя от телескопа.

— Что ты сказал? — переспросила Рен.

Нирф вздрогнул. Она еще ничего не знала. Ну что же, может быть, это и к лучшему. Он должен пережить все это один.

— Нет, нет, ничего, — поспешно ответил он. — Оранжевая звезда очень красиво освещает планету...

Он говорил с Рен о каких-то будничных делах, а сам никак не мог избавиться от страшной мысли: если нарастание радиации пойдет теми же темпами, то завтра к этому времени жизнь на планете прекратится...

Не признаваясь себе, он нарочно тянул время, чтобы подольше не входить в лабораторию. Ему не хотелось видеть кривую, зачеркивающую жизнь на планете.

В конце концов он не выдержал и, оставив Рен в оранжерее, прошел к микроскопам...

Кривая пересекла красную черту. Больше надеяться было не на что. Впереди мертвая планета.

Нирф откинулся на спинку кресла, закрыл глаза.

Взрывы уничтожили цивилизацию, уничтожили жизнь. Только холодный ветер хозяйничал теперь на развалинах, перебирал обломки, завывал там, где когда-то были цветущие города, где были цветущие поля...

Надо было на что-то решаться. Может быть, показать Рен радиоактивные частицы? Собственно говоря, какое он имеет право скрывать от нее?..

Дверь отворилась, и в лабораторию вбежала Рен с подносом в руках.

— Что случилось, Нирф? — спросила она взволнованно. — Ведь ты хотел помочь мне в оранжерее! Значит действительно беда?

Нирф подошел к ней, забрал поднос с фруктами и усадил в кресло. Еще минуту назад он не знал, говорить ли Рен обо всем, но теперь чувствовал, что расскажет ей правду. Он сказал все.

— Вспомни, Рен, из-за чего мы летели. «Там, где сходны микроорганизмы, должны быть сходны и высокоорганизованные существа». И потом... ведь, если мы не заправимся здесь горючим, мы не сможем уже никогда вернуться домой.

Она заговорила горячо и взволнованно:

— Но я не верю, слышишь, не верю, чтобы цивилизация исчезла целиком, до последнего человека! Мы

поможем этим людям вернуться к культуре, передадим им свои знания. Мы сделаем все, чтобы они жили так же мирно, как наш народ. Разве из-за этого не стоило лететь?

Незадолго до приближения к планете им исполнилось по сто два года. Несколько месяцев им потребовалось на то, чтобы уменьшить скорость до первой космической, соответствующей массе Гаммы, как звали они планету.

Она была третьей по счету от своего неяркого солнца.

Нирф вывел корабль на орбиту вокруг Гаммы. До поверхности было теперь рукой подать — каких-нибудь три с половиной тысячи километров. Но сразу совершать посадку было бы неразумно. Надо было сначала внимательно осмотреть поверхность планеты.

После первых же оборотов стало ясно, что на Гамме не происходит смены времен года.

— Смотри, Рен, смотри, — говорил взволнованно Нирф, прильнув к инфракрасному телескопу. — На обоих полюсах шапка льда.

— Да, — подхватила Рен. — Здесь тысячелетиями формируются ледниковые щиты. От них по давным-давно проторенным руслам вода стекает в экваториальные моря.

— Проклятые облака! Мешают наблюдениям! — огорчился Нирф, переходя к экрану радиолокационного телескопа.

— Чудесная планета! — мечтала вслух Рен. — Сразу же у кромки тающих льдов у полюсов расположена зона вечной весны. Два весенних кольца опоясывают планету с севера и юга. Растения в этих зонах только весенние — цветы нежные-нежные и очень мелкие, похожие на наши колокольчики, только разных оттенков. А деревья с небольшими листьями.

— Откуда ты знаешь?

— Мне так кажется. И воздух в зонах весны прохладный, ароматный. Свежий ветер с ледников смешивается с запахами весенних цветов и трав. Помнишь, когда мы бродили с тобой весной по горам, был совсем такой же запах.

— Если хочешь, мы можем сесть в зоне вечной весны.

— Это было бы очень хорошо! Смотри, кончились облака. Под нами зона вечного лета и тропики!

Почти всю экваториальную часть планеты занимало огромное кольцо океана.

Сделав очередной оборот, корабль вошел в тень Гаммы. Внизу была непроглядная чернота. Рен продолжала мечтать вслух:

— Представляешь, идешь по лесу, вокруг выросли неизвестных растений, любое из которых может быть целым открытием, на каждом шагу опасности.

— Я вижу огни! Вижу огни! Рен, это город! — прервал ее Нирф. — Огромный город! Там люди!

Рен прильнула к окуляру телескопа. Далеко внизу, в большом разрыве облаков, на темной поверхности планеты сияли тысячи золотых огней. Они расходились длинными лучами из центра, пересекались под правильными углами. Так мог быть освещен только большой город, живущий обычной нормальной жизнью.

На теневой поверхности планеты они заметили еще несколько крупных городов. Нирфу даже показалось, что в самом центре экваториального океана он видит маленькую светящуюся точку — прожектор одинокого корабля, пересекающего водные просторы.

— Рен, выходит, что жизнь на Гамме идет своим чередом, несмотря на радиоактивное заражение?

— По-видимому, да.

— Как же это может быть? Ведь здешние жители не бриллиантовые жучки, на которых не действует радиация. Помнишь таких жучков? Они живут в саже.

Корабль выходил из тени планеты на освещенную часть. В этот момент заговорила киба, заговорила рез-

ко и отрывисто. Рен с Нирфом вздрогнули от неожиданности:

— Азимут — двести тридцать пять, угол места — сорок шесть градусов. С нами сближается крупный метеорит или искусственный спутник Гаммы. Скорость сближения — три километра в секунду. Внимание! Приготовиться к изменению курса корабля!

Корпус корабля дрогнул. Рен и Нирф едва удержались в креслах. Со стола на пол полетели книги, небьющаяся посуда. Киба изменила курс корабля, чтобы избежать столкновения с неизвестным телом. Нирф бросился поднимать книги, но в этот момент вновь раздался голос кибы:

— Неизвестный предмет тоже изменил курс и продолжает преследовать наш корабль. Делаю второй разворот.

Корабль рванулся в сторону.

— Они могут сбить нас! Скафандры, Рен, немедленно со скафандры!

Рен спешила, но от волнения никак не могла расправить ткань скафандра. Уходили драгоценные секунды. Наконец мягкий скафандр обтянул тело. Рен вошла в жесткий наружный скафандр, напомилавший средневековые рыцарские доспехи. Он был распахнут по шву на груди, словно разрублен мечом. Рен встала поудобнее и нажала кнопку. Половинки скафандра сошлись, как створки морской раковины.

Нирф в скафандре сидел у пульта управления. Теперь они переговаривались по радио.

— Ну что? — спросила Рен.

— Плохо, — ответил Нирф. — Нас преследует ракета. Смотри! — Он указал на экран цветного телевизионного телескопа.

Рен увидела продолговатый предмет. Одна сторона его была ярко освещена лучами оранжевого солнца, другая — теневая, совсем черная. Даже беглого взгляда было достаточно, чтобы определить: это ракета. Она следовала за кораблем, уверенно настигая его.

— Неужели они действительно хотят нас сбить? — спросила Рен.

— Не знаю. Трудно поверить.

— Что же будем делать? Уходить?

— Уйти мы, конечно, сможем. Вряд ли их ракета разовьет скорость больше нашего корабля. Но ведь это не выход! Разве для этого мы летели сюда?

— Смотри! — прервала его Рен. — Что это?

На носовой части преследовавшей их ракеты вспыхнула красная точка. Она была настолько яркая, что немедленно сработала система уменьшения чувствительности телевизионного телескопа. Экран стал совершенно черным. Рубиново-красная точка — единственный предмет, который сверкал на нем, как глаз сказочного дракона.

— Что они хотят сделать? — ахнула Рен. — Они расплавят оболочку корабля...

— Расплавят — будем катапультировать вместе с носовым отсеком, — решительно произнес Нирф. — Подожди-ка! Кажется, они нам просто сигналият!

Рубиновая точка странно замерцала. Вспышка — пауза. Вспышка — пауза. Вспышки подлиннее. Несколько вспышек покороче. Длинный перерыв. Потом снова такая же серия вспышек.

— Они пытаются связаться с нами. Подключи кибу для расшифровки сигналов, — сказала Рен.

Нирф усмехнулся.

— Киба не всемогуща. Откуда ей знать систему сигнализации на Гамме?

— Подключи, я прошу тебя!

Прошло несколько секунд, и вдруг киба заговорила: — Сигналы закодированы по старому земному коду — азбуке Морзе. — Киба сразу же начала переводить: — Они сигналият: «Мы с Земли! Мы с Земли! Ответьте нам. Мы с Земли! Мы с Земли...»

— Здесь какая-то ошибка! — воскликнул Нирф.

— Сигналы им бортовыми прожекторами: «Вас поняли. Мы тоже с Земли!»

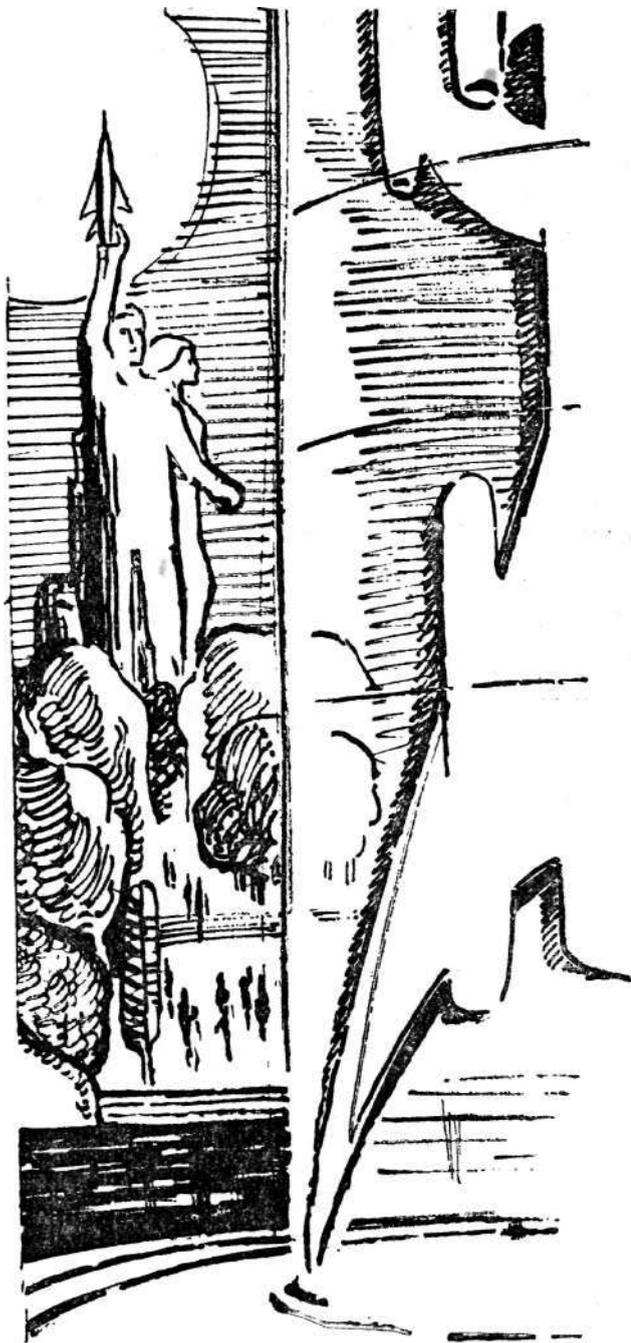
Преследующая ракета приняла сигнал и тут же за-

мигала в ответ. Киба переводила: «Нирф, Рен, сбавьте скорость! Сбавьте скорость! Не бойтесь нас!»

— Они знают наши имена! Тормози, Нирф, тормози! Это друзья.

* * *

Как только он вошел внутрь корабля, сразу же исчезли все сомнения. Это был свой, земной! Настоящий земной человек, один из тех, которых Нирф и Рен не видели более шестидесяти лет. Еще хорошенько не разглядев космонавта, Нирф и Рен бросились к нему. Они смеялись, перебивали друг друга, что-то

спрашивали, тут же забывали вопрос и, не дожидаясь ответа, задавали новый. Радость переполняла всех.

Первой опомнилась Рен. Она вдруг почувствовала себя хозяйкой, к которой в дом пришел дорогой гость.

— Снимайте скафандры! Сегодня у нас будет праздничный обед. Нирф, принимай гостя, но без меня ни о чем его не спрашивай. Я сейчас!

Она ловко выскочила из своего скафандра и быстро пошла в оранжерею.

Космонавт снял жесткий скафандр и пригладил рукой растрепавшиеся русые волосы.

— Меня зовут Иван Коршунов. Я командир космического корабля, посланного за вами с Земли.

— Иван! — с удовольствием повторил Нирф, вглядываясь в открытое лицо космонавта. — Иван! А где же остальные члены вашего экипажа?

— Внизу, на планете! Они буквально нарасхват. Все хотят их увидеть. Приходится много ездить.

— Но разве планета не мертва? — поразился Нирф.

— С чего вы это взяли?

— Здесь должен быть смертельный уровень радиации.

— Нет. Они еще не знакомы с ядерной энергией.

— Но у меня сохранились все пробы. Последние несколько месяцев от Гаммы шел мощный поток радиации. А вы его разве не зафиксировали?

— Нет... Подождите-ка! — Коршунов рассмеялся. — Ну, конечно же! Все ясно. Вы ловили радиоактивные частицы не с Гаммы, а с нашего корабля!

— Что?!

— Последнее время вы летели вслед за нами. Атомные двигатели нашего корабля были включены. Мы начали тогда торможение. Наверняка вы ловили отходы нашего «горючего»! Мы можем сравнить режимы работы наших двигателей и кривую роста пойманных вами частиц. Я уверен, что они совпадут...

— Нирф! Мне ведь тоже интересно! — донесся из оранжереи голос Рен. — Идите сюда!

Нирф с Коршуновым пошли на ее голос. Она успела надеть белое праздничное платье и накрыть на стол. Прямо над их головами с ветвей свисали сочные плоды.

— Как в раю! — улыбнулся Коршунов. — Извините меня! — воскликнул он вдруг и выбежал из оранжереи. — Я совсем забыл на радостях передать подарок, — сказал он, появляясь снова с большим пластмассовым цилиндром в руках. — Это члены нашего экипажа собрали вам цветы со всех континентов Гаммы.

Он раскрыл цилиндр, вынул большой пестрый букет и протянул его Рен. Она засмеялась.

— Посмотри, Нирф, это лучший букет в нашей жизни!

Коршунов смотрел на счастливых Рен с Нирфом и улыбался.

— Я еще не сказал вам самое главное. ААы посланы сюда, чтобы помочь вам вернуться на Землю. Ведь ваш корабль не в состоянии проделать обратный путь. Тут горючего для него нет.

— Но каким же образом это удастся?

Коршунов пожал плечами.

— С момента вашего отлета на Земле прошло около трехсот лет. Созданы более совершенные корабли. Люди помнят о вашем отважном и рискованном рейсе. И нас послали, так сказать, в обгон времени. Вы полетите на нашем корабле. Мы летели сюда всего девять лет. Да, должен еще сказать, это ваш метод биокарты позволил установить связь со многими обитаемыми мирами. Мы давно переговариваемся с некоторыми из них и знаем их точное месторасположение. С другими — ищем способы общения.

— А как же наш корабль?

— Останется на Гамме в подарок от жителей Земли. Люди Гаммы хотят сохранить его навечно.

«Знамя мира и дружбы». Фото И. ЗБАРСКОГО

**Фотовыставка «Семилетка в действии».
Москва, 1962.**

АТЛАС ЛЕДЯНОГО КОНТИНЕНТА

Во время Международного геофизического года (1957—1958 годы) южную полярную область глубоко и всесторонне исследовали ученые многих стран. Материалы исследований позволяют теперь создать подробный атлас Антарктики. Этот труд взяли на себя советские ученые.

Атлас южной полярной области — издание комплексное. Он составит два больших тома. Первый том будет картографическим. В него войдут разнообразные карты для широкого круга специалистов.

Целый раздел посвящен историческим картам. Астрономы найдут в атласе изображение звездного неба над полюсом Южного полушария, геофизики — карты ионосферы, космических лучей, полярных сияний, земных токов и земного магнетизма.

У ДРЕВНЕГО ВЫШГОРОДА

С удивлением смотрит долговязый аист на самосвалы и бульдозеры, на стальные клювы подъемных кранов. Он возвратился в гнездо, на свою старую «дачу», чтобы провести лето в тихом селе, а оказался в центре гудящей стройки.

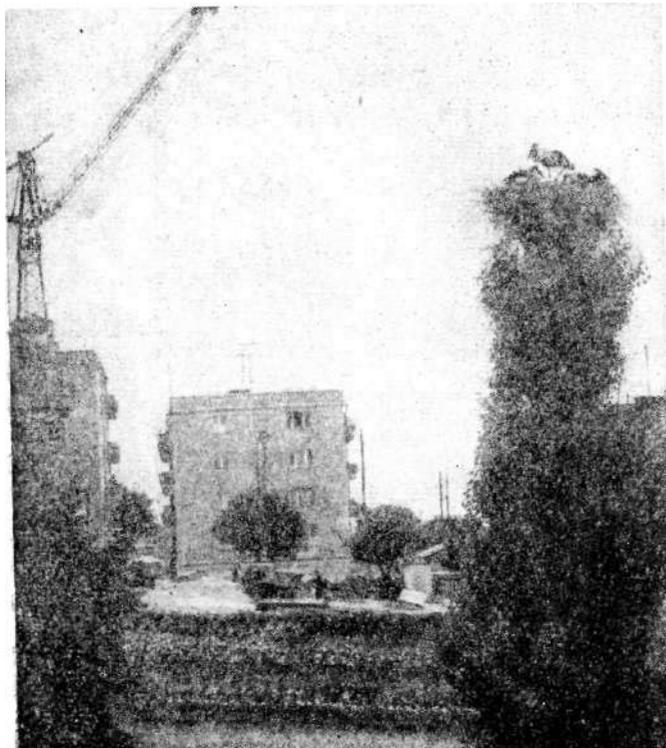
Вдоль берега Днепра изогнулась железобетонная дамба волнолома. Песчаные перемычки отгородили от реки глубокие чаши котлованов, из которых вырастают стены шлюзов. Рядом с древним Вышгородом — летописцы называли его ключом Киева — воздвигается пятая ступень Днепровского каскада — Киевская ГЭС. Стройка объявлена ударной комсомольской.

Спокойно течет седой Днепр — немой свидетель истории Вышгорода. Пройдет всего два года, и здесь будет портовый город.

Изменяется облик Вышгорода. Поднимаются многоэтажные дома жилого городка гидростроителей, будущего спутника Киева.

А аист? Мы не возражаем: пусть живет в городе!

К. МЫШЛЯЕВ, Киев

Читатель сообщает

Разделы «Сейсмика», «Геология и рельеф» позволят специалистам составить широкое представление о строении и развитии земной коры под вечными льдами Антарктиды, о формах земной поверхности и дна омывающего континент океана. Новым атласом смогут успешно пользоваться гляциологи, синоптики, океанологи и даже биологи.

Второй том атласа будет своеобразной монографией природы Антарктики. В нем читатели найдут подробное описание и объяснение всего, что отражено на картах, а также рассказ о тех природных явлениях на ледовом континенте, которые нельзя изобразить графически.

Над составлением атласа работают более двадцати научных учреждений страны. Издание его подведет итог новейшим сведениям современной науки о южной полярной области.

Е. КОРОТКЕВИЧ, Ленинград

ТАРИБАНСКИЙ СЛОН

Это был тот счастливый случай, о котором втайне мечтает каждый ученый.

Однажды доктор геолого-минералогических наук М. Ф. Дзвеляя увидел в доме знакомого геолога небольшой обломок песчаника. Выступавшая из камня кость, старая, пожелтевшая от времени, сразу же привлекла внимание ученого.

— Откуда это?

— Подарок бурового техника Евгения Метревели, — ответил хозяин.

Спустя немного времени Дзвеляя уже колесил по степной Кахетии, отыскивая место, где подняли когда-то заинтересовавший его камень. Предчувствие не обмануло ученого. Уже на третий день поисков в Тарибани, небольшой местности на южном склоне хребта Коцахурис-Кеди, в слое мелкозернистого песчаника был обнаружен скелет южного слона. Это животное вымерло на земле в очень давние времена.

Раскопки показали, что сохранились почти все кости доисторического великана. Это была большая удача, потому что до сих пор скелеты южного слона смогли выставить всего два музея мира, в Ленинграде и в Париже.

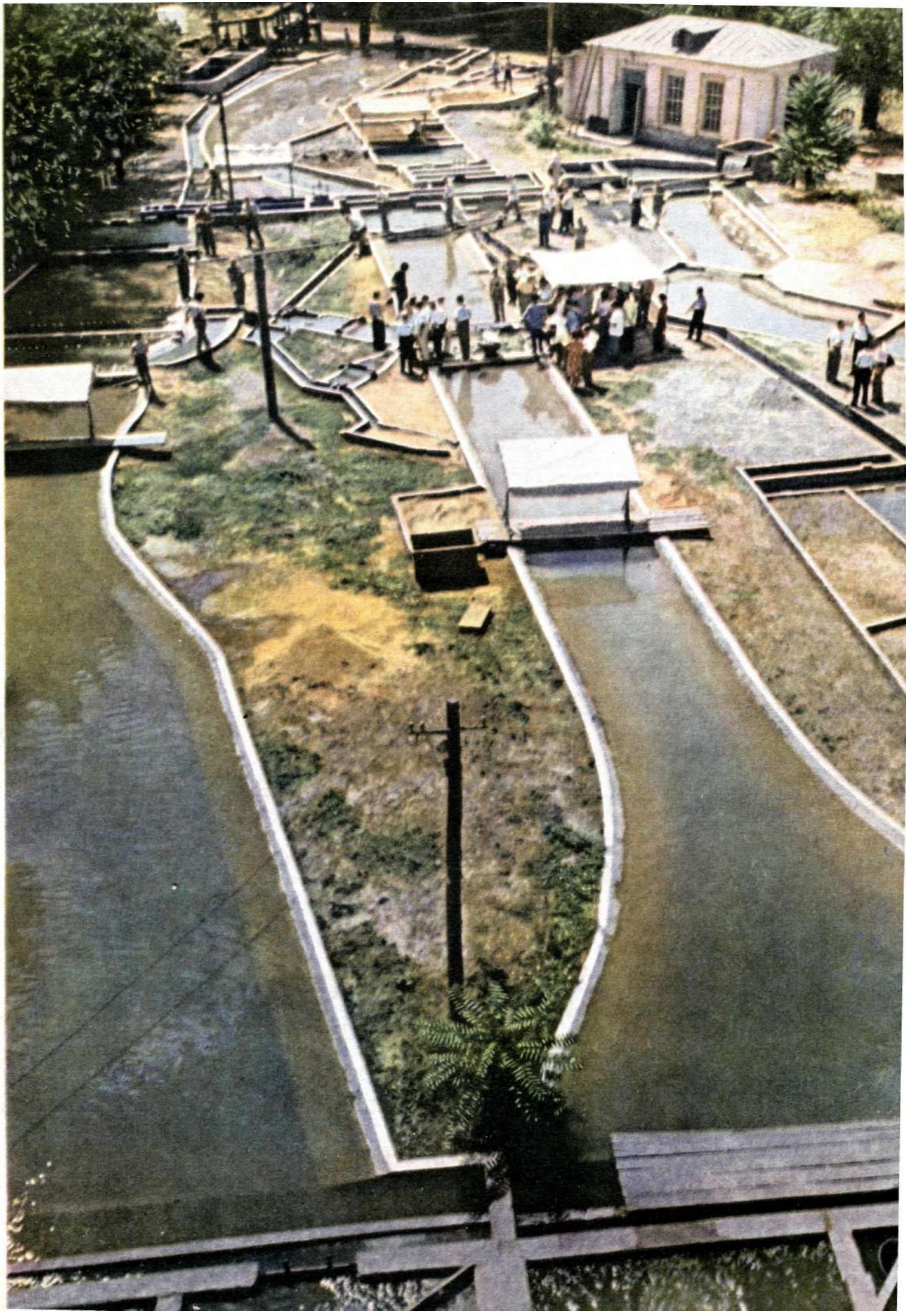
Палеонтологи определили, что слон из Тарибани пролежал в земле 5 миллионов лет. Эту цифру подсказал геологический возраст отложений, в которых была сделана находка. И это тоже было интересно. Ведь до последнего времени кости южных слонов обнаруживали в пластах земли, образовавшихся около миллиона лет назад. Гарибанский слон оказался намного старше своих уже известных науке собратьев.

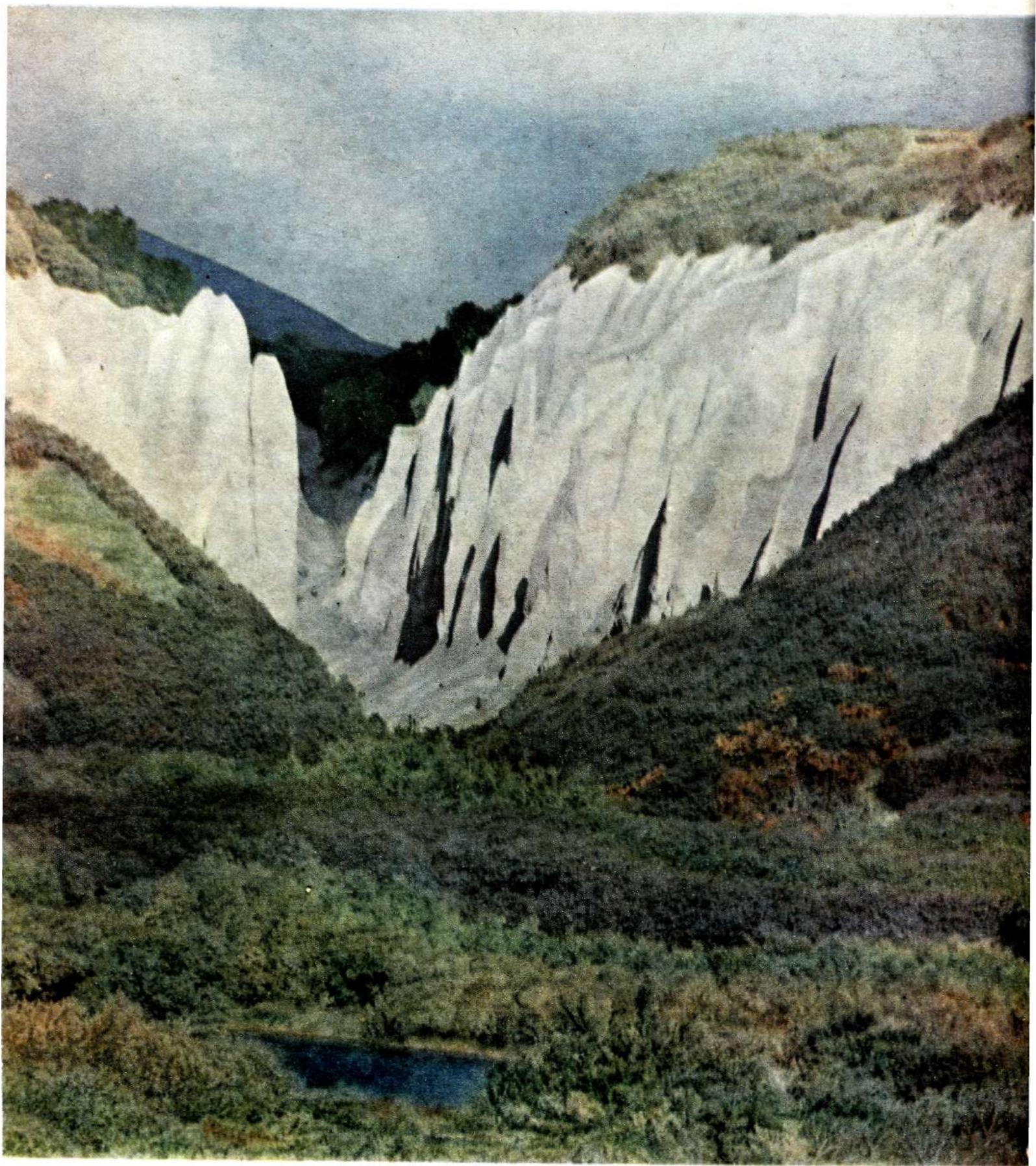
Перевезти в Тбилиси уникальную находку не представляло труда: песчаник надежно зацементировал кости, и только бивни рассыпались при первом же прикосновении. Поэтому сотрудникам тбилисского института палеобиологии пришлось, монтируя скелет, приладить к нему искусственные бивни.

И. БЕЖАНОВ, Тбилиси

Прежде чем строители приступят к возведению новых плотин на Аму-Дарье, Сыр-Дарье, Ангрене и других реках Средней Азии, ученые проводят всесторонние испытания макетов гидроузлов в лабораториях Ташкентского института водных проблем и гидротехники.

Фото Д. БАЛЬТЕРМАНЦА

КРУГОСВЕТНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ПИРАТА

14 февраля 1579 года Лима — столица испанских колоний в Южной Америке — была разбужена в первом часу ночи. Медный звон сорока колоколов разрывал душную тишину; на площади Пласа Майор сам вице-король равнял шеренги мушкетеров и копейщиков; тревожные возгласы «Исусе, к оружию» заглушались боем набата и истошными женскими воплями.

Случилось нечто невероятное: три часа назад английские пираты ворвались в гавань Кальяо, разграбили девять кораблей и с огромной добычей ушли в открытое море.

Легко понять, почему испанцы были так потрясены этой вестью. Все исследованные к тому времени части американского материка принадлежали тогда Испании. Ни одно чужеземное судно не бороздило еще вод Южных морей — этого огромного «испанского озера». Ни один английский пират не появлялся еще у чи-

1 Южными морями называется иногда южная часть Тихого океана.

лиских, перуанских или западных мексиканских берегов. И это вполне понятно — сам дьявол не смог бы переташить корабли волоком через Панамский перешеек. О том, что Огненная Земля — остров и его можно обойти с юга, тогда еще не знали. А Магелланов пролив с начала шестидесятых годов XVI века считался абсолютно непроходимым.

И тем не менее через эти, казалось бы, наглухо закрытые ворота прорвался в Тихий океан один из самых отчаянных английских пиратов — Фрэнсис Дрейк. Войдя в воды Южных морей он ринулся на север, к Вальпараисо, Кальяо, Акапулько — богатейшим испанским гаваням Нового Света.

Испанский король Филипп II готов был стереть в порошок своего посла в Лондоне дона Бернардино де Мендосу. У Мендосы во всех английских портах были шпионы, кормившиеся за счет испанской казны, но Дрейку удалось, снаряжая в Плимуте пять кораблей, скрыть от их длинных ушей свои замыслы.

Он вышел из Плимута 13 декабря 1577 года и, разграбив по пути испанские гавани в устье Ла-Платы, 20 августа 1578 года вступил в Магелланов пролив. Он прошел его очень быстро, всего лишь за 20 дней.

В Тихом океане флотилию встретил свирепый шторм. «Не успели мы войти в это море, — пишет один из спутников Дрейка, — иными называемое Тихим, а для нас оказавшееся Бешеным, как началась такая неистовая буря, какой мы еще не испытывали... Мы не видели солнечного света, а ночью — луны и звезд, и эти потемки длились 52 дня, пока была буря. Невдалеке по временам виднелись горы, и они вызывали ужас, потому что ветер гнал нас к ним на верную гибель; потом они скрылись из глаз... Мы потеряли наших товарищей».

Из всей флотилии остался лишь один корабль — «Золотая Лань». Буря занесла это судно далеко на юг, и Дрейк убедился, что за Огнен-

ной Землей простирается открытое море. Правда, еще в 1526 году это море видел испанец Осес, но никто не узнал о его открытии, так как донесения Осеса были упрятаны в испанские королевские архивы. Поэтому широкий пролив, отделяющий Огненную Землю от Антарктиды, назван на картах именем Дрейка.

Грабя по пути испанские города, Дрейк начал продвижение на север. Добыча его была огромной. Последней гаванью на его пути был мексиканский порт Акапулько, где он захватил галлион с грузом пряностей.

Из Акапулько Дрейк отправился к Калифорнии. Открытый им участок калифорнийского берега, еще неизвестный испанцам, он назвал Новым Альбионом. Обманув надежды своих врагов, пират не повернул обратно на юг, а совершил переход через Тихий океан. Затем, обогнув мыс Доброй Надежды, он в сентябре 1580 года возвратился в Англию.

Географическое значение путешествия Дрейка было для того времени довольно велико. Он вторым обошел земной шар, открыл пролив и ряд земель в Северной Америке, пересек Тихий океан в его центральной части. Но не географические открытия сделали плавание Дрейка знаменитым в Британской империи.

Путешествие его было, вероятно, самым доходным из всех, которые когда-либо предпринимались на земном шаре. Пиратская фирма, главным пайщиком которой была королева

КУТХИНЫ БАТЫ

Воинственный и вздорный бог камчадалов Кутха поселился однажды на реке Озерной. Отсюда на каменных челнах — батах — он отправлялся в море ловить рыбу, а когда надумал покинуть эти края, поставил свои лодки сушиться в речной долине. Такую легенду о горе Кутхины баты рассказывали на Камчатке. Белые уступы горы и правда очень похожи на каменные челны, прислоненные друг к другу. Эту «скульптуру» природа создала из вулканической пемзы.

Фото В. ГИППЕНРЕЙТЕРА

(Окончание на стр. 23)

ВОЛНЫ ДУНАЯ - ВОЛНЫ МИРА

Волны Дуная знают немало языков: они слышат речь венгров и чехов, болгар и румын, народов Югославии и Советского Союза. Донау и Дуна, Дунав и Дунэря — каждый народ по-своему называет эту вторую по величине в Европе водную артерию. Тому, кто умеет слушать волны этой реки, они расскажут о многом.

...Есть на венгерском берегу небольшой и тихий городок Мохач. Часто пристань его принимает пароходы с туристами. Гиды рассказывают им о том, что земля вокруг Мохача трижды в европейской истории становилась ареной кровопролитных боев: дважды с турецкими янычарами и уже на нашей памяти с гитлеровскими захватчиками.

И только осенью 1944 года, когда советские войска форсировали в этом районе Дунай и на-

несли сокрушительный удар гитлеровским захватчикам, над Мохачем взвилось знамя свободы.

С приходом новой жизни в большинство стран дунайского бассейна на берегах реки выросли города нового типа. Недалеко от древнего Мохача вам покажут гордость народной Венгрии — Дунайварош (Новодунайск — в переводе с венгерского).

Это крупнейший центр металлургии, химии и других отраслей индустрии социалистической Венгрии. Основные предприятия создавались здесь с помощью советских специалистов. Здесь окрепла и дала свои богатейшие плоды дружба советского и венгерского народов. Многие станки и агрегаты несут на себе марки Уралмаша, Новокраматорского и других советских заводов.

У Дунайвароша подрастают

братья — центры социалистической промышленности на румынских, болгарских, чехословацких берегах.

До второй мировой войны раздоры и междоусобицы мешали дунайским волнам нести на своих плечах мирные торговые суда. «Бегом с препятствиями» представлялся раньше для судов путь по Дунаю: каждое государство устанавливало на своем участке свой режим плавания, свою пошлину, свои речные знаки. Суда из Страны Советов вовсе не допускались в русло Дуная.

Даже неспециалисту в области экономики, даже человеку, не знакомому с колонками сухих цифр в отчетах дунайских национальных пароходств, при виде оживленного движения по широкой водной дороге становится ясно, что сейчас труженик-река работает очень напряженно. Сейчас по Ду-

наю перевозят в три раза больше грузов, чем десять лет назад!

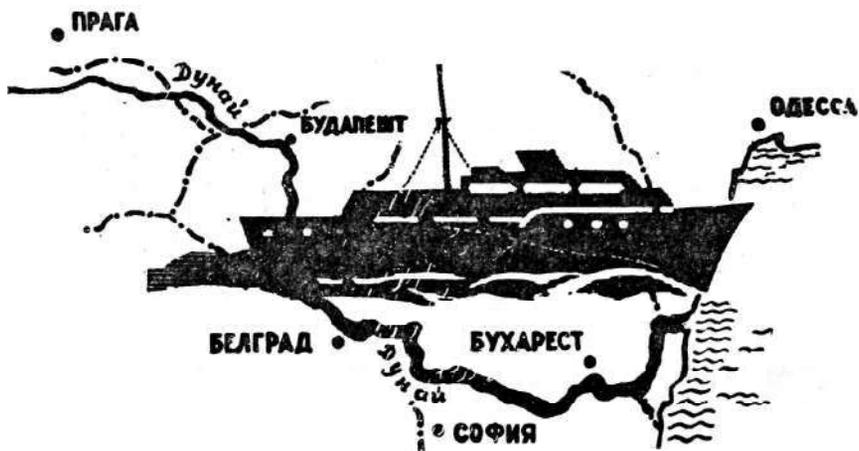
По международной традиции протяжными гудками салютуют друг другу суда. Капитаны — чехи и венгры, сербы и немцы, русские и австрийцы, болгары и румыны — придерживаются единых правил навигации, в их распоряжении единая гидрометеорологическая служба.

Представители почти всех расположенных по берегам реки стран участвуют в работе Дунайской комиссии. Осуществление проектов этой международной организации создаст благоприятные условия и для речных и для морских судов. Корабли, построенные в Галаце, смогут «обслуживать» не только Дунай, но и выходить в море. Они свяжут дунайский бассейн со странами Азии и Африки.

Когда смотришь с реки на румынские, болгарские, венгерские, чехословацкие берега, невольно сравниваешь их с гигантской конвейерной линией, по которой потоком «движутся» фабрики, заводы, промышленные комплексы, новые города. Металлургические заводы Дунайварошг, судостроительные заводы Комарно, Будапешта и Галаца, крупнейший в Центральной Европе алюминиевый завод в Альмашфюзите, цементный завод в Ва-

«Теперь социалистические страны вступили в такой период развития, когда созрели благоприятные условия для того, чтобы поднять их экономическое и политическое сотрудничество на новую, более высокую ступень. На этой ступени особое значение приобретают координация народнохозяйственных планов, международное социалистическое разделение труда, кооперация и специализация производства, обеспечивающие успешное развитие социалистических стран в их органической связи».

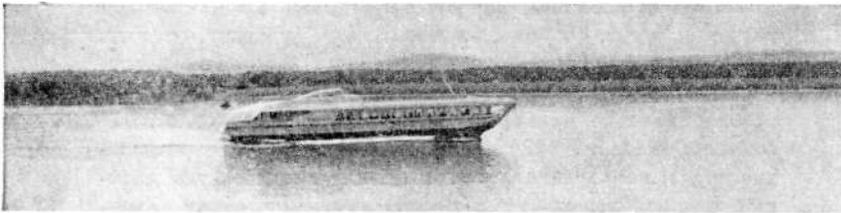
Н. С. ХРУЩЕВ

це и нефтеперерабатывающий в Братиславе.

Пора обновления пришла и в самую дремучую часть Дуная — ту, что без всяких метафор издавна называют дунайскими джунглями. Речь идет о дельте великой реки. Вода в протоках кишит рыбой, в плавнях гнездятся птицы. Многие сотни лет эти джунгли оставались нетронутыми. Теперь люди взялись за огромное богатство дельты — камыш; это великолепное сырье для строительной, химической и бумажной промышленности. Усилиями четырех стран — участниц Совета Экономической Взаимопомощи — в дельте Дуная возводится крупнейший в Европе комби-

Буда, Дунай и Пешт.

Крылатый корабль прилетел на Дунай с берегов Волги,

*Пассажиры могут быть спокойны: пароходы по Дунаю
ведут опытные капитаны.*

Эта дунайская крепость была свидетелем многих событий.

нат по переработке камыша. Стройка эта — она сродни многим стройкам социалистического содружества — является школой товарищеской взаимопомощи. Здесь рядом трудятся рабочие и инженеры из Румынии и Польши, Чехословакии и ГДР. И не случайно поселок строителей носит название «Дружба».

Это замечательное, ставшее уже традиционным имя носят и новые мосты, что связали дунайские берега между Венгрией и Чехословакией, между Болгарией и Румынией. Так называется и строящийся странами-братьями гигантский международный нефтепровод.

...Железные ворота. Здесь горло богатыря Дуная мертвой хваткой сжимают отроги Южных Карпат и Балкан. В их тисках привольная река превращается в узкий бурный поток. Немало надо потрудиться, чтобы провести суда сквозь эти теснины. Но и в это гибельное место идет обновление. Новый канал разножует каменные берега, и бурный поток слугит человеку. Здесь Румыния и Югославия сооружают одну из крупнейших в мире гидроэлектростанций. По берегам разбегутся длинноногие стальные опоры высоковольтных линий. Новая станция даст свыше 10 миллиардов киловатт-часов электроэнергии в год.

Есть такой школьный стишок: «Сава, Драва, Тисса, Прут — все в реку Дунай текут...» На самом деле в эту могучую реку, протянувшуюся на три тысячи километров, впадают сотни притоков. Из них 34 судоходных. Они-то вместе с Дунаем и являются «внутренним морем» для стран Центральной и Юго-Восточной Европы.

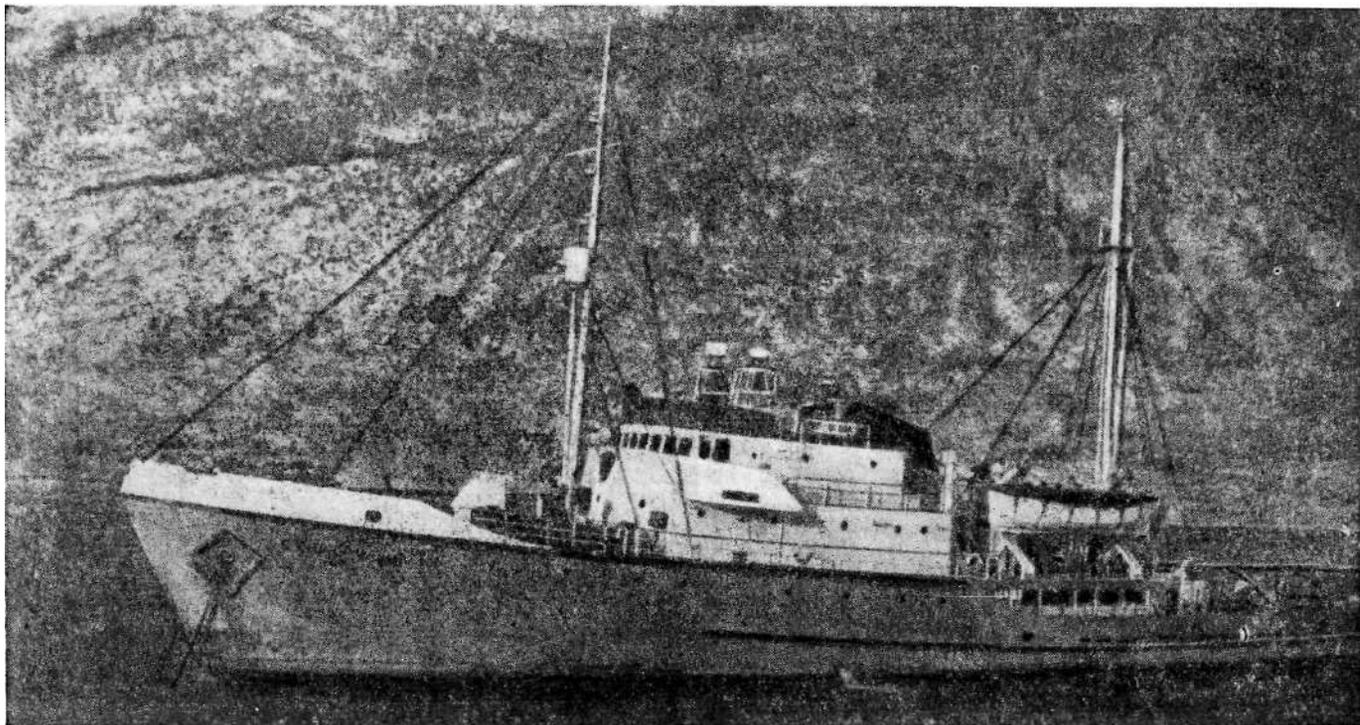
Опыт успешного сотрудничества позволяет придунайским странам коллективно взяться за решение проблем, которые невозможно было бы решить в рамках и силами отдельных государств.

Гидротехники разных стран по единому плану уже вносят свои поправки в содеянное природой. Разработаны проекты, по которым голубые швы каналов, водохранилища, шлюзы соединят Дунай с Одрой и Рейном в единую магистраль. Тогда «внутреннее море» станет дорогой от Балтики к Причерноморью.

Так Дунай — некогда «река-межа», «река раздора и междоусобиц» — стала рекой дружбы и товарищеской взаимопомощи братских социалистических стран. Вместе с тем Дунай уже сегодня дает убедительный пример решения сложной международной проблемы на основе мирного сосуществования государств с различным социальным строем.

Вот какую историю расскажет Дунай тому, кто умеет слушать его волны.

„СТЕРЕГУЩИЙ“

ПРИХОДИТ НА ПОМОЩЬ

К. АНЗИМИРОВ,
Ф. РОДИОНОВ

Фото Г. ДУБИНСКОГО

Океан был действительно Тихим. Не волны, а какие-то петушинные гребешки бродили по нему. Они ласково пошлепывали крутые бока «Стерегущего». Мы шли в бухту Имата.

Нам повезло. Знакомство с океаном произошло не на какой-нибудь утлой посудине, а на судне-спасателе. Мы с явным удовольствием произносили это слово: «спасатель». Мы знали, что находимся на великолепном корабле, воплотившем в себе все последние достижения судостроительной техники. «Стерегущий» был не велик, но он мог вступить в схватку с любым штормом. Он брал «не числом, а умением». Даже если ему вздумалось бы перевернуться, то он немедленно, в силу своей конструкции, снова встал бы «на ноги». Он был создан для борьбы со стихией. И не только с водной. Ему был не страшен и огонь. Он мог пройти сквозь пламя, оградив себя искусственным дождем и извергая из своих гидромониторов мощные водопады. Мы узнали: нет такой беды, с которой «Стерегущий» не мог бы бороться.

О «Стерегущем» нам с восторгом рассказывал помощник капитана Пилипенко, молоденький паренек, который в свои двадцать четыре года успел окончить Одесское мореходное училище, избородить Охотское и Берингово моря, а заодно стать студентом-заочником Московского юридического института. Вместе с ним мы совершили экскурсию по «Стерегущему».

В радиорубке начальник рации Николай Лобунский, метнув в нашу сторону недовольный взгляд, кивнул на

часы. В глаза бросился красный сектор на циферблате. Через этот сектор шла стрелка.

— Аварийную волну слушает, — шепотом объяснил Пилипенко.

Аварийная волна — это для моряков что-то вроде телефона номер 01. Только если в городе тревожные сообщения принимают всего лишь несколько диспетчеров, то в океане, когда минутная стрелка движется по красному сектору, аварийную волну слушают радисты всех кораблей. Не раздастся ли где-нибудь тревожный сигнал: ти-ти-ти, та-та-та, три точки, три тире и еще раз три точки — «SOS!»

Не очень-то тих и ласков Тихий. Совсе уж не тихая жизнь у экипажа спасателя. «Стерегущий» — профессиональный ловец тревожных сигналов «SOS». Капитан «Стерегущего» Владимир Иванович Афанасьев, который вот уже восьмой год командует этим судном, знает, что экипаж в любую минуту должен быть готов к неожиданному.

Суровая статистика говорит, что примерно каждые три-четыре дня «Стерегущий» выходит на аварию. А выход на аварию — это не рейс по судовому расписанию. Это многочасовой аврал, требующий от моряков спасателя предельного напряжения сил.

...Случилось это поздней осенью. В Корф прибыли геологи из партии, расположенной где-то севернее бухты Натальи. В партии кончились продукты. Нужно было, не теряя ни минуты, найти судно, которое доставило бы в поисковую партию провиант. Уже начинали, свои репетиции свирепые зимние штормы.

Наконец судно нашлось. Это был небольшой сейнер «Кашалот», пришедший с лова на ремонт. И, несмотря на то, что моряки «Кашалота» уже настроились на спокойную береговую жизнь, они решили выйти в рейс, чтобы оказать помощь геологам, попавшим в беду.

Ранним утром «Кашалот» вышел в море. К вечеру начался шторм. Видимость была такая, что из рулевой рубки не был заметен бак. Ночью сейнер снесло под берег и сильной волной бросило на камни. Две следующие волны перевернули судно. К счастью, получилось так, что между водой, хлынувшей внутрь, и палубой образовалась воздушная прослойка. Это спасло команду, хотя люди оказались почти по горло в ледяной воде. В последние секунды радист успел послать «SOS», моряки надеялись, что помощь придет.

Через несколько часов в море показались огоньки. Наперекор шторму к потерпевшим спешил «Стерегающий». Однако снять людей с «Кашалота» оказалось не просто. Мешали бары — прибрежные отмели, образующие стремительное течение, которое может моментально перевернуть и разбить шлюпку о камни.

И все же шлюпку надо было спускать. Иного выхода не было. Первым добровольно вызвался идти к сейнеру комсорг «Стерегающего» Анатолий Мищенко. К нему присоединились еще несколько человек из палубной команды.

Над морем забрезжил тусклый камчатский рассвет. Волны несколько поутихли, но, как известно, бары опасны даже в самую тихую погоду.

Смельчакам надо было очень точно взять направление, чтобы течение вынесло их к «Кашалоту» и не захлестнуло волной. Удастся ли?

Шлюпка несется стрелой прямо на сейнер. Кажется, еще миг — и она разобьется о камни, на которых сидит «Кашалот». Но в последний момент рулевой сделал чуть заметное движение, и вот уже моряки со спасателя карабкаются на сейнер. У всех одна мысль: живы ли люди? Живы! Одного за другим рыбаков «Кашалота» вытаскивали наверх, а затем переправляли в шлюпку.

После того как все пострадавшие оказались в лазарете «Стерегающего», Афанасьев дал команду снять «Кашалот» с камней. Трое суток спасатели работали, не обращая внимания на волны, пронзительный ве-

тер и усталость. Наконец «Кашалот» был отбуксирован к берегу. Так закончился этот в общем-то обычный, по мнению экипажа «Стерегающего», случай.

...К вечеру ветер посвежел. Петушиные гребешки волн постепенно превращались в львиные гривы. «Стерегающий» стало заметно покачивать. Слева от нас тянулись в сумерках скалистые камчатские берега.

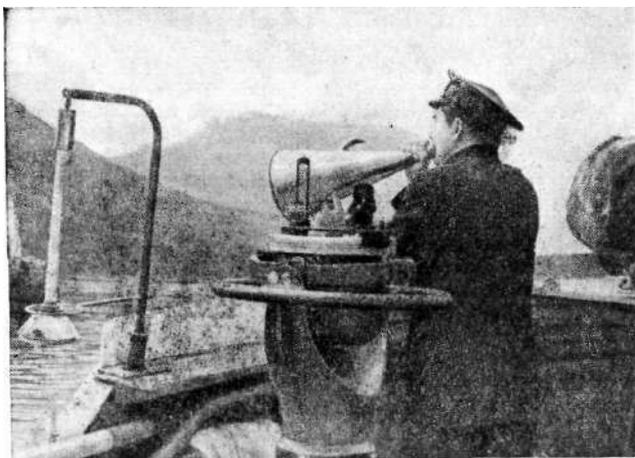
На аварийной волне все было спокойно, и, посидев еще немного в радиорубке, мы отправились в каюту, на свой первый ночлег в океане. Нас разбудили голоса

Все на «Стерегающем» действуют без суеты, уверенно и быстро.

Радист Николай Лобунский принял сигнал бедствия.

Команду капитана слушают на аварийном судне.

за переборкой. В открытый иллюминатор донеслась громкая команда. Мы поспешно оделись.

— Что случилось?

— «SOS» радист принял...

В штурманской рубке мы застали капитана, в кителе нараспашку, в мягких домашних туфлях, Пилипенко и старпома Андрея Ковалева. Все трое склонились над картой.

— Ничего особенного, — как будто извинился Пилипенко. — «Портовик», траулер тут один, наматал сети на винт. Потерял управление.

Часа через четыре в океане показалась россыпь разноцветных огоньков: белых, зеленых, красных. Горю, да и только! Это штук сорок траулеров собрались здесь на ночевку.

Через несколько минут водолаз Виктор Семенов уйдет под корму поврежденного траулера.

Вскоре огоньки остались где-то в стороне, а мы идем к дальней одинокой звездочке. Радист все время держит с «Портовиком» связь. Когда до траулера остаётся метров пятьсот, капитан говорит старпому:

— Анатолий Иванович, распорядитесь о буксире.

Все на «Стерегущем» действуют без суеты, быстро и уверенно. На корме загрелась лебедка, и прожектор, вспыхнувший на верхнем мостике, выхватил из темноты фигуры палубных матросов, хлопотавших над буксиром — стальным тросом толщиной в добрый кулак.

Теперь предстояло самое главное — взять «Портовик» на буксир. Афанасьев — у переговорной трубы.

— Малый вперед... Самый малый вперед... — И негромко рулевому: — Лево руля... Вправо не ходить! Но как ни старался рулевой удержать судно на заданном курсе, «Стерегающий» проскакивает мимо носа «Портовика» метрах в тридцати. Все начинается сначала. Наконец на «Портовике» ловят чалку...

На рассвете мы оказались в небольшой бухте, хорошо защищенной от ветра скалистыми сопками. Водолаз Виктор Семенов надел скафандр и десятикилограммовые ботинки, ушел под корму «Портовика». Через два часа он по телефону доложил Афанасьеву, что винт чист.

А еще через полчаса «Портовик», благодарно прогудев «Стерегущему», ушел в район лова, а мы снова взяли курс на Иматру.

И снова на борту жизнь пошла своим чередом. В радиорубке стрелка по-прежнему совершала круги, каждый час проходя через красный сектор...

КРУГОСВЕТНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ПИРАТА

(Окончание. Начало на стр. 17)

Елизавета, получила невиданные барыши. 4 700 процентов прибыли дал этой «фирме» кругосветный разбойничий рейд Фрэнсиса Дрейка. На плимутские пристани выгружено было множество сундуков и ящиков с золотом и серебром. «В них было, — доносил Бернардино де Мендоса Филиппу II, — двадцать тонн (около 15 тонн) драгоценных металлов, и это не считая большого количества жемчуга, а многие жемчужины цены необычайной».

«Елизавета, — с горечью доносил Мендоса, — самолично явилась на пристань в Грэнуче (Гринвиче), чтобы поглядеть на корабль Дракеса (Дрейка), и тот устроил банкет, какого Англия не видела со времен короля Генриха VIII. И за пиршественным столом (королева) опоясала Дрейка золотой шпагой, за что посвященный в рыцари пират преподнес ей серебряный ларец и бриллиантовое ожерелье...»

Пиратский рейд Дрейка не случайно прославляют в современной Англии сотни книг. Такие книги пишутся и издаются в Лондоне трубадурами британского империализма, причем история рейда «Золотой Лани» неизменно овеяна в них романтической дымкой.

Биографов Дрейка распалаяют воспоминания о баснословных барышах: плавание «пирата-джентльмена» переносит их в «золотой век» колониализма, в те времена, когда британским добытчикам ничто не препятствовало безнаказанно грабить и разорять заморские земли. Народам, которые только что сбросили ярмо колонизаторов, известна истинная цена этой пиратской романтики. «Романтическим» плаванием «Золотой Лани» фактически открывается история британского колониализма. Пират ее величества Дрейк проложил через океаны и моря новые пути британским захватчикам.

Я. СВЕТ

КАШТАНЫ-НОВОСЕЛЫ

Летом цветут каштаны. Их белые, иногда желтые и розовые цветы на фоне темной кроны похожи на горящие люстры. Такие «люстры» украшают улицы многих южных городов нашей страны. «Но почему каштаны растут только на юге? Нельзя ли переселить их в среднюю полосу, в Сибирь?» — задумался я.

Осенью 1960 года я разослал во все концы страны 314 посылок с плодами каштанов и с нетерпением ожидал сообщений от любителей природы.

И вот первое письмо

из Ульяновска: «Каштаны благополучно перезимовали, а весной распустились».

Вскоре я получил письма из Калинина, Торжка, Свердловска и даже Северодвинска. Во всех этих городах «новоселы» чувствовали себя прекрасно. Теперь можно сказать с уверенностью: пройдут годы, и на улицах и в парках городов средней полосы нашей Родины зацветут каштаны. Надеюсь, что приживутся они и в Сибири.

**В. ПУТЯТОВ, агроном
Киев**

ЭКСПЕРИМЕНТ

МИШЕЛЬ СИФФР

Мишелю Сиффру 23 года. В 13 лет в порядке исключения он был принят в члены клуба Мартеля (секция спелеологов французского Альпийского клуба); в 17 лет участвовал в кругосветном плавании на океанографическом судне; в 20 лет зарегистрировал 37 сообщений в Академии наук; в 21 год получил диплом об окончании Сорбонны; в 22 года Мишель Сиффр — глава геологической экспедиции на Цейлоне. Наконец, в июле прошлого года он спускается к подземному леднику Скарассви в массиве Маргаре (район франко-итальянской границы).

Цель экспедиции: изучение подземного ледника, физиологических и психологических последствий длительного одиночества, исследование состояния человека при потере чувства времени.

Так бывало не раз, да, наверное, не раз еще будет: чтобы доказать правильность своей гипотезы и не подвергать риску других, исследователь делает опыт на себе. Конструктор первым садится за штурвал своей машины. Врач прививает себе болезнь и испытывает новый способ лечения. Этнограф пересекает на плоту океан, следуя по путям древних...

Перед нами пачки вспухших от сырости измятых листков с красными потеками чернил и пятнами сажи. Пачка листков — дневник человека, решившего провести над собой необычный эксперимент.

И вот я стою над входом в бездну, и рядом со мной товарищи по экспедиции, которые помогут мне спуститься на подземный ледник-

Голоса друзей кажутся мне отзвуками разговоров из потустороннего мира, из другого времени. Мне не верится даже, что именно я, а никто другой, спустится сейчас в колодец. Я механически натягиваю комбинезон, потом сапоги. Теперь все, я готов. Какая-то странная нервозность овладевает мною: я одновременно рассеян и возбужден. Надеваю каску, снимаю с руки часы, отдаю их бригадиру Какова. Наступает время прощания, я пожимаю чьи-то руки, отвечаю на чей-то последний вопрос — и волнение исчезает. Я хватаюсь за ступеньки металлической лесенки и начинаю спуск в свою новую вселенную.

16 июля, 14 часов. Спустившись на пару десятков метров, наталкиваюсь на снежный пласт, покрывающий целиком дно первого колодца. В прошлом году его не было, и я начинаю понимать, какого труда стоило спелеологам спустить вниз тонну оборудования для моей подземной жизни.

Вот и «кошачий лаз» — узенькая щель, за которой начинается полная темнота. Через несколько метров он выводит меня в тридцатиметровый колодец с ледяными стенками, за которыми тянется цепь галерей (я прохожу их почти без труда), заканчивающаяся ещё более глубоким, сорокаметровым, колодцем.

Все. Теперь я знаю, что не поднимусь наверх раньше чем через два месяца. Отступить слишком поздно. Тяжелые мысли постепенно исчезают где-то в глубине сознания. Спускаюсь еще ниже. Вот и площадка над ледником, где я буду жить. Первое, что бросается в глаза, — моя палатка. Она ярко-красного цвета и выглядит здесь более чем странно.

18 часов. Вслед за мной спускаются остальные члены экспедиции:

Печатается с сокращениями.

они должны помочь мне устроиться и разобрать вещи. Походная койка, стул, раскладной столик, батарейки, баллон с газом, плитка и три телефона — не так уж малло.

Все быстро промерзаем до костей и передаем по кругу термос с горячим какао. Сырость прямо-таки парализует.

Им пора подниматься. Пожимаем друг другу руки, и я долго смотрю, как последний человек исчезает в конце нижней галереи. Лампа медленно ползет вверх по вертикальной стенке, и до меня едва слышно доносится слабое эхо: «Три метра... два метра... всё». Это считает тот, кто страхует их наверху. С высоты сорока метров они еще раз кричат мне: «Пока!» Потом, как я просил, поднимают за собой лестницу. Теперь даже при желании мне одному не подняться.

22 часа. Я остался один. Один в тишине и сумерках, плотно обступивших меня. Я долго еще стоял и смотрел вверх: мне казалось, что пятно света по-прежнему поднимается и я вижу его. Все кончено. Один-одинешенек. Трудно как-то привыкнуть к этому, но это так: я сам вызвался, я сам хотел этого.

Темнота вокруг ужасающа. Я кажусь себе совсем маленьким, стою и пялю глаза в окружающую темень. На уши всей тяжестью наваливается тишина...

Ну ладно, хватит. Я иду на край площадки, где сложены мои вещи, вытаскиваю из мешков все необходимое, раскладываю в палатке одежду, трясу спальный мешок. Потом усталость берет свое: я быстро раздеваюсь, укладываюсь в пуховый спальник и засыпаю. Тепло, хорошо!

17 июля. Первая моя подземная ночь прошла без сновидений. Я проснулся, не зная, который час, но я пока имею право узнать его; до сегодняшнего вечера еще продолжается период эталонирования — я должен установить для себя единицу времени. Каждый час мне будут звонить и говорить время — до 22 часов — «времени ноль». С этого момента я должен буду ориентироваться во времени сам.

“ВРЕМЯ”

Дно палатки насквозь пропиталось ледяной водой, и я думаю, что вовремя перенес вчера одежду на возвышение. Теперь я с наслаждением облачаюсь в сухие штаны, рубашку и свитер. Холодный воздух хватает за горло; быстро разогреваю на плитке воду, бросаю туда сахар и какао. Мягкое тепло заполняет меня до краев, но с последним глотком холод охватывает, как и раньше.

Продолжаю тащить в палатку все, что она может вместить. Мой красный складной столик (я выбрал по возможности все предметы красного цвета, потому что это теплый тон и в темноте он будет приятен; чернила у меня тоже красные) исчезает под грудой разнородных вещей: ножей, блокнотов, книг, фонариков, зажигалок, лекарств.

Под конец я устанавливаю проигрыватель, одолженный у одного приятеля, и ставлю Третий концерт для фортепьяно с оркестром Бетховена. Необыкновенное чувство чего-то грандиозного и трагического охватывает меня при звуках музыки, странно звучащих здесь, в этой пещере. Представьте себе на мгновение человека, одного, затерянного во тьме, сидящего на парусиновом стуле и слушающего в непроницаемой тишине знакомую музыку. Это единственная нить, связывающая меня с внешним миром.

Покончив с едой, запираюсь в палатке, где я предусмотрительно зажег нагреватель, чтобы не так страдать от холода этой ночью. Скидываю с себя одежду с той же быстротой, что и вчера, и ставлю пластинку: лежать в полной тишине невыносимо. Вскоре раздается телефонный звонок. Моя группа с поверхности объявляет: «22 часа — время ноль, эксперимент «Время» начался. Спокойной ночи, Мишель, желаем тебе успеха!»

Лишь теперь я начинаю обзывать себя по-всякому за то, что не догадался засечь время звучания одной пластинки...

Так началось мое путешествие вне времени в глубину подземной ночи.

Среда 18 июля. Продолжаю начатую вчера работу. Ни малейшего представления о времени. Если ориентироваться по голоду, то сейчас, наверное, около часа дня. Провожу первый кулинарный опыт: разминаю сыр и намазываю его на хлеб. Странно, но я доволен собой. Продолжаю что-то мастерить, потом читаю. Удивительно: по моей «прикидке» времени не больше 16 часов, а мне уже захотелось спать.

Проснувшись, вызывал четыре или пять раз поверхность — никакого ответа. Значит, Жан-Пьер и Канова спят; ничего удивительного: по моей «прикидке» 22 часа. Хотя, может быть, и утро. Верх спального мешка весь в воде...

По-моему, 20 июля, часа 3 ночи. Сегодня приступаю к геологическим работам: буду изучать движение вод в массиве Маргаре. Чертовски трудно передвигаться! Набрасываю на карте гидрографическую сеть. Затем пытаюсь воспроизвести форму кристаллов льда; удается зарисовать несколько штук, но холод сводит пальцы; решаю лучше сфотографировать их... Чуть было не сломал аппарат. Беспеременно оступаю (утром надел резиновые сапоги), ведь прямо за палаткой обрывается вниз двадцатиметровый ледяной скат. Исследую ледник; на 102-м метре обнаруживаю крохотную галерею, лезу в нее и выхожу на дно соседнего колодца высотой метра в три-четыре...

Суббота, 21 июля. С сегодняшнего дня время для меня потеряло свой смысл.

Воскресенье, 22 июля. Долго не мог решиться покинуть постель. Потом все же решил: надо пойти обследовать ледяные наросты. На краю морены оглядываюсь и вижу свою красную палатку, освещенную лампочкой, укрепленной рядом с французским флажком. Мысли роem вертятся в голове, никак не могу сосредоточиться на чем-нибудь определенном. Я все же иду на морену, но не отхожу далеко. Такое чувство, что вот-вот на голову обрушится ледяная глыба. Мне ясно видны на потолке нависающие куски. Небольшого обломка достаточно, чтобы превратить меня в лепешку.

Понедельник 23 июля. Сегодня днем около часу я впервые по-настоящему очень испугался. Здоровый обломок льда грохнулся совсем рядом с площадкой. Надо скорей убрать оставшиеся вещи. Время кажется мне сегодня особенно долгим. Первая атака одиночества...

Среда, 25 июля. Поскольку я не могу ориентироваться во времени, дни я буду считать по физиологическим циклам (пробуждение, завтрак, обед, сон). 24 июля соответствует моему десятому физиологическому дню. Я решаю пойти обследовать плоскую часть ледника. Одеваюсь, беру кошки и веревку и начинаю карабкаться на вертикальную стену. Лезть довольно легко, и я вскоре взбираюсь на идеально ровную площадку, но тут кончаются батарейки, и приходится вернуться в палатку за фонариком. Начинаю во второй раз взбираться, но соскальзываю. Решаю прекратить. Ноги у меня буквально обледенели. Придя назад, в палатку, громко читаю стихи Ламартина и заполняю дневник. Замечаю, что с расстояния в полметра чернильница кажется мне голубой, хотя я точно знаю, что она зеленая.

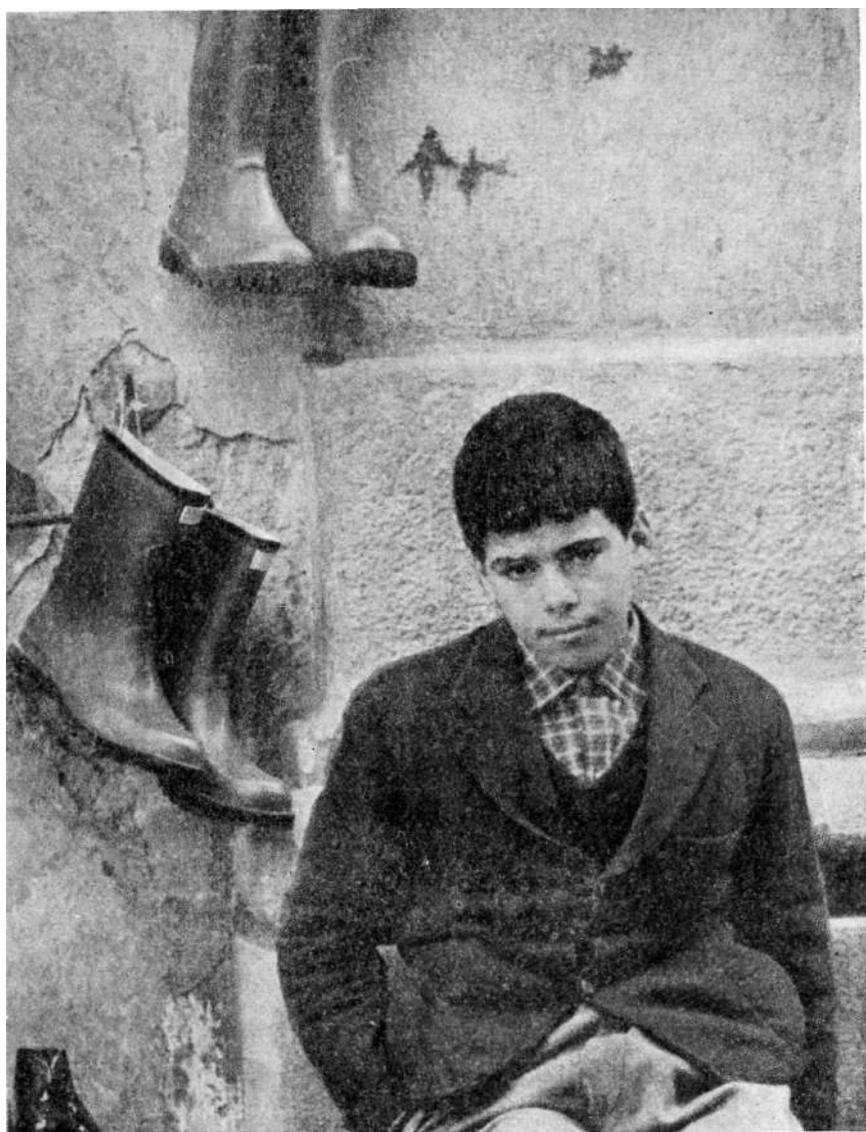
Пятница, 27 июля. Сегодня утром узнал, что группа спелеологов вышла из Ардеша. Ничего не понимаю: она же должна была выйти 10 августа. Вот уже три дня я просыпаюсь с трудом и вставать мне не хочется... Решаю взять пока пробы воды, сочашейся с потолка. Делать это порядком тяжело. Удалось наполнить лишь маленькую бутылочку. Делаю замер концентрации рудничного газа: получается 18 процентов...

(Окончание на стр. 45)

РАЗНОЛИКАЯ ИТАЛИЯ

Текст ЛЬВА КАССИЛЯ

Фото В. АХЛОМОВА

Этому флорентийскому мальчугану — бамбино — полагалось бы сидеть за партой. Но ему, как и многим сверстникам, приходится подрабатывать, чтобы помочь семье.

У юной римлянки товар не такой ходкий, как у флорентийского бамбино. Но ведь не хлебом единым жив человек... С каждым годом растет в Италии интерес к настоящей, большой литературе.

Вино в Италии дешево, не дороже минеральной воды. Угощайтесь, синьоры! Странно, что так долго приходится уговаривать покупателей...

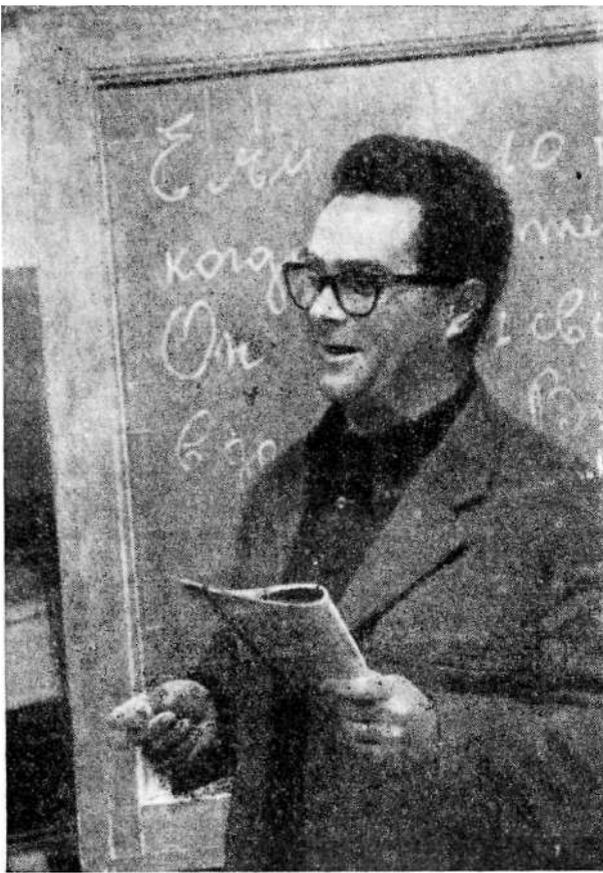
На закуску годятся **жареные каштаны**. Ими торгуют **на всех** перекрестках Рима — это лакомство бедняков известно с давних времен. Способы доставки товара у продавцов каштанов за последние тысячелетия тоже, как видно, не изменились.

О том, что нового на свете, чем в наши дни живут люди, напомнит вам зычным голосом продавец газет, едва вы ступите с корабельного трапа на набережную Неаполя.

Спешите! Спешите! Свежие новости на свежую голову. И на любой вкус! Глотка газетчика крепче паровой сирены. Устами его глаголет если и не истина, то злоба дня.

Тема этого произведения довольно древняя — евангелическая. Если не ошибаюсь, «дары волхвов». Их преподнес зрителям живописец, нашедший для решения этой почтенной темы несколько экстравагантную композицию. Молодой итальянец почему-то надолго задумался у картины. О чем? Что вызвало у него сомнения? Новая форма или устаревшее содержание!

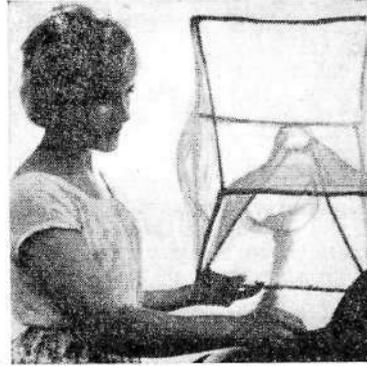
Не легко дается итальянцам русский язык, а хочется в совершенстве владеть им — языком Ленина, Пушкина, Толстого, языком, из которого вошло во все языки мира слово «спутник».

Как и многие другие флорентийцы, Карло Вальци с большим рвением посещает уроки русского языка, организованные отделением общества дружбы «Италия — СССР».

Везде — на берегах многочисленных каналов, на мостах, на набережных, в веселой пестрой толпе венецианцев и туристов — всюду мрачные сутаны. Их много и в Венеции, и в Риме, и в Неаполе, и во Флоренции. Как бы хотелось представить себе Италию без них!..

Но что для веселой венецианки черное воронье! Она дружит с приветливыми и бесстрашными голубями.

ТАЙГА БЕЗ ГНУСА

С. ЕЛАХОВСКИЙ,
наш спец. корр.

Фото автора

КРЫЛАТЫЕ ПИРАНЬИ

Как-то, будучи на севере, в печорских краях, заночевал я у геологов. Они жили в маленьком белом домике. Посреди единственной комнаты висела прямоугольная палатка из тонкой ткани. Привязанная за углы к потолку, она закрывала спальные мешки.

Всю ночь палатка тонула в ровном, бесконечном звоне. Это тучи комаров и мошек пытались проникнуть внутрь. Когда рассвело, геологи выскочили из-под полога и выбежали из дому. Затем один из них зажег внутри дома дымовую шашку и плотно закрыл дверь. Минут через десять он вынес на улицу почти полное ведро комаров и мошек.

В другой раз я «встретился» с гнусом, когда ехал по приангарской дороге в таежный поселок. Было безоблачно, но казалось, идет дождь: над дорогой висели тучи мошек и бились о стекла, о крышу кабины, о капот. Водитель самосвала Леша улыбнулся и сказал:

— Это еще что! Тут, говорят, один с кедр сорвал — и ни царапины... Угодил, как в копну, прямо в стаю мошкары...

Сквозь лобовое стекло стало трудно различать дорогу. От радиатора поднималась растрепанная струйка пара. Вскоре пар повалил густо. Леша остановил машину. Он уже не улыбался и не шутил...

— Ну как тут работать? — ворчал Алексей, промывая радиатор, забитый мошками.

За поворотом, сквозь наглухо задраенные окна кабины, я увидел на небольшой елани каких-то странных животных. Они были укутаны брезентовыми чехлами и разноцветными тряпками. Торчали лишь хвосты и ноги. Хвосты крутились, как пропеллеры. Не сразу в этих животных можно было признать обыкновенных коров. Леша рассказал, что так наряжают их, если рискуют выгонять на пастбище днем. Обычно же скот пасут ночью, когда не нападает гнус. Днем уставшие коровы стоят в загонах, устроенных на ветреных местах. Молока они, конечно, дают мало. Миллионы литров «выпивают» мошки и комары.

Вскоре машина остановилась у лесосеки. Небо закрыли облака, было тепло, и дождя не предвиделось. Для работы самая подходящая погода. Но лесорубы,

вместо того чтобы валить лес, разводили дымокуры. Тучи мокрецов, мелких, как пыль, вгрызались в лица, забирались под одежду, лезли в рот и глаза. И перед полчищами гнуса, беспощадного, как пиранья — хищные рыбы Амазонки, — отступили даже привыкшие ко всему сибиряки.

Это было позапрошлым летом. Тогда я и не подозревал, что потом мне придется так близко столкнуться с «проблемой гнуса» и даже писать о ней, что эта самая проблема снова приведет меня на берега Ангары, в район великой стройки.

И вот прошедшим летом... Впрочем, расскажу по порядку.

НЕВИДИМЫЙ БАРЬЕР

Гнус... Словом этим, хлестким, как бич, народ называл четыре разновидности насекомых: комаров, мошек, слепней и мокрецов. В разных местах в шайках крылатых разбойников тон задают определенные, выражаясь языком ученых, «компоненты гнуса». Но самые страшные, самые многочисленные и оголтелые среди них, безусловно, мошки — «мошка», как говорят сибиряки. Серьезная борьба с ней развернулась впервые как раз в районе Братска. Там я и познакомился с сотрудниками Центрального научно-исследовательского дезинфекционного института, которые проводили испытание репеллентов.

Репелленты... Я уже знал, что этим словом называют жидкие органические препараты, отпугивающие насекомых. Основное назначение репеллентов — индивидуальная защита от нападения гнуса в тайге, в тундре, в степях и пустынях, вблизи рек. Один из первых репеллентов, который синтезировали химики, — широко известный диметилфталат. Пропитав репеллентом одежду или нанеся его тонким слоем на лицо и руки, человек оказывался недосыгаем для мошек: невидимый «барьер» запаха защищал его. Но как только запах

Научные
Шаршруты
Семилетки

выдыхался, «барьер» исчезал. И ученые стали искать и испытывать более стойкие репелленты. В последние годы появились гексамид, кюзол, диэтилтолуамид.

Под соснами на краю поляны сидят люди. Костюмы их пропитаны разными репеллентами. Над головами у испытателей не то большие зонты, не то маленькие парашюты. В руках стропы. Вокруг вьются мошки, но люди неподвижны и безмолвны, словно памятники.

Через определенный промежуток времени раздается команда: «Внимание... Гоп!» «Парашютисты» выпускают из рук стропы — и белые бязевые цилиндры скрывают их. В плену цилиндров оказываются и подлетевшие близко насекомые. Попавшихся насекомых быстро ловят приспособлением, похожим на пылесос, и «упаковывают» в пробирки, чтобы потом подсчитать количество и определить виды, выяснить, какого запаха они больше боятся и как долго.

Для выяснения истинной силы репеллентов во время каждого опыта один «парашютист» сидит в чистом костюме — контрольном. Легко представить, сколько нужно терпения, чтобы безропотно переносить нападение полчищ гнуса...

Есть и еще одна тонкость — опыт надо ставить таким образом, чтобы в его результаты не вмешивалась «индивидуальная привлекательность». А она существует, эта привлекательность, — ведь известно, что одного человека буквально заедают комары и слепни, а другого, находящегося рядом, почти не трогают. Поэтому костюмы, пропитанные разными репеллентами, надевают все по очереди.

Опыты дали хорошие результаты. Большинство новых репеллентов не теряло своей силы в течение семи часов. Для сравнения: «дедушка репеллентов», диметилфталат, надежно защищает только два часа.

Руководитель опытов старший научный сотрудник Мария Львовна Феддер рассказала мне, что гнуса отпугивают не только определенные запахи, но и — представьте себе — некоторые цвета. Мне посчастливилось быть свидетелем очередного «цветного опыта».

Вечером на участок, где стояли «колокола», пришли все сотрудники отряда. На них были длинные халаты разных окрасок. В зелени тайги люди казались огромными яркими цветами. А рядом с ними «колокола» напоминали уже не парашюты, а гигантские соцветия ромашек. Опыт протекал, как всегда: три минуты безмолвия и неподвижности, затем сигнал, и «цветы» скрывались под белыми куполами. Но «парашютисты» не сидели теперь на корточках, а стояли в полный рост, словно говорили мошкам: вот мы все тут, смотрите, какие красивые — синие, желтые, черные, — кто вам больше нравится?

Когда подсчитали количество насекомых, попавшихся под каждый «колокол», выяснилось, что в «радуге отпугивания» цвета располагаются в таком порядке: желтый (самый неприятный для мошек), зеленый, белый, красный, синий и, наконец, черный.

— Чтобы было понятно, что этот эксперимент не пустая забава, — заметила Мария Львовна, — достаточно вспомнить, например, что сетки накомарников, выпускаемых промышленностью, черного цвета...

Результаты опытов, проведенных в прошлом году экспедицией дезинфекционного института, — еще один шаг к победе над гнусом. Новые репелленты способны надежно защищать человека в течение всего рабочего дня. Выяснено, из материи какого цвета делать накомарники и спецодежду. Это все не пустяки. И все же... Все же репелленты — защитный способ борьбы. А нужно не только обороняться, но и наступать.

ИЗ ПУШКИ ПО КОМАРАМ

Однажды строители Братской ГЭС увидели, как по территории стройки медленно двигались десятки автомашин. Они везли агрегаты, похожие на полевые кухни, — аэрозольные генераторы. Они готовили аэрозоль — плотные белые облака, постепенно рассеивающиеся на ветру. В облаках гибли имаго (таким кра-

сивым словом ученые называют взрослых, крылатых насекомых) Вскоре воздух становился прозрачным, и лишь несильный, безвредный для людей запах ядохимикатов напоминал о том, что еще недавно здесь свирепствовал гнус.

Вскоре аэрозольные генераторы получили подкрепление. В районе Братска появился МАГ. Это не марка магнитофона. Это Мощный Аэрозольный Генератор Вид у него очень внушительный: огромная турбина реактивного самолета установлена, как пушка, на транспортере-амфибии. Но назначение у МАГа самое мирное — борьба с кровососущими насекомыми. Во время работы МАГ движется по лесу, не разбирая дороги, легко переправляется через озера и реки, влоча за собой по воздуху огромный белый шлейф. Ядовитое облако стелется по земле, разносится ветром и убивает всех комаров и мошек в округе.

Но оказалось, что МАГ можно применить не везде. Мощное облако убьет, видимо, не только кровососов, но и полезных насекомых, в том числе опылителей деревьев. Ученые стали искать такие инсектициды, которые для гнуса убийственны, а для полезных насекомых безвредны. После можно было МАГ использовать только на лесосеках, на болотах и в тундре...

Истребители гнуса одерживали только временные победы. Проходило несколько дней (а иногда и часов), и новые полчища имаго появлялись на очищенных аэрозольными генераторами участках, набрасывались на строителей, на жителей поселков. И снова ехали машины, выпуская белые облака.

У противника были неисчислимы резервы — подвижные, способные быстро пополнять поредевшие ряды.

...Яркий солнечный день. Воздух, нагретый над большой поляной, как по невидимой трубе, поднимается к облакам. В теплом потоке — миллиарды насекомых. Они поднимаются вверх километра на полтора. Там воздушный «лифт» останавливается, и мошки сильными верховыми ветрами перебрасываются километром на сто-двести в сторону, а затем в холодном нисходящем потоке падают вниз. Подобно дождю. Неожиданному и проливному.

Такого путешествия еще никто не наблюдал — такая лишь «дождевая гипотеза», объясняющая дальние залеты мошек...

Но как ученые узнали, что мошки способны перелетать сотню-другую километров? Не кольцевали же они их, как птиц, и не метили радиоактивными изотопами!.. Нет, не кольцевали, не метили. Они научились определять «фамилии» мошек, то есть их виды, которых существует несколько сотен. В каждой местности в данный момент водятся «свои» мошки, известно и какие. Так, «проверяя документы» и сопоставляя их с «домовыми книгами», можно установить «прописку» Но для этого нужно пристально следить за всеми действиями врага.

Скептики начинали поговаривать, что справиться с гнусом невозможно, так же как нельзя вычерпать ложкой океан. Но разве ж аэрозольный метод — единственный активный метод, который есть в распоряжении ученых? Ведь лобовую атаку можно дополнить глубоким рейдом в тыл противника. С этой целью и приехал прошедшим летом в Братск эпидемиологический отряд Института медицинской паразитологии. Прежде всего он занялся изучением «коммуникаций» противника.

АХИЛЛЕСОВА ПЯТА НАЙДЕНА

Чтобы победить противника, его надо хорошо изучить. Эту старую истину я снова и снова вспоминал, знаясь с тактикой и стратегией таежной битвы.

Выводятся мошки в реках с быстрым течением и большим содержанием кислорода. В Восточной Сибири таких рек хоть отбавляй, и Ангара среди них самая подходящая — чистая, порожистая. Летают самки над рекой, сбрасывают в воду яйца, как бомбы. Или кладут их на прибрежные камни, чтобы смыло волнами. Или, наконец, по травинкам, торчащим из воды, ползут

вниз, окружают себя пузырьками воздуха и в них, как в батискафах, опускаются под воду сантиметров на двадцать, чтобы на подводном стебле оставить кладку. А потом из яиц появляются личинки; они превращаются в куколки, запертые в коконы. Из коконов вылезает имаго. Поверхности реки они достигают уже проверенным способом — в воздушном пузырьке.

В цепочке развития мошек биологами было нашупано слабое звено — личинка. Дело не только в том, что личинки наиболее уязвимы для ядов. Очень важны и

чисто тактические соображения: личинки сосредоточены на сравнительно небольшом и всегда известном пространстве — в реках.

В слабое место противника и направили свой удар ученые.

В светлой комнате одноэтажного дома висит большая карта Братского района. На ней выделена Ангара с притоками да основные населенные пункты. У карты начальник эпидотряда Лидия Васильевна Тимофеева. Она, как полководец, чертит по карте тонкой указкой, определяя направление атак, намечает план операций, отдает оперативные приказы. Часто повторяются слова «учет», «обработка».

Лидия Васильевна еще школьницей увлеклась наукой о насекомых — энтомологией. Студенткой вступила в схватку с малярией. Двадцать лет экспедиций и самозабвенной работы. Наполовину написана докторская диссертация о комарах, но Лидия Васильевна откладывает ее в сторону и ввязывается в новую битву — с мошками. У Лидии Васильевны энергичные помощники — энтузиасты борьбы с гнусом.

Токсиколога Митрофанова иногда зовут просто Сашей. Но Александр Михеевич уже кандидат медицинских наук. Гроза мошек. Кстати, после того что знаешь теперь о гнусе, это звучит отнюдь не иронически, а по-настоящему уважительно и грозно. Это он рассказывал мне о тонкостях противолучиночного метода. Пояснял рисунками.

— Вот ядро, видите?

— Вижу...

— Это частица токсиканта. Кружок вокруг нее — растворитель, еще кружок — слой воды и опять растворитель...

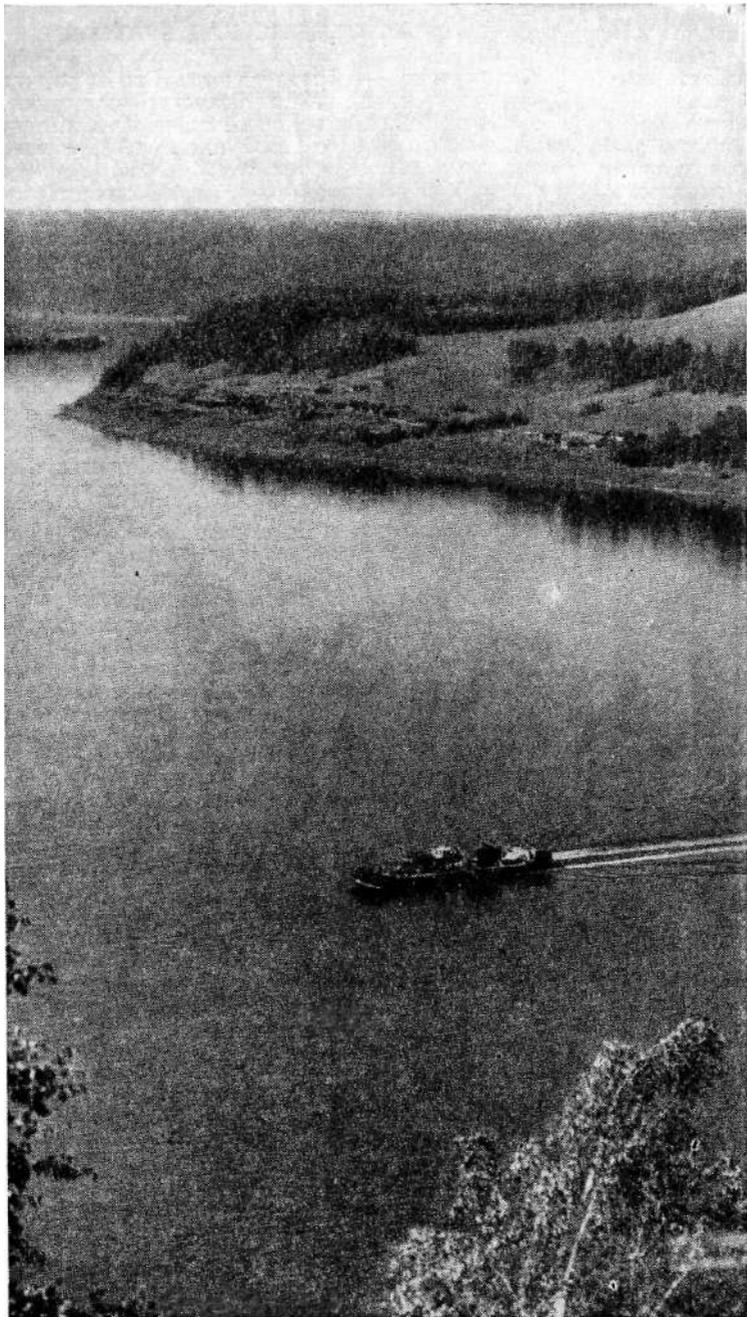
Александр Михеевич быстро, размашисто черкал карандашом и продолжал рассказывать:

— Уничтожение личинок производится так называемой стандартной эмульсией ДДТ — это и есть токсикант. Именно эмульсией, а не порошком, быстро выпадающим в осадок. Эмульсия же, равномерно распределяясь по толще потока, доносит смертоносные частицы до всех личинок: и до притаившихся у дна, на камнях, и до тех, что вблизи поверхности воды. Эмульсию выливают в реку по всей ее ширине, и река несет ее по течению. Светлый шлейф ДДТ не теряет убийственной для личинок силы на протяжении примерно двухсот километров.

Это и есть «обработка».

В мае прошлого года строители Братской ГЭС наблюдали, как на нижней эстакаде монтировалось странное устройство — трубы, баки. В середине июня в баки залили эмульсию. Потом открыли задвижки, и трубы «ожили». Потoki воды, выходящие из турбин и бешено вырывающиеся из водосбросов, перемешивали эмульсию.

Ученые понимали, что успеха можно добиться лишь в том случае, если обработать все большие реки в округе. Ведь только в них выводятся мошки, нападающие на людей и животных. Дело в том, что есть мошки, самки которых довольствуются веге-

Десять раз пересекла баржа Ангару, пока помпы не выкачали за борт всю эмульсию.

тарианской пищей и вреда не причиняют. Выводятся они в средних и маленьких речках, и «обрабатывать» эти речки не было необходимости.

Это намного облегчало работу, и все же сотрудникам отряда приходилось носить по всему району, по тайге и рекам. Обработка Оки с моста у Зимы, обработка Ии с парома, а там — Вихоревка, за ней — Ангара у Дубининского порога. Каждый день десятки километров на неутомимом «газике» по таежным дорогам. Осмотры речек и ручьев. И — учеты. Не появились ли мошки? Какие? Откуда?.. А по вечерам опытная лаборантка сидела над микроскопом и ловко потрошила мошек иглой, по едва уловимым признакам определяла виды.

С каждым днем гнуса в районе Братска становилось все меньше. Энтомологов теперь тревожила... рыба. Они не боялись, что она погибнет, ведь применявшаяся концентрация ДДТ при непродолжительных и редких обработках реки безвредна и для рыбы и для людей. Но разговоры... Ползли слухи, что видели дохлую рыбу в устье Шаманки. Выяснилось, однако, что там поработали браконьеры. Потравили хлорной известью... Потом инспектору рыбнадзора принесли «уснувших» хариусов, пойманных у шиверы Маргидобль. И опять браконьеры.

Наконец по очередному сигналу приехали из Иркутска ихтиологи. Отловили несколько стерлядей, ельцов, язей и перед обработкой опустили их в садке в Анггару. Никакого влияния эмульсии на рыб не обнаружили. Тогда решили действовать наверняка: бросили рыб в ведро, где концентрация ДДТ была в двадцать раз выше той, что применялась в реке. Рыбы невозмутимо плавали в течение часа. Убедившись, что гибнуть они не намерены, ихтиологи составили акт и повезли рыб в Иркутск для дальнейших исследований...

ФОТОКОНКУРС

«ВОКРУГ СВЕТА»

Дорогие товарищи!

В 1963 году фотоконкурс журнала «Вокруг света» продолжается.

Принимаются работы на темы:

- романтика наших дней;
- изучение и преобразование природы;
- новая география нашей страны;
- многообразие природы;
- страны мира;
- туризм и альпинизм;
- охота с фотоаппаратом.

Просьба присылать отпечатки на глянцевогой бумаге размером 9X 12, 13 X 18, 18X24.

Лучшие 6 работ будут премированы годовой подпиской на журнал «Вокруг света» за 1964 год.

Присланные фотоотпечатки не возвращаются.

Жюри конкурса

Глубокий рейд по тылам противника вел к победе. В конце августа даже скептики убедились, что мошек в этом году больше не будет.

Помню, как к Митрофанову подошел пожилой строитель. Один из тех, кто раньше сомневался в успехе.

— Ну что, Михеич, навсегда кончили с мошкой?.. За комара теперь возьметесь?..

— Вы уж очень быстрый, — улыбаясь, ответил Митрофанов. — Только начали кончать. Еще сезона два придется поработать, а уже тогда лет десять можно жить спокойно. А за комара возьмемся. С ним-то проще — ведь справились в свое время с малярийным.

ЧИСТОЕ НЕБО НАД БРАТСКОМ

За плотиной — Братское море. Оно крутит турбины, каждая из которых может заменить крупную электростанцию. На своей шершавой спине оно носит выдавшие виды ангарские пароходы и пахнущие брусничкой сосновые плоты. Есть и еще одно «доброе дело» у моря; о нем и не подозревали, когда строили гидростанцию. Братское море — мертвая зона для мошек. Их потомство может развиваться лишь в бурной реке, где вода богата кислородом и пищей.

Но море — лишь союзник. Лишив мошек благоприятных условий для развития, оно позволило сократить число обработок, но не исключило их...

Когда думаешь об успехе в битве с гнусом, достигнутом на Анггаре, невольно задаешься вопросами: почему это произошло только в минувшем году, а не раньше? И почему именно в Братске?

Много можно привести ответов на первый вопрос; тут и малая изученность биологии мошек, и недостаточная разработанность методов и средств борьбы. Но главная причина, пожалуй, заключается в том, что уничтожению тех насекомых, которые «просто кусаются» (а не распространяют при этом заразные болезни, например малярию), долго не придавали большого значения. И только лет десять назад борьба с гнусом стала разворачиваться. Но для победы потребовались годы.

А Братск, как место решительного нападения на гнуса, был выбран не случайно. Десятки тысяч строителей пришли на берега Анггары. До того в одном районе тайги не собиралось столько людей. И ущерб, причиняемый гнусом, стал здесь настолько ощутим, что терпеть его дальше стало невозможно.

И хорошо, что победа эта была одержана в Братске. Место это известное, видное. Об успешной борьбе с гнусом узнают все, особенно в Сибири и особенно те, от кого развитие этой борьбы зависит.

Минувшим летом здесь только и говорили о том, что исчезли мошки. И больше всех удивлялись старожилы и братчане, возвратившиеся из отпуска.

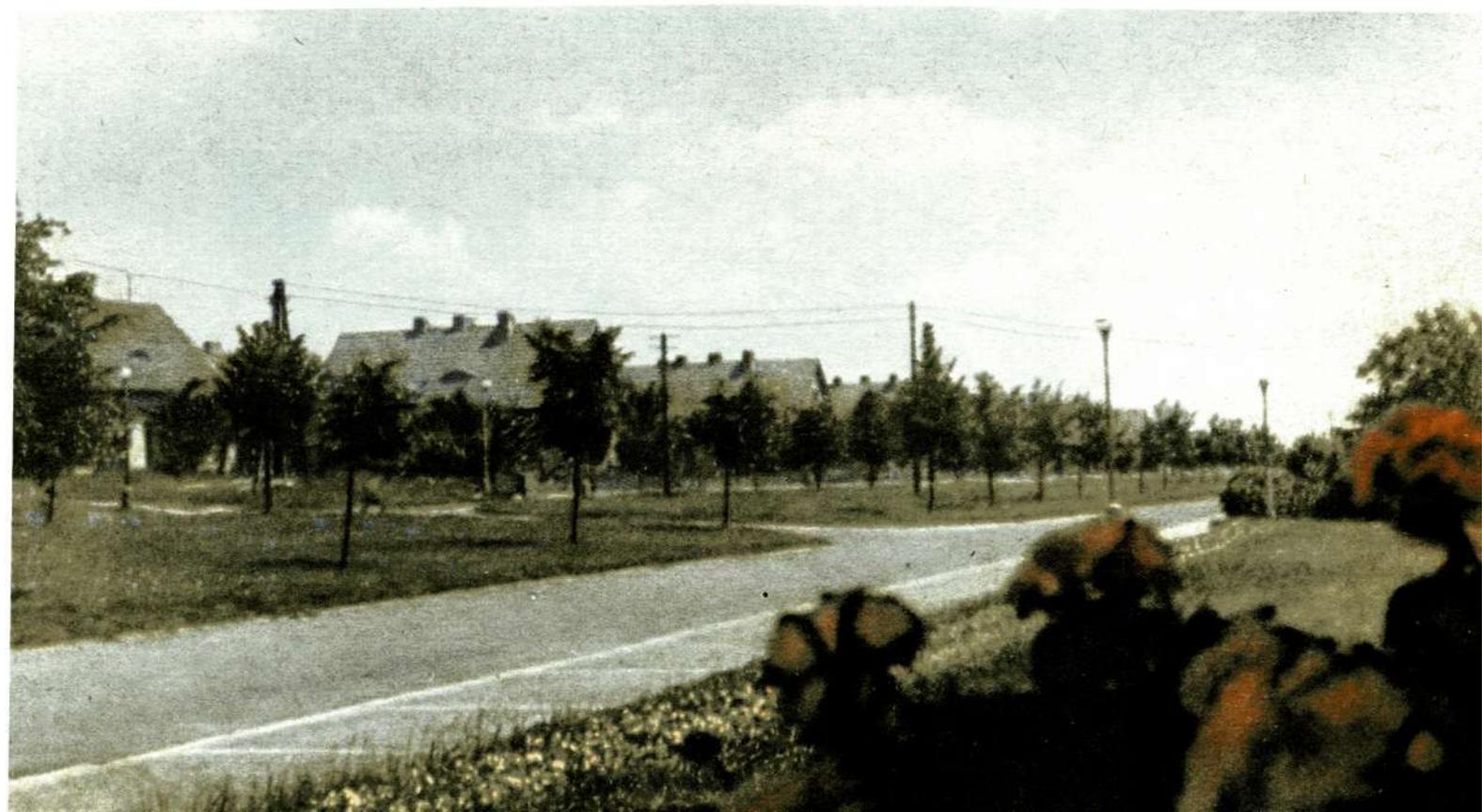
Вечерами длинные цепочки ягодников и грибников в рубашках с короткими рукавами тянулись в тайгу, а по воскресеньям строители спешили на берег моря купаться, загорать, ловить рыбу.

Победа, одержанная над гнусом, на первый взгляд может показаться скромной и маловажной в этом краю героики и невиданного размаха. Но только на первый взгляд. То, что сегодня в Сибири не только вырастают гиганты энергетики и металлургии, но и идет борьба с гнусом, глубоко символично: Сибирь быстро и надежно обживается. И тот, кто строит новую Сибирь, по достоинству оценит вклад ученых-энтомологов в сибирскую семилетку.

Ученые установили, что гнуса отпугивает не только определенный запах, но и цвет.

Фото С. ЕЛАХОВСКОГО

Саду известь!

Два снимка перед вами, читатель. Новая, утопающая в зелени улица чешского села. Новый квартал Праги с многоэтажными жилыми домами, школой.

И село и квартал выросли в последние годы. Ребята, которые учатся в новых светлых классах, к счастью, только из книг и рассказов старших знают о том, что произошло в селе Лидице двадцать с лишним лет назад.

...Ночью 10 июня 1942 года отряд эсэсовцев окружил Лидице. Всех жителей вместе с детьми согнали в помещение школы. Утром здесь валялись лишь игрушки и пеленки младенцев. Женщин с ребятишками фашисты отправили в концентрационные лагеря, мужчин расстреляли. Село было стерто с лица земли.

Это преступление гитлеровские палачи совершили лишь только потому, что «заподозрили» население Лидице в содействии патриотам, прикончившим фашистского палача Гейдриха...

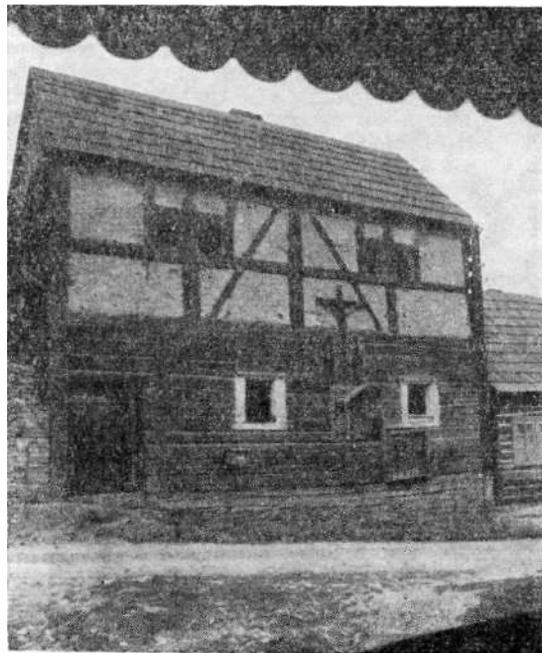
Новое Лидице восстало из руин и пепла. Во многих странах мира собирали средства для того, чтобы снова ожить это село. Его строила вся Чехословакия. И ныне 150 новых домов украшают Лидице. Дети разных народов приезжают сюда, чтобы склонить голову перед памятником безвинно погибшим.

Каждую весну в Лидице расцветают розы. Кусты роз для сада были присланы сюда со всей земли. Этот сад символизирует непреклонную волю народов — войнам нет места на нашей планете, прошлое не должно повториться!

Фото М. КОТЛЯРОВА

Самый маленький город

находится в Западной Чехии неподалеку от Пльзеня — знаменитого в целом мире своим машиностроением и единственным и неповторимым «праздроем» — пивом.

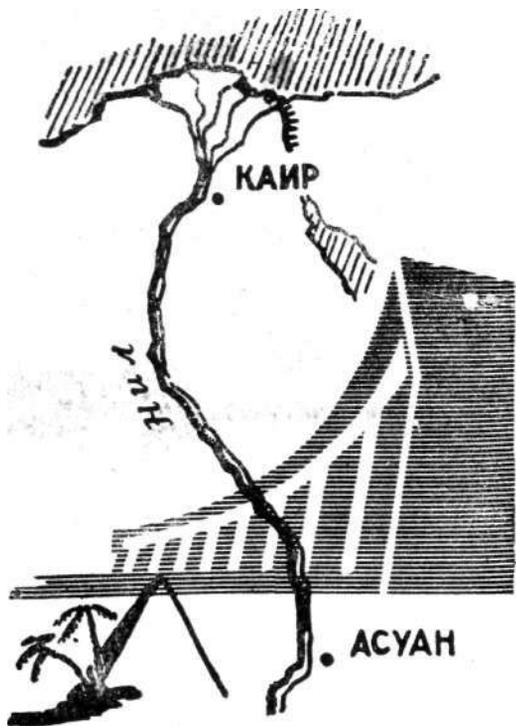
Тысячи туристов ежегодно приезжают в Пльзень, но лишь немногие из них знают, что в нескольких километрах от него находится самый маленький в мире город — Рабштейн над Стршелой.

Право называться городом ему было дано еще в XIV веке во времена правления в Чехии короля Яна Люксембурга. Сейчас в Рабштейне всего 81 житель.

Городок этот, как орлиное гнездо, прилепился на скалистых вершинах высоко над рекой Стршелой. Низкие домики окружены остатками средневековых стен. Вокруг угрюмые развалины. Город не раз за долгую историю подвергался нападению врагов, но никогда и никем не был захвачен.

Рабштейн не похож ни на один город в мире. Тут нет мощеных улиц — вместо них борозды, за века выбитые в скалах колесами телег. Все в нем как в сказке о спящей красавице.

Но скоро он оживет. Реставрируются старинные здания, городская стена. Гостеприимный город готовится встречать туристов.

Существование мировой системы социализма и ослабление империализма открывают перед народами освободившихся стран перспективу национального возрождения, ликвидации вековой отсталости и нищеты, достижения экономической самостоятельности.

ИЗ ПРОГРАММЫ КПСС

ЧУДО ВЕКА

Одним из семи прославленных чудес света называли древние греки пирамиду Хеопса. Колоссальные размеры этой гробницы, возведенной рабами древнего Египта по приказу чванливого фараона, подавляли воображение.

Если кто-нибудь из наших современников захотел бы описать чудеса света XX века, он не смог бы пройти мимо другого гигантского сооружения, которое ныне строится на земле древнего Египта. Этот гигант еще не появился на свет, однако уже сейчас он оказывает неизгладимое влияние на сознание миллионов людей в Африке, Азии, Латинской Америке. Имя ему — Садд аль-Аали, высотная Асуанская плотина. Объединенная Арабская Республика строит эту плотину на Ниле с помощью Советского Союза.

Размеры строящегося гиганта вызывают восхищение могуществом человеческого разума. Высота плотины 111 метров, длина — более 5 километров. Садд аль-Аали будет в семнадцать раз больше пирамиды Хеопса. Море, которое возникнет за плотиной, в девять раз превысит размеры Женевского озера. Однако не только в грандиозности масштабов великое значение этой стройки. В многовековой истории Египта это первое крупное сооружение, которое строится не ради прихоти всевластного вла-

дыки, не ради выгоды эксплуататоров, а для блага всей страны. И этим оно прежде всего замечательно.

С древних времен вся жизнь Египта зависела от разлива Нила. Египет — засушливая страна, пустыня занимает 96 процентов ее территории, и почти все население — 25 миллионов человек — живет в долине и дельте Нила. Народ веками мечтал о том дне, когда река будет преграждена и воды ее оживят пустыню.

Современные «фараоны» капиталистического мира, десятилетиями грабившие богатства колоний, меньше всего думали о нуждах народов. Если они и затевали какую-либо стройку в своих заморских владениях, то прежде всего ради собственных выгод. Пример тому — плотина на Ниле, неподалеку от Асуана, которую англичане построили в начале XX века. Детище империалистической державы, она являла собой образец типично колониальной стройки. Хлопок, только дешевый хлопок, привлекал тогда в нильскую долину заморских предпринимателей. Оросив часть земель, мизерно оплачивая труд феллахов, они смогли получить дешевое сырье для английских текстильных фабрик. Вот почему старая Асуанская плотина не имела ни одной турбины и не давала Египту ни киловатта электроэнергии!

Всего семь километров отделяют старую Асуанскую плотину на Ниле от новой — семь километров — и целая эпоха! Рождение этой новой эпохи возвестил прогремевший над Невой залп «Авроры». Гул мощных турбин на Днестре, Волге, Ангаре отозвался эхом на берегах Нила.

Не ради корысти приехали в нильскую долину советские люди, а чтобы помочь воплотить в жизнь мечту народа — дать воду полям, ток новым заводам, работу сотням тысяч рабочих. Они передают арабам свой богатый опыт преобразования природы в интересах миллионов людей. Разве само по себе это не знамение нашего времени?

Для миллионов людей в слабо развитых странах Садд аль-Аали, Бхилаи, многие другие стройки, сооружаемые с дружеской бескорыстной помощью Советского Союза, стали символом того нового, что дал миру социализм. Гигант на Ниле уже сегодня виден далеко за пределами нильской долины. Ведь проблемы, подобные тем, которые решает народ Объединенной Арабской Республики, волнуют и народы многих других освободившихся стран. По-прежнему миллионам людей не хватает продуктов питания. По-прежнему империалистические державы взимают со слаборазвитых стран огромную дань за их отсталость.

Этот грабёж достигает колос-

сальных размеров. Готовые промышленные изделия, поставляемые монополистами по высоким ценам, слаборазвитые страны оплачивают заниженно оцениваемым сырьем и теряют на этом ежегодно 14—16 миллиардов долларов. Еще пять миллиардов долларов в год империалистические монополии выкачивают из слаборазвитых стран в виде доходов от своих капиталовложений. Даже этих пяти миллиардов хватило бы на то, чтобы осуществить такое, например, грандиозное сооружение, как гидроэнергетический комплекс на Инге в устье Конго. Электростанции на Инге могли бы давать ежегодно столько энергии, сколько вырабатывается в Англии, Франции, Италии, вместе взятых. К тому же покорение могучей реки преобразило бы климат Африки,

возродило бы к жизни бескрайние пустыни Сахары,

А какие блага могло бы принес-

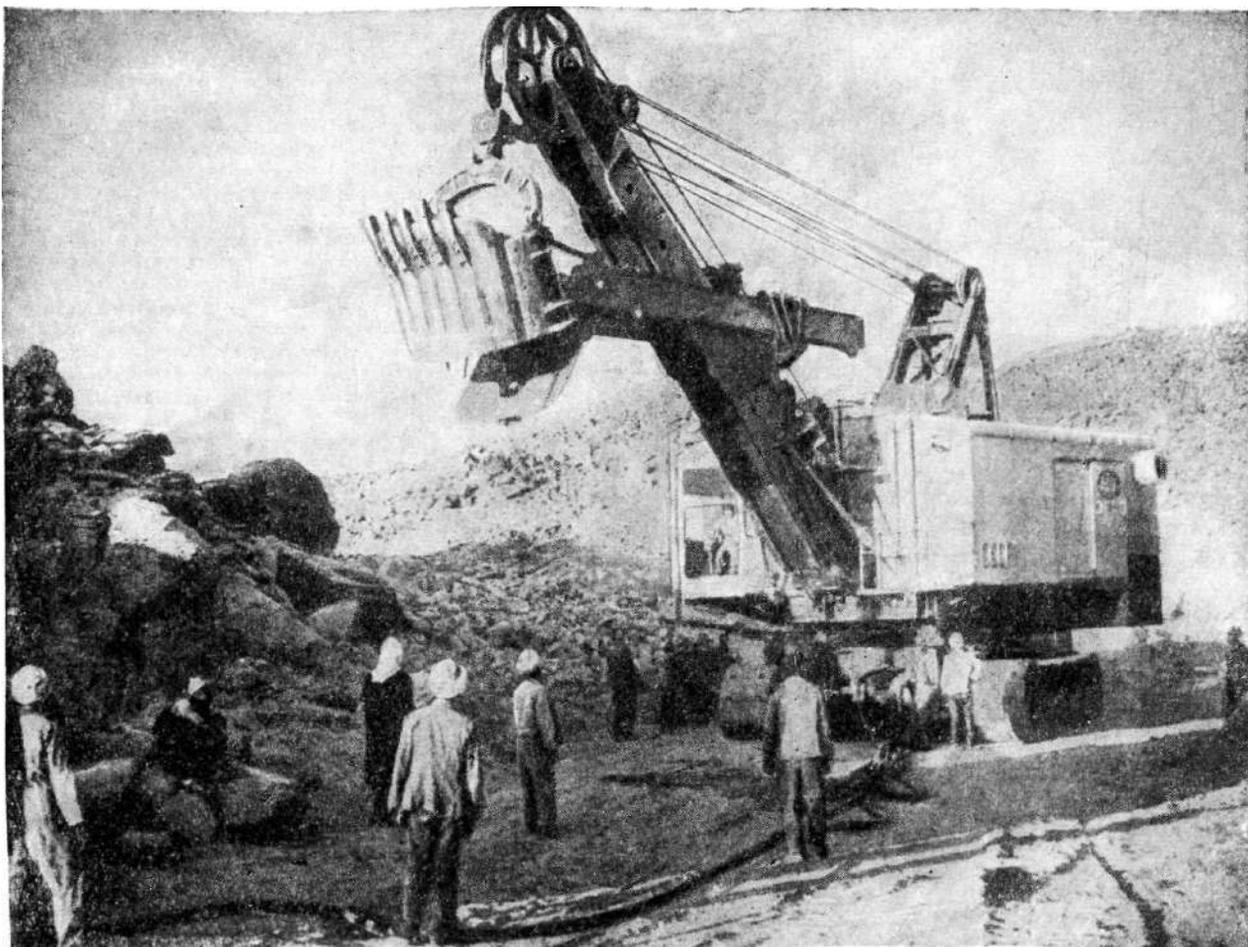
«Строительство Асуанской плотины знаменует собой победу политики ОАР, направленной на укрепление национальной независимости. Эта победа арабского народа явилась прямым следствием помощи Советского Союза в осуществлении этой грандиозной стройки. Оказанная нам помощь абсолютно бескорыстна и не связана с какими-либо условиями или оговорками».

ГАМАЛЬ АБДЕЛЬ НАСЕР,
президент ОАР

(Из выступления на торжествах, посвященных началу строительства Асуанской плотины)

ги слаборазвитым странам всеобщее и полное разоружение, за которое последовательно и неотступно борется Советский Союз и весь социалистический лагерь! Ведь если употребить на помощь слаборазвитым странам хотя бы только 10 процентов от суммы ежегодных военных расходов НАТО то можно было бы построить в Азии, Африке, Латинской Америке несколько таких плотин, как Асуанская.

...Пройдут десятилетия, труд и разум людей преобразят нашу планету, обеспечат счастье для всех. Кто знает, быть может, нашим потомкам масштабы Садд аль-Аали не покажутся грандиозными. И все же плотина на Ниле навсегда останется в памяти поколений, как чудесное явление эпохи, рожденной Великим Октябрем

В ковше советского экскаватора — земля древнего Египта.

Фото АПН — ЮПИ

ГОРОД, ПОСТРОЕННЫЙ НЕ НА СВОЕМ МЕСТЕ

ПЕР ВЕСТБЕРГ, шведский писатель

Рисунки Г. ФИЛИППОВСКОГО

По сведениям большинства справочников, в столице Федерации 60 тысяч жителей. Около 200 тысяч африканцев в расчет не принимаются.

Министров и автомобилей на каждого «белого» здесь приходится больше, чем в любом другом городе мира. Цивилизованный Солсбери блистает любительскими театрами, гуляньями, в которых принимает участие сама госпожа губернаторша, бензоколонками, роскошными отелями и змеиным питомником.

Грэм Грин в «Путешествии без карты» описывает различные части Африки. Родезия характеризуется у него всего в четырех словах: «Ошибка, табак, снова ошибка».

Само основание города связано с ошибкой. Копьен (слово, на языке африкаанс означающее «холм») — самое высокое место в Солсбери. В пятнадцати милях к северу отсюда видна гора Маунт-Хэмпден. Семьдесят лет тому назад, в сентябре 1890 года, у Копьена появились первые поселенцы. Они почему-то решили, что этот холм и есть та величественная гора Маунт-Хэмпден, возле которой они намеревались обосноваться. Упрямые поселенцы отказались признать свою ошибку и заявили, что карта врет и что здесь-то и будет столица новой страны Родезии...

Может быть, в Солсбери потому и закрывают глаза на многое, что знают, — это вовсе не тот город, который намеревались построить? Он должен был находиться в другом месте и иначе выглядеть: в пятнадцати милях отсюда, на другом холме, где нет ни грязи, ни пороков. Но теперь уже ничего нельзя поделать — эти пятнадцать миль оказались так же непреодолимы, как путь в царствие небесное.

«Мы создали все это лишь за одно поколение», — ежегодно с гордостью заявляют ораторы в день основания Родезии, и кто-нибудь из немногих оставшихся в живых пионеров, поднимавших флаг над фортом Солсбери, первым начинает аплодировать. Сердца большинства присутствующих наполняются гордостью, но кое-кто скептически посмеивается, считая само основание города горькой иронией судьбы.

Город пестрит объявлениями: «Сдается в наем». Роскошные особняки, конторские дома-дворцы из мрамора и цемента, дом страхового общества — шестнадцатизэтажный небоскреб, — все свидетельствует о предусмотрительности белого человека: сюда, в этот земной Эдем придет еще много эмигрантов. Правда, их пока маловато и домовладельцы уже в более сдер-

Отрывки из книги «Запретная зона». Автор книги, молодой шведский писатель, прожил несколько месяцев в Федерации Родезии и Ньясаленда. Он поехал в эту страну, чтобы узнать о ее жизни. Действительность, открывшаяся глазам писателя, потрясла его. С негодованием и ужасом описывает Пер Вестберг расизм, ханжество колонизаторов, фашистские порядки в стране. Книга вышла в Стокгольме в 1960 году, в 1963 году ее выпускает Географгиз.

жанных тонах выражают свою веру в будущее и в правительственные планы. Того и гляди наступит день, когда их съемщиками окажутся не эмигранты, а... Но столь еретические идеи немислимы для Южной Родезии...

Здесь, на восемнадцатом градусе южной широты, солнце круглый год восходит около шести часов. В половине восьмого белые покидают свои виллы, садятся в автомобили и едут в центр.

А в это же самое время группами идут африканцы с чемоданами, матрацами, одеялами и мешками на головах. Они направляются куда-нибудь на новое место работы, на другое место жительства или в Ньясаленд, откуда родом многие рабочие Южной Родезии.

В половине десятого на нашей улице появляется белый мастер. Рабочие прокладывают водопровод, а он, в мягкой широкополой шляпе, с трубкой в зубах, стоит, часами не меняя позы, и лишь изредка дает указания рабочим. В перерыве он усаживается в стороне от рабочих, пьет кофе из термоса, ест бутерброды и курит. Его бригада, состоящая из африканцев, работает медленно, но ритмично. Впечатление такое, будто они и понятия не имеют, с какой целью роют, для чего это нужно; кажется, будто они просто подчиняются ритму своего пения.

Надсмотрщик стоит так до пяти вечера. Он получает в несколько раз больше, чем рабочие: ведь он белый, имеет право голоса и к тому же специалист по прокладке труб. Безделье должно бы извести его и заставить взяться за любую работу. Но нет, человек, по его убеждению, рожден не для того, чтобы работать: африканцы ленивы, поэтому и нужен белый человек, чтобы присматривать за ними.

Мы стали жителями Солсбери, сняли дом, оплачиваем счета за

электричество. И несмотря на то, что живем здесь недолго и являемся гражданами другой страны, мы в отличие от африканцев уже имеем право принимать участие в выборах в муниципалитет. Мы — члены белого «клуба», именуемого федерацией.

Как и другие белые, мы ни в чем не терпим недостатка. Мы можем с удобством расположиться на балконе и, раскрыв детективный роман «Голодный паук», наслаждаться вечерней прохладой. Около восьми часов по радио сообщают цены на табак и сводку погоды. Низкое давление быстро распространяется из Конго на юго-запад. Завтра днем в горах Ньясаленда ожидается гроза с проливным дождем.

А потом — последние известия: спорт, парламентские новости, расовая политика. Мы получаем сведения из Конго, Уганды и Кении, но о Берлине и разоружении, о де Голле и Эйзенхауэре обычно ничего не сообщают. Все это заботы северного мира, поставляющего нам белых эмигрантов и «Голодного паука», который еще целый месяц будет держать нас в состоянии страха, как говорят, полезного для здоровья.

На лестнице загородного дома, куда нас пригласили на вечер, стоял иностранец. Вот что он рассказывал: какой-то автобус с африканцами, переезжая через мостик, провалился и упал в воду. Наш знакомый помогал перевязывать раненых, выбравшихся через окна. Мимо проходило много машин с белыми, и они видели, что случилось, но не останавливались.

Это произошло всего в десяти километрах от сто-

лицы, но «Скорая помощь», вызванная одним из африканцев, не пришла даже через сорок пять минут. Добровольный санитар уже вытащил из воды одного мертвого, он израсходовал весь свой запас бинтов на раненых и спирта на потерявших сознание.

Когда мимо проходила какая-то пустая машина «Скорой помощи», ее остановили. Иностранец поддерживал двенадцатилетнего мальчика: рука у мальчика была почти оторвана, из ноги лилась кровь. Водитель «Скорой помощи» покачал головой. Нет, он не может взять его, он не имеет права брать пациентов не по вызову: его машина только для белых.

Иностранец буквально сунул руку мальчика под нос водителю. Но тот все же уехал. Стоявшие на дороге африканцы только смотрели вслед пустой машине. Наш знакомый сам отвез мальчика в городскую больницу в Харари.

На следующий день «Санди мейл» давала отчет о несчастье: «На месте происшествия быстро начались спасательные работы, автобус поднят. Из 52 человек погибло 5».

Африканцев считают политически незрелыми, но форма партнерства, подобная этой, заставит даже самого отсталого из них сделать соответствующие выводы. Для белых это маленькая неприятность, для черных — незабываемое событие. Когда грянет следующий взрыв возмущения и новые жертвы падут на землю, на лицах белых вновь появится удивление: почему? Почему? Ведь все идет как обычно. Что же особенное произошло?

На углу тихо разговаривают африканцы. Белыежимают плечами: нет смысла учить их язык, они не говорят ничего важного. Но иногда господа, на которых возложена ответственность за страну, смотрят в их сторону с опаской и не без удивления.

У лесов строящегося дома поют африканцы, подавая белым строителям доски. Им милостиво разрешают также таскать кирпичи и месить глину; но одно им запрещено: прикасаться к лопатке белого каменщика, воздвигающего стену.

— Знаешь, что они поют? — спрашивает меня мой спутник африканец. — Популярную песню на языке машона: «Катись ты к черту, белый человек!» Но европейцы думают, что это какой-то старинный национальный гимн.

Молодой человек, шофер грузовика одной из фирм, зашел в библиотеку, чтобы почитать в обеденный перерыв. Это был кандидат философских наук, окончивший университет за границей. Когда он вернулся в Родезию, оказалось, что он «отстал от практической жизни»: ни одна школа не захотела иметь его в качестве преподавателя.

Банк «Стандарт Банк оф Саут Африка» с филиалом на Сесил Сквер, где есть счет на мое имя, решил расширить свою деятельность, распространив ее на бережливых африканцев. С этой целью предполагается обучить четырех африканцев и посадить их за окошечки. Это многообещающее намерение заставило отказаться от работы восемь служащих, главным образом дам.

Параграф из действующих и поныне муниципальных предписаний: «Туземец не имеет права пользоваться тротуаром улиц, шоссе и площадями Солсбери; каждый туземец, нарушивший это правило, облагается за подобное преступление штрафом, не превышающим двух фунтов».

Правящие круги федерации проводят в стране политику «партнерства», расистская сущность которой прикрывается лозунгами «расового сотрудничества». Фактически же согласно этой политике черные жители федерации, считающиеся «нецивилизованными», устранены от всякого участия в управлении и подвергаются жестокой расовой дискриминации.

Надо сказать, что африканское население локаций не очень стремится путешествовать по городу в часы «пик» и демонстрировать законопочитание.

Один корреспондент правительственного органа писал, после того как африканскому врачу было разрешено вскрыть труп белого:

«Вы оказали бы неоценимую услугу нашим читателям, предложив способ воспрепятствовать контакту между расами после смерти. Невыносимо думать, что неевропейцы должны закапывать наших дорогих и близких в могилы и забивать гвозди в их гробы...»

Но даже в этом городе можно иногда избавиться от постоянного напряжения и вкусить минуты безмятежной радости. Щебетанье птиц в летний погожий день, яркие витрины, у которых стоишь и наслаждаешься: сколько еще есть на свете прекрасного, о чем раньше никогда не задумывался! Вратарь на футбольном поле тщательно пытается достать мяч из верхнего угла ворот, точно так же как и все вратари нашей планеты.

Лицо девушки, встретившейся на улице, наполняет каким-то странным томлением: была бы она так же хороша, если бы прошла чуть-чуть медленней?

День продолжается. Для тех, кто не был создан по образу и подобию бога, деревья шелестят листвою так же мирно, как и для нас. И ты замечаешь: «Да, я проснулся еще только наполовину».

У въезда в огромный кинотеатр на открытом воздухе швейцар проверит, не прячут ли в автомобилях африканцев. Только между машинами нет никаких барьеров; на асфальтовом поле тесно сбились самые разные автомобили: и неряшливые — грязные, и элегантные. В павильоне, где продают сосиски и леденцы на палочке, на туалете висит видимо для безопасности, табличка: «Только для европейцев».

Дети забираются на крыши автомобилей или собираются на площадке для игр, откуда с качелей и каруселей они смогут смотреть фильмы. На многих только пижамы, сразу же после кино им нужно домой, в постель. Тихий вечер, на небе радуга после прошедшего недавно дождя. В воздухе долго держится запах жареных зерен кукурузы... Фабрика искусственных удобрений на расстоянии кажется волшебным замком.

С холма на экран смотрят в бинокли африканцы. Слов, конечно, не слышно. Белым не нравится, что на них смотрят, и в парламенте по этому поводу поднимается вопрос. Предлагают закрыть кинотеатр или поставить для охраны холма полицейских.

По воскресеньям белые выходят из своих вилл в шортах, пестрых рубашках и спортивных туфлях. В руках клюшка для гольфа или теннисная ракетка. Африканцы выходят из лачуг в своей лучшей одежде: мужчины в темных брюках, белой рубашке, в кашне или при галстуке; женщины в наглаженном платье, с серьгами, с украшениями в волосах.

По воскресеньям белые раздеваются, африканцы одеваются. В этом — одно из различий в поведении высшего и низшего классов.

Однажды я поднялся на рассвете, чтобы заплатить разносчику газет. На траве под кустом лежал человек. Было еще темно, и он, в синих штанах, голый до пояса, сливался с землей, точно, оставив свою земную оболочку, начал превращаться в камень.

Я выбежал во двор чтобы узнать, что с ним. Уж не умер ли? Нет, он спал, а когда я разбудил его, он испуганно вздрогнул и вскочил. Вероятно, подумал, что я полицейский. Он плохо говорил по-английски, и мы с трудом понимали друг друга. Он пришел из Ньясаленда, очевидно, на свой страх и риск. Я спросил его, знает ли он кого-нибудь в Солсбери, он отрицательно покачал головой, но, может быть, это вовсе и не было ответом на мой вопрос.

Я пытался растолковать ему, что он в Южной Родезии, где даже Саванху¹, министр координации, не имеет права жить за пределами локации. Он стоял передо мной, еще толком не проснувшись, не зная, как себя вести, — ведь он спал на территории белых без разрешения. Рядом с ним лежал стянутый ремнем сверток. Я посоветовал ему идти через лес вдоль дороги к промышленному району, чтобы его не увидели в кварталах белых и он смог бы избежать малоприятной встречи с полицейскими. Он пробормотал несколько слов, без улыбки поднял в знак прощания руку и исчез в указанном мною направлении.

¹ Один из немногих африканцев, которых белые расисты допускают в руководящие органы Федерации для прикрытия своей откровенной политики расовой дискриминации. Черные жители страны фактически не имеют права голоса.

И только тогда я увидел на краю леса, через дорогу, палатку. Пока мы завтракали, из палатки вышли двое: девушка в застиранных брюках с большими клетчатыми заплатами и рыжебородый мужчина в меховой куртке. Они протянули нам кувшин и попросили наполнить его горячей водой.

Пока мужчина намыливал лицо, а девушка расчесывала волосы, они рассказали мне, что направляются в Булавайо. Дорогу знают хорошо. Их «оверлэнд» стоял тут же, забитый чемоданами и рюкзаками. Наклейки на боковой стенке рассказывали об их путешествии: Найроби, Аруша, Форт-Хилл, Блантайр... За день они добрались сюда от самой границы с Ньясалендом.

Это была одна из многочисленных английских семей, которым надоели низкие заработки у себя на родине. Скопив и призвав денег, они упорно пробиваются на для себя пересекают границы, спят у обочин дорог. И в конце концов они оседают там, где перспективны на будущее покажутся им настолько заманчивыми, что их не испугают опасности, неизбежно связанные с жизнью в Африке.

Для этой пары эмигрантов Африка означала свободу, которую нельзя купить ни в каком другом месте на земле.

Я обратился к Мильтону, нашему слуге, — он рассматривал в то время электрическую плитку для поджаривания хлеба (плитка имела форму миниатюрного ружья):

— Когда ты впервые /видел белого человека, Мильтон?

— Дома, в резервации.

— Что ты подумал тогда?

— Он был грязный и очень громко говорил, у него были плохие манеры.

— А сейчас ты думаешь иначе?

— Я привык. Белые очень ругаются между собою, они едят три раза в день, а в промежутках пьют. Так делает скотина. Дома мы ели один раз в день.

Мильтон улыбнулся и тут же исчез, чтобы избежать возможных последствий своей откровенности.

Он ушел к себе на другую сторону зацементированного двора, который в Родезии называется «санитарной полосой». Она отделяет белых — хозяев, от черных — слуг.

Домашняя прислуга, с прозвищами Сикспенс, Вигки и тому подобными (европейцы считают, что их настоящие имена очень трудно произносить), живет в так называемых «киас». Это нечто похожее на комнату размером два на три метра, у потолка два кирпича вынуты для вентиляции.

От взора посторонних жители «киас» защищены каменной стеной, у которой стоят бочки для отходов. Трудно представить себе, как можно жить в такой комнате: нары из цемента, велосипед, наполовину втащенный через всегда открытую дверь.

Иностранцы, проезжающие по дороге, видят только живую изгородь из красного просвирняка и розового дерева да виллу, а как живут слуги за каменной стеной, никого не интересует.

(Окончание на стр. 54)

МОХЕНДЖО-ДАРО

ИРЖИ ГАНЗЕЛКА
и МИРОСЛАВ ЗИКМУНД

Фото авторов

Тронуться в путь из Карачи придется еще сегодня, хотя бы к концу дня. Иначе тысячу шестьсот километров за оставшийся срок действия виз нам не сделать. Нам нужно иметь в резерве хотя бы один день: ведь в таком пекле того и гляди закипит горячее в бензопроводе.

На небе ни единого облачка, солнце палит бешено. А до начала муссонных дождей еще целых шесть недель, как предупредили нас в Карачи.

Судя по всему, нам предстояло нечто необычное. Все беспокоились, хватят ли нам воды. Советовали взять с собой побольше апельсинов и арбузов — ведь это надежный источник непортящейся влаги.

Сразу же за городом нас встретили пески, предвестники великой пустыни Тар. Это было ее первое угощение — попробуйте! Что, вкусно хрустит на зубах?

Золотистым песком покрыт невысокий холм Макли, возвышающийся над Таттой. По цвету он хорошо сочетается с золотистым песчаником, который под резцами скульпторов и молотами каменотесов превратился в нежные цветы, звезды, розетки, шашечки. Они украшают древнюю мечеть, остатки домов, мавзолеи и усыпальницы.

Знакомство с великой рекой Инд прошло сдержанно. Она, как целомудренная дева, встретила нас, ранних гостей, в одежде, застегнутой по самое горло. В тумане не было видно противоположного берега. Зато в полдень река предстала перед нами во всей своей красе. Тело ее матово поблескивало на густо-зеленом ковре, вздувалось волнами, словно предупреждая: я жизнь, остановись здесь, не двигайся дальше — там пустыня.

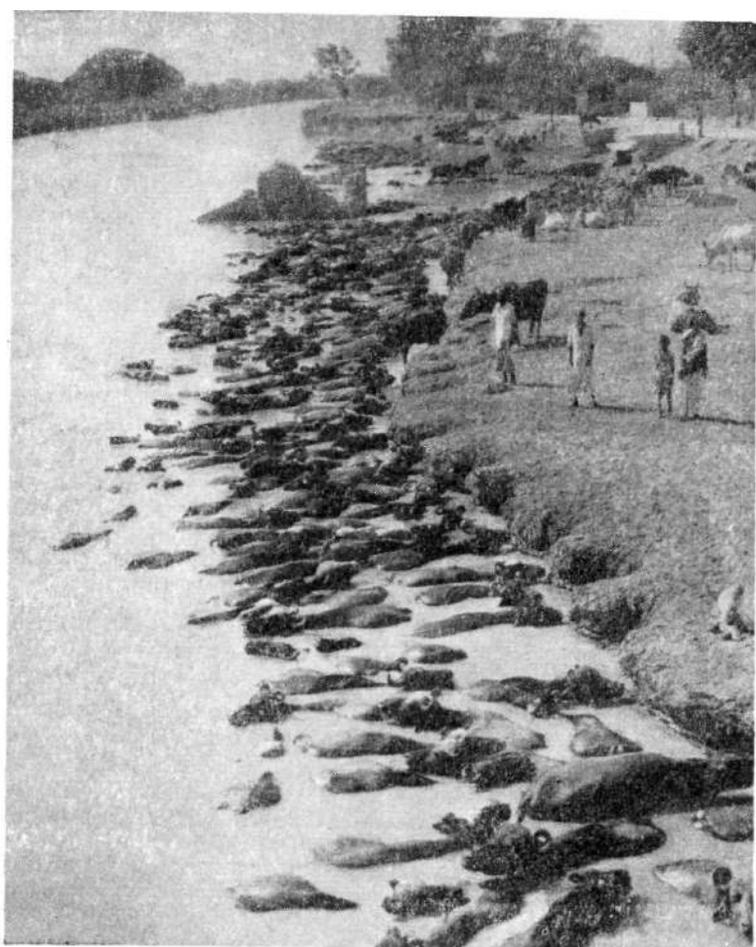
Рядом шумел Хайдарабад, город

с четвертьмиллионным населением, славным прошлым и тысячами черных буйволов, погруженных в реку так, что виднелись лишь «перископы» их глаз да хребты, на которых сидели птицы и лакомились насекомыми. Буйволы лежали, словно мертвые островки среди живой воды.

По узкому мосту нас пропустили на левый берег, после того как навстречу нам протатился караван зебу, запряженных в скрипучие повозки на сплошных деревянных колесах. Колеса болтались из стороны в сторону, потому что дерево, из которого их вырезали руки человека, сносились от времени.

В два часа дня, когда мы «распечатали» третью сотню километров, наш врач Роберт прочел краткую лекцию о влаге, жаре и наших организмах. Он закончил ее словами:

— Ну кто хочет чаю? Пейте, сварю еще.

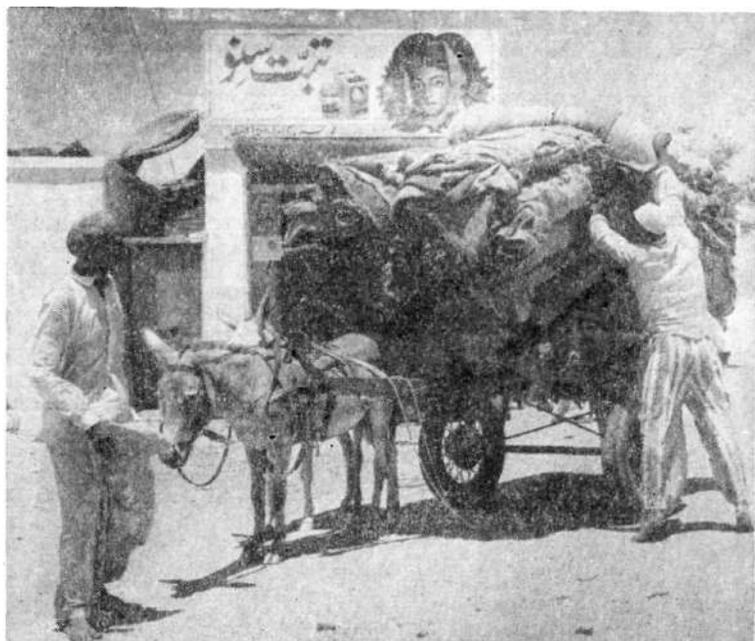
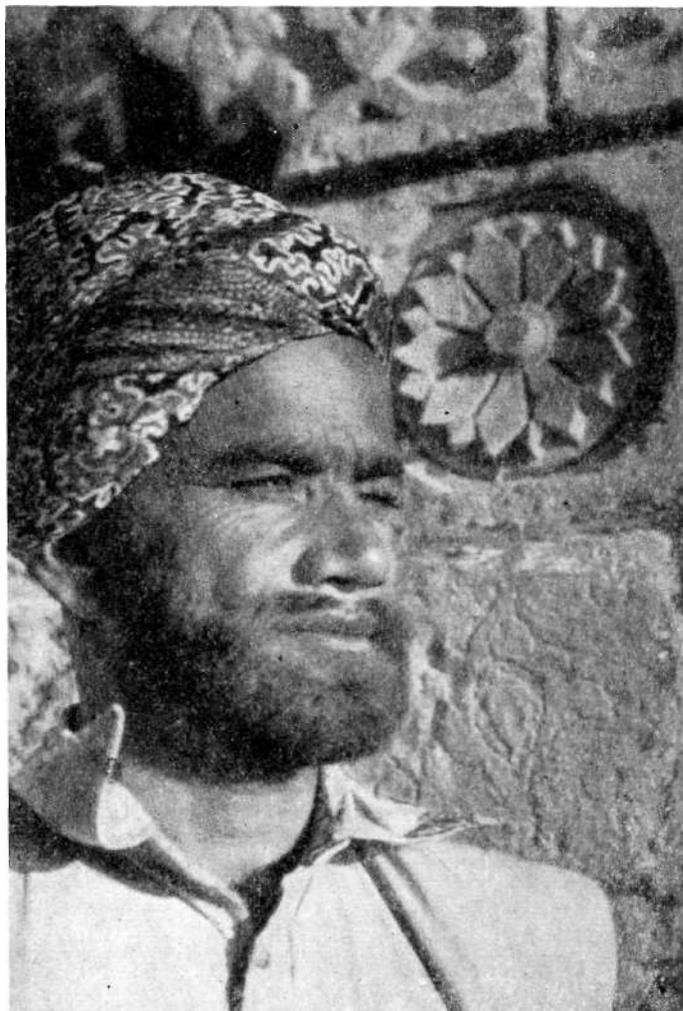

Молодые пальмы надежно защищены от скота.

На окраине Хайдарабада. Неподвижные буйволы похожи на островки среди живой воды.

Перед лицом веков.

Нагружен, как осел...

Чаю хотели все.

Когда стали садиться в машины, Мирек вытащил из сетки над рулем термометр.

— Такого мне еще не приходилось видеть! Стоит только коснуться ртутного шарика, как столбик резко падает!

Термометр показывал сорок семь. Второй, привинченный снаружи с наветренной стороны, показывал пятьдесят один.

Однажды, еще на родине, мы были на Витковицком металлургическом комбинате, когда там выпускали из печи металл. Из кратера вулкана с шелестом потекла огненная лава, на нас дохнуло раскаленным адом. Человек в кожаном фартуке, с головы до ног залитый красным заревом, по виду напоминая Сатану, сделал какое-то волшебное движение — и ад исчез! Снова можно дышать.

Сейчас нас охватило несбыточное желание: вот бы нам с собой такого Сатану! Он прикрыл бы пылающее жерло, приказал бы умерить пыл бесконечным равнинам, добела накаляемым солнцем. Он бы сделал так, что руль можно было держать без полотенца, он охладил бы лица и лбы, пылающие словно в горячке.

— Будь добр, полей мне немножко на голову...

Через каждые пятнадцать минут мы поливали повязанные полотенцами головы водой, устраивая себе «холодный» компресс. Температура воды равна температуре воздуха — сорок семь. Все-таки, пропитав полотенце, она ненадолго охлаждает. Но через пятнадцать минут полотенца снова сухи, как трут. И снова:

— Будь добр, полей мне немножко на голову...

— Смотрите-ка, не поскодились ли они с ума от жары! Смотрите, на крышах домов трубы! Боятся замерзнуть?

Мы остановились. Как называлась деревня, никто из нас не знал. Деревни тут казались нам похожими. То, что мы приняли за трубы, оказалось остроумными ветрозахватными приспособлениями. На каждой крыше было установлено наклонно несколько досок, между ними натянута парусина. Все сооружение очень напоминает косо срезанную дымовую трубу. Верх прикрыт наклонной крышкой. «Труба» захватывает воздух, если снаружи он хоть чуть холоднее того, которым дышат внутри. Горячий воздух внутрь не проходит. Своеобразный «эркондишн» в пустыне.

Мы холодеем... от страха перед жарой! Иржи попытался было на минутку опустить левое окошко — может, воздух уже не столь раскаленный, ведь через час скроется солнце. И тут же мигом закрыл его: из печи дохнуло жаром. Внутри все-таки прохладнее — всего сорок шесть. Чай в термосах уже нет. Каждый из нас с утра съел по полтора десятка апельсинов и по несколько грейпфрутов и манго. Роберт

разрезает арбуз, но, едва попробовав, выбрасывает: арбуз сварился, прокис.

В некоторых придорожных деревнях есть ларьки с разноцветными напитками. Пробки на бутылках самые разномастные. Когда солнце высасывает из бутылки часть напитка, продавец снимает пробку, доликает бутылку водой и закрывает снова. Вероятно, поэтому содержимое бутылок так разноцветно.

Еще в Багдаде попала нам в руки тоненькая книжка. В ней издательство «Чехословацкий писатель» пропагандировало полеты навстречу солнцу. Автор текста и художник — Адольф Гофмейстер, 1959 год. Навстречу солнцу! Мы мысленно рванулись вслед за книгой в Японию через Индию и Пакистан. Пакистан. Там находится Мохенджо-Даро — «город с парками, бульварами, парикмахерскими и автоматами, с театрами и банями, складами, учреждениями и частными дворцами из обожженного кирпича. Город с самой современной канализацией, подобной которой сейчас не найти ни в одном пакистанском городе. В любом доме комфортабельная уборная, в каждой квартире — ванна... Литература, быть может, самая прекрасная в мире, потому что никто ее до сих пор не смог прочитать». Так говорила книга об этом городе, которому пять тысяч лет. Сейчас Мохенджо-Даро где-то за рекой. От нас до него подать рукой — каких-нибудь сто километров.

— Давайте поедим ночью, может быть, будет легче, чем сейчас, в таком пекле...

За Суккуром шоссе вдруг исчезло, и мы долго путались в паутине подсобных дорог, оставшихся от постройки плотины. Наконец мы выбрались на дорогу в аллее, из которой потянул освежающий ветерок: вдоль дороги тянулся ирригационный канал, прямо как стрела. Поперек дороги — шлагбаум, надпись на английском рядом с ним гласила, что эта частная дорога ведет в Ларкану, что въезжать на нее нельзя, но в случае необходимости можно позвонить по телефону № 20. Но, чтобы позвонить, нужно вернуться в Суккур. К тому же нет гарантии, что к телефону обязательно кто-нибудь подойдет.

Ехать было намного приятнее, чем днем. Ветки стучали по крыше, в зеленый тоннель пробивался свет, с одной стороны квакали лягушки, с другой — то ослабевали, то вновь усиливались непрерывные трели цикад. Секундомер показывал, что еще немного, и мы завершим пяти-соткилометровый переезд...

Вдруг перед нашими глазами замелькали огни: вверх, вниз, кругами. Стой!

Полицейские стали кричать, что мы ехали по закрытой дороге, что по ней имеет право ездить только президент.

— Но на щите об этом ничего не было написано!

Затем они сменили гнев на милость. Узнав, что утром мы выехали из Татты, они показали нам бензостанцию и пригласили к колодцу умыться.

Ночная Ларкана кажется мертвым царством, в котором какая-то болезнь свалила половину населения. Погибших обернули белым полотном и сложили перед домами. Время от времени некоторые из «мертвецов» шевелятся, кашляют, переворачиваются на другой бок, натягивают сползший «саван». То там, то тут приоткрываются двери, появляются еще один, сам расстилает коврик, расставляет складной «катафалк» и укладывается на него.

Когда мы возвращались с ужина, их стало еще больше.

— С этим ничего не поделаешь, — произнес один из полицейских, расплываясь в улыбке. — Сейчас, перед муссоном, в домах спать невозможно.

Место действия: Возвышенность Мертвых (Мохенджо-Даро). Географическое положение: 27 градусов 20 минут северной широты, 68 градусов 10 минут восточной долготы, 49 метров над уровнем моря. Температура 49 градусов по Цельсию в тени, более 60 — на солнце. Население: повар, страдающий дизентерией, экскурсовод, управляющий музеем и парнишка в фиолетовой шапочке.

— И больше тут жителей нет?

— Нет. Впрочем, вот, взгляните, на последней страничке проспекта черным по белому написано: «Жителей нет, исключая персонал археологического отделения». Это и есть мы.

— Но ведь Мохенджо-Даро в свое время был огромным городом?

— Был. Пять тысяч лет назад.

Глотнув мангового сока с привкусом антидизентерийных таблеток, обертываем головы полотенцами, берем с собой сосуд для поливания и выходим. Древние архитекторы расположили улицы точно под прямым углом с севера на юг и с запада на восток. Ширина улиц — десять метров.

Первое, что бросается в глаза, это буддийская пагода эпохи царствования Васудевы Первого. Эта гостя из второго века нашей эры как дерзкая молоденькая девчонка среди тысячелетних старцев.

— Когда пагоду начали строить, то вовсе и не подозревали, что под ней находится город, которому три тысячи лет, — заметил экскурсовод Муслихундин.

От пагоды открывается великолепный вид на город. Тот, кто представляет его себе огромным, с многочисленными улицами, дворцами, парикмахерскими и банями, тот немедленно разочаруется. Дело в том, что археологи пока что исследовали двенадцать процентов площади города. Оставшиеся восемьдесят во-

семь таят в себе бог весть какие чудеса.

— С раскопками большие трудности, — произнес Муслихудинов. — Я был здесь, когда шли раскопки под руководством профессора Виллера. Вы даже не подозреваете, как быстро эти, пяти тысячелетней давности, кирпичи превращаются в кашу, когда на них обрушивается Инд. Виллер говорил, что они тают, как снежная баба.

— А какое отношение имеет к городу Инд? До него ведь далеко, вы сами говорили — три-четыре километра.

— Подпочвенные воды. Древнее Мохенджо-Даро пять тысячелетий спало, а Инд все это время работал. Он нес с Гималаев смытую почву и устилал ею собственное ложе. И сейчас река течет на высоте гораздо большей, чем в те времена, когда тут ходили мохенджодарцы...

Но стойте, оказывается, мохенджодарцы хорошо знали, что такое пористые материалы. Вот, пожалуйста — бассейн размером семь на двенадцать метров был герметичным. Кирпичная кладка покрыта гипсовым раствором, а для большей прочности еще и асфальтовым лаком. И гипсовое и асфальтовое покрытия сохранились до наших дней. А вот еще овальный колодец с двойной кладкой.

Не будь это снято на пленку нами же, мы бы, наверное, этому не поверили. Перед нами — самая древняя в мире установка искусственного климата, «эркондишн», изобретенный пять тысяч лет назад. За грудой кирпичей — безукоризненно сохранившиеся стены; наружные — просто из глины, но, видимо, тоже были оштукатурены раствором из гипса, а внутренние — из кирпича. В промежутке между обеими стенами циркулировал воздух, чтобы внутри было не так жарко. Чуть дальше большое зернохранилище. Тут вентиляция была устроена в полу, чтобы зерно не прело и не портилось. Воздушные каналы действуют по сей день! Ну, а затем следует мохенджодарская канализация, благодаря которой город занял достойное место в истории человеческой культуры. Под городскими проспектами были проложены канализационные трубы, которые вели к двум центральным колодцам. Хотите видеть дренажные трубы, ведущие к главному стоку из боковых улиц? Вот они, совершенно целые, словно только что вынутые из обжиговой печи мастером-керамиком. Один конец прочно вошел в конец соседней трубы так, что, вероятно, не понадобилась даже асфальтовая изоляция...

И тут вдруг в голову приходит вопрос: неужели такая роскошь распространялась на весь город?

Нет, отвечают археологи. «Вечность» купили себе богатые. Жилье бедняков смело время. Их дома сгнили, потому что были сделаны из соломы, травы, листьев. Селения их

исчезли за много тысячелетий до того, как их смогли нанести на карты археологи.

Если задаться целью создать музей с экспонатами, доказывающими, что нет ничего нового под солнцем, то Мохенджо-Даро может занять там немало места.

Помнится, в тридцатые годы Прага была охвачена игрой-новинкой «йойо». Так знайте же, что «йойо» изобрели мохенджодарцы, если, конечно, они не переняли эту игру у тех, кого пока что не раскопали археологи. Сделано мохенджодарское «йойо» из обожженной глины. Из глины же они лепили для ребятишек великолепные игрушки — тележки с вращающимися колесами, шарики. Из материала, как две капли воды похожего на янтарь, изготавливали женские ожерелья. Они изобрели игру в кости. Вот они лежат в витрине, истершиеся, с отбитыми уголками, должно быть ими пользовались непрерывно. Очки на них расположены точно так же, как и у нас.

Вы знаете, что им был известен гончарный круг? На нем они могли изготавливать и тонкостенные вазы и ванны для купания диаметром в метр. Их украшали удивительными орнаментами. Здесь, в музее, хранится несколько комплектов гирь в форме кубиков, валиков, шариков. Положив их на весы, ученые двадцатого века остолбенели от неожиданности: мохенджодарцам была известна десятичная система.

У них была какая-то особая страсть к печатям из талька. Только посмотрите, какие подробности удавалось древним мастерам запечатлеть на тальке: каждая печать — миниатюра, взятая из жизни. Наи-

большим спросом, видимо, пользовались изображения животных.

Мохенджо-дарский «зверинец» был намного богаче любого из тех, что были придуманы астрологами более поздних поколений. Вот, уважаемые ученые, и ломайте теперь головы над тем, каков же был климат на реке Инд пять тысяч лет назад. Были ли тут сырые тропические леса, такие же, как на Амазонке или же Суматре? Изменились ли с тех пор направление и сила муссонов? Выбрал ли себе Инд иное русло?

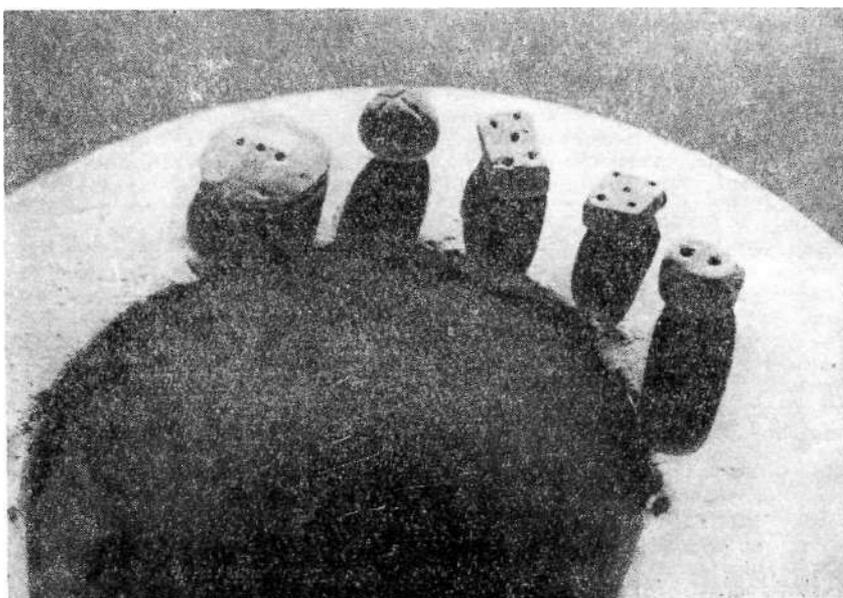
Как объяснить, что на тальковых штампах изображены не только мухи, рыбы, лягушки, птицы, крокодилы, но только домашние животные — кошки, собаки, лошади, зебу, козы, бараны, коровы, быки, но и такие животные, которых тут теперь нет и в помине? Неужели мохенджодарские мастера придумали изображение страуса? Здешний страус выглядит как живой. Те же мастера изобразили слона, подсмотрели, как ползает тигр, и изобразили носорога под седлом!

Мохенджо-дарский музей уникален. Обливаясь потом, мы бродили там, пока не выбрались наружу почти полумертвыми. Что-то повелевало нам отправиться к машинам, вытащить фотоаппараты, взять штатив, лампу-вспышку: невозможно уйти отсюда, не запечатлев Венеру, игральные кости, гирьки и кирпичи с отпечатками следов козы и собаки.

А теперь нам пора двигаться дальше, за ночь удастся сделать добрых сто километров до индийской границы.

Перевод С. БАБИНА и Р. НАЗАРОВА

В эти кости играли пять тысяч лет назад.

ЭКСПЕРИМЕНТ «ВРЕМЯ»

(Окончание. Начало на стр. 24)

Понедельник, 30 июля. Навожу порядок на площадке, выбрасываю мусор. Адский грохот — очевидно, опять обрушился кусок льда — приковывает меня к месту. На глаза наворачиваются слезы. Кидаюсь к телефону, дабы удостовериться, что связь не оборвалась. Потом быстро включаю магнитофон — все в порядке. Такого грохота я еще не слышал. Мне даже трудно представить, что произойдет, если случится обвал. Я ясно вижу гигантские глыбы, отделившиеся от потолка. Позвонив наверх, успокаиваюсь немного...

Ложусь снова в кровать и вытягиваю ноги. Маленькие камешки тихонько осыпаются рядом с палаткой.

Среда, 1 августа. Решаюсь, наконец, вымыться.

Хочу отметить, что мне не нравится заполнять дневник. Я вынужден сделать над собой усилие. Мне что-то не очень верится, что сегодня 1 августа. Должно быть, позже. Но насколько? Позавчера после обвала подумал о завещании. Надо будет сказать, чтобы сделали из этого дневника книгу и гонорар отдали на покрытие расходов по экспедиции. Я, конечно, надеюсь выбраться, но ведь достаточно одного небольшого камешка, и все...

Пятница, 3 августа. Сегодня обильно сыпался лед.

Должно быть, на улице жарко, солнечно... Я кончаю запись об особенностях подземного водяного слоя массива Маргаре; работа долгая и тяжкая, но я доволен собой.

Четверг, 9 августа. По-прежнему не знаю, какое все-таки число. Любопытно отметить, что мне это как-то безразлично. Все в мире относительно. В Париже я смотрел на часы каждую минуту; здесь меня это не волнует. Я встаю, ем, ложусь — все это слагается во время, не имеющее никакого значения. Мне кажется, дни стали короче.

Суббота, 11 августа. Вот уже несколько дней я настроен оптимистически: обвалы почти прекратились. Я меньше страдаю от холода и приспосабливаюсь к обстановке.

Воскресенье, 12 августа. Музыка мне хочется гораздо реже, чем в первые дни. С вечера затыкаю все щели, чтобы измерить утром содержание окиси углерода: дело опасное, но стоит рискнуть.

Вторник, 14 августа. (48-й физиологический день.) Самое трудное в подземной жизни — это переносить постоянство температуры и сырость. Никаких отклонений, и это ужасно! Чувствую я себя прекрасно, и только что обвалившийся кусок не произвел на меня особого впечатления. Интересно отметить, что на этот раз шевельнулась целиком вся морена. Я в отличной форме и уверен, что не замерзну днем. Редкое самочувствие...

Четверг, 16 августа. Третий день мы живем вдвоем с моим новым другом — паучком. Я смотрю на него целыми днями. Он ест. Это единственное живое существо здесь, кроме меня; когда человек один, совсем один, он способен по-настоящему привязаться даже к паучку...

Я ощущаю признаки явной усталости. Даже ходить за продуктами на край морены мне невероятно тяжело. Темнота уже начинает действовать на мою психику. Я рад, что пишу красными чернилами, мне до смерти надоело все черное. Кажется, я начинаю понемногу терять равновесие. Когда перелезая через обломки скал, кружится голова.

Воскресенье, 19 августа. Что мне хочется больше всего? Жить, жить, жить...

Сегодня у меня совершенно обмерзли уши. Я думал о чувстве времени и пространства и, кажется, сделал интересные наблюдения. Страшно рад услышать человеческий голос, хотя бы по телефону. Я долго долго разговаривал и даже позабыл про пащет на плитке. Такое ощущение, будто я под землей совсем недавно.

Понедельник, 20 августа. Я считаю, самое главное не то, что я делаю, а то, что я думаю в моем положении. Надо будет сразу же по возвращении перечитать «Путешествие к центру Земли» (немного погода) и рассказ Гагарина о его полете.

Я пою. Признаки страшной рассеянности: я принял телефон за магнитофон — неслыханно!..

ЧУКОТСКИЙ БУМЕРАНГ

О чем напоминает нам слово «бумеранг»? Обычно воображение сразу же рисует бескрайние саванны Австралии, охотников-аборигенов. Однако австралийский бумеранг не представляет собой какого-то уникального явления. У него давно отыскались двоюродные братья в Индии, в Мексике и даже в древнем Египте. Это, как правило, метательные палицы, летящие по сложной кривой.

Несколько лет назад советский этнограф И. Гурвич нашел еще одного близкого родственника бумеранга, родом из суровейших районов Арктики. Танвычгын — так называется чукотский бумеранг, биография которого, по данным археологических раскопок, насчитывает много тысяч лет. Пастухи чукчи бросают танвычгын в отбив-

шихся от стада оленей, чтобы припугнуть их и заставить вернуться. А при случае с успехом используют его и для охоты на куропаток, гусей и уток.

Танвычгын — плоский и короткий, изогнутый дугой посох, очень напоминает оружие австралийских охотников. Правда, после полета он не возвращается к хозяину.

«Какой же это бумеранг?» — спросит иной читатель. И тут, наверное, стоит напомнить, что молва ошибочно приписывает всем австралийским бумерангам «умение» возвращаться. Только небольшая часть самых легких из них наделена этим свойством: тяжелые же охотничьи метательные снаряды ведут себя подобно чукотским собратьям.

С. АРУТЮНОВ, Москва

Мне сообщают по телефону, что эксперимент близится к концу. Это невероятно: ведь сегодня лишь 20 августа! Не может быть, чтобы сейчас был сентябрь.

Я развлекаюсь, как дитя, опуская куски сахара в кипящую воду.

Думаю о воздействии различных красок на психику в подземной жизни. Красный цвет очень приятен. Голубой и зеленый слишком напоминают черный. Желтая поверхность внутренней стенки моей палатки раздражает, она должна была бы быть белой. Под землей нужны светлые и теплые тона.

...Едва я вышел на площадку, как здоровенный кусок льда шмякнулся сверху. Я отпрянул. Теперь, когда конец так близок, будет обидно, если со мной что-нибудь случится...

На этом дневник обрывается. Продолжение его было таково: в тот же день вечером на стотридидиметровой глубине прозвонил телефон, и голос сверху сказал: «Эксперимент закончен. Ты победил. Bravo, Мишель!»

На рассвете следующего дня спасатели спустились в расселину. Добравшись до края последнего колодца, они склонились вниз и закричали все вместе: «Мишель!» Из колодца донесся вверх хриплый заглушённый ответ.

Мишель ослабел и очень осунулся. Он думал, что было 20 августа, а оказалось 16 сентября. Друзья втащили его наверх. Не видя ничего перед собой — глаза были закрыты плотной повязкой и двумя парами очков, — он шел, растопырив руки, и его обнимали, поздравляли, хлопали по плечу геологи, спасатели, журналисты — и каждый говорил ему слова восхищения подвигом и стойкостью духа исследователя.

Перевод М. БЕЛЕНЬКОГО

АСБЬЁРН СЮНДЭ

Рисунки П. ПАВЛИНОВА

НАЧАЛО...

...Днем я пошел в город: мы условились с моим другом Оттаром Ли¹ встретиться в кафе «Стурторвет»

Поздоровались, выпили по кружке пива. За столиками сидели постоянные посетители, кое-кто приветственно кивнул, а в общем на нас не обратили особенного внимания.

— Ну, что ты задумал? — спросил он.

— По-моему, лучше всего мы сможем ударить по немцам, если организуем разветвленную сеть диверсионных групп,

— Согласен.

— Поставим себе три задачи: разрушать важные предприятия и сооружения, вносить смутение

¹ Оттар Ли — один из руководителей Компартии Норвегии; убит фашистами во время войны -- Поим переводчика.

в ряды врага и оттягивать возможно больше сил с фронта. Постепенно многие наши заводы будут расширять производство, их продукция окажется заметным подспорьем для немцев. Значит, надо взрывать эти заводы, уничтожать коммуникации. Представляешь себе: операция за операцией, в том числе ложные, перерыв, и опять серия диверсий, но так, чтобы это всякий раз было неожиданно. Результат — смутение и нервозность. Немцы придадут достаточно большое значение нашим предприятиям и коммуникациям и постараются их охранять. На это чем дальше, тем больше будет требоваться сил. А откуда их взять? Придется немцам переводить их из других мест, глотать быть, даже из фронтовой зоны.

— Ты уже решил, кого привлечь?

— Да. Прежде всего ребят, которые сражались в Испании против Франко. А вообще — любого, невзирая на политические убеждения, кто хочет прикончить нацизм и фашизм. Организации, которые переправляют за границу беженцев, уже работают вовсю. Они нам могут здорово помочь.

— Народу потребуется немало. Кто найдет людей?

— Ты.

— А кто добудет деньги, взрывчатку, оружие, снаряжение?

— Ты.

— Ладно, сделаю. А теперь слушай. Я знаю людей, на которых можно положиться. Свяжу тебя с ними, они в кур-

Борьба во мраке

се дела. Ты решишь, в какой степени им нужно поддерживать связь между собой. Согласен?

— Вполне. И чем меньше людей будет знать меня, тем лучше. В группе каждый известен под кличкой. Я тоже.

— Какую ты себе выбрал? — спросил Оттар.

— Освальд Петтерсен. Для порядка пусть клички начинаются с той же буквы, что и родной город человека.

— Что ж, хорошо. Значит, приступим немедленно. Завтра в двенадцать будь на пристани, от которой отходит катер на Бюгдэ. Там увидишь человека в комбинезоне. Подойдешь к нему и скажешь, что ты Освальд. Он совершенно надежен. Можешь дать ему любое поручение. Потом помогу тебе связаться с другими городами, где, по-твоему, нужно будет организовать группы.

— Идет. Но чтобы сотрудничать с человеком, я должен знать о нем все. Имя, фамилию, адрес, возраст, должность, биографию, политические убеждения родственников — все.

— Правильно. Кто-то один должен знать всех. Получишь нужные данные у меня. Но если тебя схватят, начнут пытаться?

— Живым меня не возьмут.

РАССТАВАНИЕ

Когда на душе становилось очень уж скверно и казалось, несчастьям не будет конца, я вспоминал хортенские леса, уголок рая. Идти по лесу — что может быть лучше? Хвойный ковер на упругой земле мягко пружинит под ногами, во всем теле легкость и бодрость. Плывет густой смоляной запах ты вдыхаешь его полной грудью, и он придает еще больше бодрости, ты весел, счастлив, тебе хочется громко петь или размахивать руками, воображая, будто летишь.

В гуще леса притаились маленькие темные озера, ты говоришь себе, что первым увидел их. Никто до тебя не лакал, лежа на животе, эту холодную чистую воду. Никто до тебя не заглядывал в жуткую черную глубь и не корчил рожи собственному отражению.

Когда на душе становилось очень уж скверно, я вспоминал эти леса, и сразу делалось легче.

...Летним днем я шел по лесной тропинке, земля мягко пружинила, я чувствовал себя бодрым и сильным, туго набитый рюкзак казался совсем легким.

Впереди, весело смеясь, шагали Астрид и сынишка.

Кругом чаша, никого, кроме нас троих.

— Вон оно! — крикнул Ролф, показывая на озерко впереди за деревьями.

Озеро было почти круглое; вдоль берега густо росли кувшинки. Крутые скалы на той стороне бросали черную тень на блестящую гладь.

— Вот оно! — Голос звенел от волнения.

Между деревьями сочно зеленела поляна. Она спускалась к самой воде, дно здесь было отличное для купанья. Достав все из рюкзака, я сложил из больших камней очаг. Стоя на коленях напротив меня, Ролф жадно следил за каждым моим движением. Готово! Теперь вместе набрать хворосту и разжечь костер. Астрид поставила кофейник, мы с Ролфом разделись и вошли в воду.

Хорошо! Я быстро поплыл, наслаждаясь движением. Ролф резвился у самого берега. Но вот я вернулся.

— Ныряй!

Он вопросительно поглядел на меня.

— Ныряй! Смелее!

— С головой?

— А как же!

— Холодно...

Я схватил его за чуб и окунул. Вынырнув, он судорожно вдохнул; губы обиженно кривились.

— Ныряй!

Я снова окунул его, на этот раз подольше.

— Асбьёрн!.. — Астрид смотрела на нас, держа кофейник в руке.

— Ныряй!

Он послушался. Вынырнув, широко улыбнулся и тут же снова нырнул.

Но вот мы уже у костра, поели, выпили кофе: я лежу, покуривая, на спине и смотрю, как в светлом голубом небе тихо парят белые облака. Вспомнил, как мы с товарищем купались в Барселонском заливе и моего друга до смерти напугал морской слон, которого он принял за самого черта.

Ролф хохотал до слез.

— А где сейчас твой товарищ?

— Его больше нет на свете, остался в окопах под Брунете...

Потом Ролфу захотелось поиграть в индейцев. — Я буду Олень Копыто, вождь племени шавану, а ты Мултала, разведчик.

— Нет, — возразил я. — Олень Копыто должен быть я. Мултала был маленького роста, совсем как ты.

Подумав, он согласился.

— Ладно. Пусть я буду Мултала. Но тогда мне нужен лук. Бечевка для тетивы у меня есть.

Я срезал гибкий рябиновый хлыст, смастерил лук и стрелы.

— Из такого лука до луны дострелить можно, — сказал я и пустил стрелу высоко-высоко.

Мы исполнили индейский танец. Астрид, сидя на корточках с моей трубкой во рту, изображала скво.

Игра продолжалась почти до вечера. Но вот пришла пора укладывать рюкзак.

Мы стояли рядом друг с другом, ее голова легла на мое плечо, сердце тревожно стучало.

— Астрид, ты приедешь, если я тебя позову?

Она подняла голову, и ее глубокие влажные глаза заставили меня вспомнить косулю, которую я когда-то ранил.

Террор, убийства, попрание человеческого достоинства, подавление свободы, война, унесшая миллионы жизней, — вот что такое фашизм, кровавое детище умирающего империализма

Фашизм не только история. Это и современность. В Испании и Португалии еще существует фашистский режим. В некоторых других странах угроза фашистской реакции не снята.

«Ужасное слово, рожденное в конвульсиях Европой, пострадавшей от мировой войны, слово отчаяния, насилия и смерти... — «фашизм» вновь вошло в наш словарь. Оно устарело, говорите вы? К несчастью, нет», — признает даже орган правых социалистов во Франции газета «Попюлер де Пари».

Однако бдительность народов, единство сил, активно борющихся против фашизма и войны, лишают его будущего.

Народы говорят фашизму: «Нет!»

И все же империалисты еще не раз будут делать попытки использовать орудие фашизма. Поэтому сейчас особенно ценны и дороги документальные книги, возвращающие нас к тем дням, когда, опутанные коричневой паутиной, народы Европы выдвигали своих героев Сопrotивления, когда во мраке, казалось, беспросветной ночи слышался призыв «Свобода или смерть! Мир победит!».

В этом номере журнала мы начинаем печатать главы из книги борца-антифашиста, участника норвежского Сопrotивления Асбьёрна Сьондэ «Борьба во мраке».

— Да, Асбьёрн. Я приеду.

Ролфу надоело прятаться, он высунул голову из куста.

— О чем вы там говорите?

— Ни о чем, Мултала. Пошли. Олень Копыто должен идти. Шавану ждут его.

КВАРТИРА ДРУГА

...Трудно жить. Но только и умереть не легче. Проще всего тому, кто отправляет на тот свет немцев. И я буду это делать, пусть не сомневаются...

Может, добьемся того, что после войны в мире станет спокойнее жить. Хорошо бы. Ведь есть же смысл в том, что мы делаем. Ведь не ради того ты идешь в бой, чтобы убивать и взрывать, а ради того, чтобы отстоять дорогое тебе и истребить ненавистное. Чтобы не корить самого себя. Как, как толком выразить это? Многие пытались, да получается лишь трескотня, избитые фразы, за которыми неясность и пустота. Но бывают минуты, когда колебания исчезают. Когда товарищей за их веру, за убеждения истязают до смерти, ты перестаешь сомневаться, тебе ясно, что может быть только один ответ: борьба.

...Дверь открылась, в прихожей, испуганно глядя на меня, стояла Герд.

— Асбьёрн? Ты?

— Да. Ты меня не ждала?

Мы вошли в комнату и сели у окна, сквозь которое врываются жаркие лучи июньского солнца.

— Ждала. Ты ведь предупредил, что будешь в это время. Оскар ушел на работу. У тебя усталый вид, Асбьёрн. Кофе хочешь? У нас остался небольшой запас.

— Спасибо. И ломоть-другой хлеба, если есть.

— Хорошо. Кое-что найдется. А вообще, сам знаешь, с едой плохо. Оскар все время голодный ходит. Да и я не наедаюсь. Главное, чтобы дочурка была сыта.

Она вышла на кухню, оставив дверь открытой. Я закрыл глаза. Изредка, прогоняя дремоту, из кухни или с улицы доносились резкие звуки. Один за другим с бешеной скоростью проносились поезда. Рельсы, тысячи рельсов...

— Ты спишь?

Передо мной с большим подносом в руках стояла Герд. Она поставила его на стол.

— Ага. Устал что-то. Спать почти не приходится.

— К себе домой заглядывал?

— Нет. Только утром из Хортена приехал.

Сев к столу, она пристально смотрела на меня, ее пальцы нервно перебирали скатерть.

— С утра я ходила за молоком для дочки — нету. Ничего нету. Немцы все забирают.

— Ага. Эти гады все подчистую гребут.

— А еще слух идет, будто опять партизаны появились.

— Да ну! Где же?

— Говорят, у Грурюда железную дорогу взорвали.

— Когда?

— Сегодня ночью.

— Сплетни небось. Мало ли что болтают.

— Возможно. А только на этот раз, похоже, правда. У одной из продавщиц в молочной лавке — железнодорожник. Если верно, что взорвали, железнодорожникам несдобровать.

Она убрала со стола, вымыла на кухне посуду. Управившись, вернулась и снова села у стола.

— Особенно много говорят про одного: дескать, самый ярый.

— Да? Кто же это?

— Я-то не знаю. Диверсант один. Он у них вроде главного. Будто у него целый отряд. Немцы за ним всю охотятся.

— Конечно, они за всеми диверсантами охотятся. Источник все тот же — молочная?

— Да нет... Кругом говорят.

Кофе прогнало сон. Я поднялся, чтобы идти. В двенадцать встреча с Оттаром Ли. Уже на пороге я вдруг услышал, как Герд меня окликнула, требовательно, громко. Она стояла в дверях гостиной, обратив ко мне бледное встревоженное лицо.

— Асбьёрн, будь осторожен!

— Осторожен? О чем это ты?

Она пожала плечами, в глазах появилась тоска.

— Не знаю. И не хочу ничего знать. Просто мне страшно. Обещай только быть осторожным. И не трогай Оскара, слышишь? Оскара оставь в покое!

Ничто не могло просочиться, в этом я был совершенно уверен. Она просто-напросто угадала. Такой уж народ женщины. Вот и Астрид: ведь она ничего не знает — и все же ей все известно.

Слухи, слухи... Где они рождались? Этого никто не знал. Они летели с леденящим ветром, который выстуживал улицы. Они были в шепоте сухих листьев, безжизненно падавших на землю в эту ужасную осень. Многие теряли веру. Кое-кто терял мужество. Но были такие, что в борьбе видели за-

лог жизни. И в подполье одна за другой рождались организации. Ненависть питала волю к сопротивлению.

Кто они были? Люди из всех слоев общества, представители всех профессий, разных политических убеждений.

Слухи, слухи... Многие только ими и жили. Часто они были единственным источником надежды. Но каждый, кому было дано чувствовать, знал: то, что сейчас тлеет в подполье, скоро разгорится ярким пламенем.

Большинство слухов отвечало истине. Во всяком случае, отчасти. Правда, что взорвали железную дорогу у Скарнеса и Фрогнера, хотя газеты не обмолвились ни единым словом об этой операции, хотя немцы всячески старались скрыть происшедшее. Правда, что появилась диверсионная группа, которая действует решительно, планомерно и по мере возможности методично, подготавливая условия для решающей битвы. И вопреки утверждениям немцев и их прихвостней группа эта состояла не из авантюристов и врагов своего народа, а из людей, которые твердо знали: если нацизм будет существовать, тогда не жить.

Десятого сентября грянули первые выстрелы. Вигго Ханстен и Ролф Викстрём отдали свою жизнь

за то, во что все мы верили — и не только верили, но были готовы отстаивать до последней капли крови'. Выстрелы прозвучали на всю страну, возвещая наступление тяжелой поры: новые аресты, новые казни, террор, предательство... Но также и растущее сопротивление, растущая воля к борьбе.

Нам пришлось на время притаиться — именно в это время были задуманы большие дела. Зимой 1941—1942 года несколько десятков человек — большинство из них не дожили до конца войны — объединились в организацию, позднее названную «группой Освальда». Так уж получилось, что группу назвали моей кличкой. Кроме горечи и сожаления, это обстоятельство ничего во мне не вызывает: горечи — потому, что мне не было дано пасть вместе с ними; сожаления — потому, что эти люди очень бы пригодились сейчас, когда грязь и тина мутят воду там, где недавно яростно бушевали неистовые волны.

РАЗГОВОР

...Снова вхожу в прихожую, и снова Герд и ее испуганные глаза.

— Асбьёрн, ты? Я так испугалась.

— Чего?

— Сама не знаю. Ведь я понимаю, ты какое-то дело затеял. И Оскара втянул.

— Ничего ты не знаешь, Герд. Знать-то нечего. А бояться — тем более.

— А что за ребята ходят сюда? Ночью и то являются. И всё незнакомые.

— Значит, пусть больше сюда не приходят?

— Да нет. Я не это хочу сказать. При чем тут я, пусть ходят. Такие дела решает Оскар. Вот и сейчас у нас два гостя. Они уже бывали здесь раньше.

Я подошел к ней, положил руки ей на плечи.

— Вот что, Герд. Ты ничего не знаешь. Не должна ничего знать. Ясно?

Низко опустив голову, она прошептала:

— Да. Ясно. Давно ясно, Асбьёрн. На меня можно положиться, не подведу. Языком трепать не люблю, так что не проговорюсь. Но иногда мне бывает страшно. Если что-нибудь случится с Оскаром или с дочкой, я не перенесу.

Она сидела на диване, на коленях — ребенок. Из окна на щеку падал слабый свет с улицы. Я уже давно не видел у нее настоящей улыбки. В глазах — неизменная тревога, настороженность. Лишь изредка, наклоняясь над девочкой, она чуть улыбалась.

Мы были одни в квартире. Оскара мобилизовали работать на немецком аэродроме Вярнес под Тронхеймом. Я уговорил его подчиниться, у меня было кое-что задумано.

Стоял сырой мартовский вечер. На город надвигалась угрюмая, ненастная ночь. Мы сидели молча. Ребенок дремал, прижимаясь к матери. Вдруг Герд подняла голову и прислушалась.

— Кто-то идет по лестнице. Ты кого-нибудь ждешь?

— Да. Но сейчас на лестнице никого нет. Не волнуйся, Герд, пока что нам ничто не грозит.

Она резко встала.

— Ничто не грозит! Думаешь, я не знаю, зачем он в Вярнесе? Немцам помогать? Как бы не так. Скажи кому-нибудь еще.

— Ну ладно. Правильно он поступает или нет?

— Он? Ну, знаешь, это уже нахальство. При чем тут он? Ты!

— Нет. Я не принуждал его.

Она села, крепко обняв ребенка.

— Конечно, нет. Я знаю это, Асбьёрн. Просто

я боюсь, как бы с ним чего не случилось. Что тогда будет со мной и малышкой?

— И зря боишься, никуда он не денется. А что будет с Астрид и Ролфом, если что-нибудь случится со мной?

— Астрид! Астрид — молодец.

— Ты тоже молодец, Герд. Только уж очень мрачно на все смотришь. А как раз теперь тебе необходимо быть молодцом.

— Что ты хочешь сказать?

— Нам нужна твоя помощь.

— Разве я не помогаю вам каждый день?

— Помогаешь. Но это посложнее. И к тому же опасно.

Она снова вскочила.

— Ничего не выйдет! Меня не трогай, Асбьёрн! У меня ребенок. Ищите кого-нибудь еще.

— Ладно.

Она тяжело вздохнула, потерлась щекой о волосы ребенка.

— А, что там говорить, все равно по-вашему будет. И Оскар также велел бы. Ну, в чем дело?

— Когда ты отправляешь Оскару чистое белье?

— Каждые две недели.

— В следующий раз приложишь кое-что от нас.

— Что?

Не видя, я ощутил на себе ее взгляд. Бывали минуты, когда она меня ненавидела, я это знал.

— Что вы хотите послать Оскару?

— Динамит.

— Асбьёрн! Ты сошел с ума! Этого я не сделаю. И не уговаривайте!

— Нет так нет. Я так и думал. Ничего не делаешь. Я ж не могу тебя заставить. Добудет динамит там, на месте. Авось удастся. Рискованно, конечно. Сколько шансов «за», столько же «против». Он знает, где у них склад. Там круглые сутки двое часовых. Стреляют без предупреждения. Ничего, справится. Все-таки кое-чему уже научился.

Слышно было, что ребенок заснул по-настоящему. Дыхание стало ровным, спокойным. Да-а. это хуже, чем стрелять в людей. Хуже, чем бежать сломя голову от преследующих немцев. Но поддаваться своим чувствам нельзя.

Волосы ребенка шелестели под ее рукой.

— Когда они придут, Асбьёрн?

— Вот-вот должны быть. А ты ложись. Мы будем поздно сидеть, нужно кое о чем поговорить."

— Спокойной ночи, Асбьёрн.

— Спокойной ночи. Трудное нынче время, Герд.

— Да, нелегкое.

Прижав ребенка к груди, она медленно покачивала его.

— В среду я отправляю белье. Приготовь, что тебе нужно послать.

— Хорошо. Мы поможем тебе уложить.

РУКОПОЖАТИЕ

По всем каналам связи к нам поступали тревожные вести. Немцы пустили в ход весь свой аппарат, вознамерившись парализовать движение Сопротивления. Мы знали, что теперь последует, и не ошиблись. Доносы, массовые аресты, переполненные концлагеря, ссылки в Германию, изощренные пытки. И смертные казни, подчас совершенно бессмысленные.

Астрид ни о чем не стала спрашивать, когда я приехал за ней и сыном и отвез их на хутор в горной глуши Сандсвёра. Она ни о чем не спросила и тогда, когда я простился с ними. Спрашивать было не о чем. И так все понятно. Сынишка крепко обнял меня, на глазах блестели слезинки. Но он гордо улыбался.

— Я знаю, — сказал он.

— Что ты знаешь?

— Да вот куда ты теперь едешь.

— Куда же?

¹ В сентябре 1941 года гитлеровские оккупанты в Норвегии, видя, что норвежцы не идут на сделки с ними, ввели режим жестокого террора. Первыми были расстреляны популярные профсоюзные деятели Вигго Ханстен и Ролф Викстрём.— Прим. переводчика.

Он сложил руки на груди и приосанился. Но голос срывался и звенел:

— Шавану ждут Оленье Копыто.

...Долго мы лишь отбивались — обучение новичков, мелкие операции, неудачи. И, наконец, решили дать бой. Решили добратся до главных палачей — Тофтеберга, Дённума, Фугта и Турхюса в их штабе, улица Хенрика Ибсена, 7. Связь с надежными людьми в стапо¹ работала безотказно. Мы сняли отпечатки с ключей, начертили план здания. Палачи являлись на службу ежедневно в половине десятого утра. Оставив портфели в комнате номер одиннадцать, шли на поверку. Затем возвращались в свою комнату и до обеда «работали». Всегда держались вместе, с другими не заговаривали, даже во время поверки.

План был разработан до мельчайших деталей. На пятом и седьмом этажах по ночам работали немцы. На шестом этаже, в закутке в самом конце коридора сидел охранник, который просматривал в окошко весь коридор. Если нас обнаружат, придется с боем пробивать себе путь.

...Ночь на 21 августа 1942 года. Половина второго. Мы идем впятером по Мёллергатен: Оскар, Тринадцатый, Тронд, Дагфинн и я. Непроглядная тьма, мелкий дождичек, холодный порывистый ветер. Идем молча, все давно переговорено. На Юнгсгатен — парочка, бредут в обнимку. Больше никого.

Улица Ибсена, 7. Окна были тщательно затемнены, лишь кое-где сквозь узкие щелочки пробивались тонкие лучики света. Немцы работали. Несколько секунд мы постояли молча, пистолеты наготове. Я дал знак товарищам, и мы вошли в здание. Нас встретил далекий шум — стучали пишущие машинки. Медленно и беззвучно пробрались мы вверх по лестнице. Шестой этаж... Я повернул ключ в замке комнаты номер одиннадцать. Войдя, мы неплотно прикрыли дверь и несколько секунд прислушались затаив дыхание. Ничего — только гул машинок.

Тронд и Оскар приступили к делу — прежде всего извлекли все документы из столов и картотек. Тринадцатый сторожил у двери, Дагфинн и я устанавливали заряды. Работали с потайными фонарями. Мы еще раньше убедились, что ток в телефонной сети слишком слаб, чтобы вызвать взрыв капсулы; надо было перерезать в одном месте телефонный провод и подсоединить две батарейки от карманного фонаря с двумя капсулами. Мы пользовались контрольной лампочкой — нам ничуть не улыбалось самим взлететь на воздух. Дагфинн светил, я поспешно монтировал. Лежа на спине, путаться в проводах — незавидная работенка. Я даже взмок. Последняя проверка, и мы осторожно воткнули капсулы в отборный динамит — два с половиной килограмма, после чего затолкали заряд под шкаф.

Готово. Мы улыбнулись друг другу. Если даже нас схватят, ничто не помешает взлететь нацистам на воздух!

Мы выглянули в коридор. Охранник сидел на своем месте, сквозь матовое стекло мы различали его силуэт. Один за другим мы выскользнули из комнаты, шмыгнули вниз по лестнице. Пишущие машинки трещали как пулеметы. Отовсюду доносилась немецкая речь. Тринадцатый и я разулись, связали вместе шнурки и повесили ботинки на шею: у нас были кожаные подметки, а шуметь сейчас не стоило.

Выходим на улицу, закрываем за собой дверь... Всё! Пронесло. Какой приятный дождичек...

Возле аптеки мы нырнули в ожидавший нас автомобиль. Все пятеро смеялись, говорили что-то. Оскар, Тринадцатый и Тронд сошли у своего дома, мы с Дагфинном доехали до Синсена. Я поселился

¹ Стапо — норвежская тайная полиция. — Прим. переводчика.

в комнате товарища, который на время уехал; Дагфинн перешел на мое место к Оскару и Герду.

Двоем мы посидели у меня, потолковали о предстоящем. Нужно позаботиться о том, чтобы телефон в комнате № 11 зазвонил утром как раз в тот момент, когда войдут Тофтеберг, Дённум, Фугт и Турхюс. Наш человек, работающий в здании, покажется в окне, выходящем на Мёллергатен, держа в руке носовой платок. Кто-нибудь из нас будет ждать внизу на улице, другой — возле библиотеки. Трое займут телефонный киоск. По сигналу набираем номер коммутатора и просим одиннадцатую комнату. И как только там поднимут трубку — последует взрыв.

Под утро, уходя к себе, Дагфинн крепко пожал мне руку.

— Спокойной ночи, Освальд. Кажется, мы кое-чему научились.

— Спокойной ночи. Ты молодец, здорово держался.

Он покраснел и смущенно улыбнулся. Великолепные зубы у парня, другого такого здоровяка надо поискать. Я очень люблю Дагфинна.

Проводив товарища, я сел изучать документы, взятые в комнате номер одиннадцать. Списки — длинные списки людей, на которых поступили доносы. Большинство доносчиков даже не подписались. Сколько же подлости!.. Я лег, надеясь час-другой поспать. И, как всегда, не мог сомкнуть глаз.

Утром проглотил чашку крепкого кофе, сунул в карман пистолет и вышел. Мы условились встретиться в начале девятого у автобусной остановки на площади Хеллянда. Я пришел первым. Ничего, пусть отдохнут, им основательно досталось.

Прошло четверть часа. Несколько человек шмыгнули мимо. Что это они так на меня смотрят?.. Мне стало не по себе. Уж не случилось ли чего?

До Уландской улицы десять минут быстрого хода. Вот знакомое окно; если все в порядке, на подоконнике должно стоять три цветочных горшка. Я подошел ближе; навстречу, посвистывая, проехали на велосипедах несколько рассыльных. Раз... два... Среднего горшка нет.

Я возвратился на площадь Хеллянда и доехал автобусом до Майорстюа. Без пяти девять. Я вошел в телефонную будку и набрал номер стапо.

— Кто говорит? Вам кого? — рывкнул чей-то, голос

Я повесил трубку. Ясно —, что-то произошло

Около десяти мне удалось связаться с полицейской группой и узнать все подробности'. В шесть утра к Оскару явились два немца в гражданском с переводчиком. Герд захлопнула дверь и успела сбросить один из цветочных горшков. Немцы взломали дверь Дагфинн и Оскар были схвачены.

Выходит, уже было известно, что на улице Ибсена украдены документы и кто их украл. В девятом часу они ворвались в мою квартиру на Синсене. На работе был схвачен Тринадцатый

В половине десятого в комнату номер одиннадцать вошел Тофтеберг. Он сразу обнаружил исчезновение документов и схватил телефонную трубку. Последовал взрыв.

Полицейская группа подслушивала почти все разговоры на телефонной линии штаба гестапо. Так мы? узнали, что Дагфинн, Оскар и Тринадцатый попали: в руки немцев. Немцам известно также, что Освальд и Асбьёрн Сюдэ — одно лицо.

Провал... Я бродил по городу, не находя себе места. Черт бы побрал всю эту сволочь — фашистов, предателей, доносчиков!.. К черту, к черту....

Перед кинотеатром «Виктория» толпился народ: Я остановился. Кто-то захихикал. Уж не по моему ли адресу? Должно быть, у меня и в самом деле сейчас глупый вид... Несколько девиц нежно льнули к двум сволочам в зеленых мундирах. Черт бы побрал всех девиц, льнущих к зеленой сволочи!

Несколько парней громко захохотали, проходя мимо меня. К черту всех, кто смеется! К черту всех, кто в эту минуту не поражен горем.

Темнело. Я устал как собака. Надо вбираться.. Они охотятся за мной. Прочесывают весь город. А, черт с ними... Вот он, пистолет, — в кармане. Пусть только сунутся, двумя-тремя зелеными сволочами меньше станет.

Я шел наудачу через город.

Они зажимают пальцы в тиски. Они избивают дубинками, пока во всем теле не останется ни одной целой кости. Если они поступят так с тобой, Дагфинн...

В Стенспарке я бросился на землю под кустами. Несколько звезд глупо мерцали в просветах между тучами.

ДОРОГОЙ ЦЕНОЙ

Я проснулся промерзший насквозь. Уже рассвело. Поблизости раздавались шаги и голоса. Надо уходить...

На Сумгате двое — один из них полицейский — наклеивали плакаты на фонарный столб. Дождавшись, когда они скроются, я подошел к столбу.

Я несколько раз прочел текст. Ишь ты, даже как-то веселее стало на душе 50 тысяч крон за Асбьёрна Сюдэ. А что — неплохая цена. Пожалуй, найдутся желающие подзаработать... Что ж, пусть попробуют. Они не заживутся на этом свете. Полицейская группа свое дело знает...

Портрет плохонький. Нелегко будет, пользуясь им, ловить меня. Вот Тронд, к сожалению, здорово похож. Придется ему теперь совсем уйти в подполье. Да и мне, пожалуй, лучше пока воздержаться от публичных выступлений.

Я пришел к руководителю полицейской группы, и он придумал для меня надежное убежище.

— Но ты уж не обессудь, — сказал он, — придется тебя слегка загримировать.

— Давай.

Черная краска, которой я намазал волосы, никак не хотела отставать, пришлось остричься наголо. Затем меня тайком доставили в больницу, где врачи впрыснули мне парафин под кожу — под каждым глазом и на переносице. Когда я поглядел в зеркало, то сам себя не узнал.

На время мне нужно было держаться подальше от города. Но железной дорогой и автобусом пользоваться нельзя, только велосипедом.

Ребята достали мне все необходимое: спальный мешок, велосипед и прочее. И когда я уложил рюкзак, он показался мне свинцовым. Не забыты были удочка и второй пистолет, только не было удостоверения личности. Придется обойтись...

Три дня я отсиживался на нелегальной квартире и отсыпался. А потом сел на велосипед и выехал из города.

1 В норвежской полиции было много патриотов. — Прим. переводчика.

Почти четверо суток — где на велосипеде, где пешком, а часть пути даже на такси — добирался я до убежища в лесу; один раз чуть не попал в лапы к немцам. Наконец пришел в условленное место. Товарищи узнали меня только по голосу.

А еще несколько дней спустя, в газете от 8 сентября, я прочел две короткие заметки:

Участники террористического акта на улице Ибсена приговорены к смерти.

Смертные приговоры, вынесенные 5 сентября 1942 года, были приведены в исполнение в понедельник утром.

...Я ушел в лес. Накрапывал дождичек. Тяжело и вяло висели влажные листья.

Они не вернуться. Никогда. Но мне кажется, что они тут, идут рядом со мной под дождем — Дагфинн. Оскар, Дидрик, Карлсен — Тринадцатый.

Тяжелая мгла заволокла долину, серо, серо... Тяжелая мгла заволокла всю страну.

Я ждал, каждый день ждал. И вот однажды вечером за дверью послышались шаги. Я взял пистолет.

— Войдите.

Это был связной из Осло, усталый, измученный. Несколько глотков вина подбодрили его.

— Ну, докладывай!

— Плохие вести.

— Герд?

— Да. Ее забрали в штаб гестапо. После второго допроса умерла.

ОПЕРАЦИЯ

...И снова — подбор людей, обучение, небольшое диверсии. И ожидание, долгое бездеятельное ожидание, от которого нервы были как струны.

Ненависть поддерживала и сплачивала нас в эти дни, ненависть к врагу — к фашистам, к предателям, к убийцам, ко всяческой подлости. И нетерпимость к собственной слабости.

Ненависть. Она росла с каждым новым страшным сообщением, которые доходили до нас. Оттар Ли приговорен к смертной казни — самый близкий нам человек! Но и эта весть пробудила не горе, а только еще большую ненависть.

И, наконец, пришла пора, когда даже самые пассивные среди наших соотечественников очнулись от спячки, поняли: мало протестовать — все должны подняться на бой, бой не на жизнь, а на смерть.

Ранней весной 1943 года немцы объявили трудовую мобилизацию. Мы понимали, что будет, если все мужчины от 18 до 55 лет и все женщины от 21 года до 40 лет пойдут работать на немцев.

Для нас прокламации Тербовена и Квислинга не были неожиданностью. Зато для всех, кто считал, что борьба с оккупантами их не касается, прокламации оказались набатом. Каждому было ясно, что это лишь первый шаг на пути к воинской мобилизации.

И мы принялись лихорадочно, день и ночь, разрабатывать новые планы, обсуждать различные варианты

Было ясно, что вербовка будет основываться на подробных картотеках. Следовательно, надо возможно скорее уничтожить эти картотеки...

(Продолжение следует)

Сокращенный перевод с норвежского Л. ЖДАНОВА

КОВАРНАЯ РЫБА

Представьте себе невероятную вещь: приходите вы в гости, вас сажают за стол, подают рыбу и говорят, как бы между прочим:

— Ешьте, будьте любезны. Правда, от этой рыбки можно умереть. случается иногда...

Не может быть такого? Но вот факты. В Японии за последние 22 года зарегистрировано 3 106 случаев отравления рыбой фуку. Многие из отравившихся умерли мучительной смертью. Мясо рыб из отряда сростночелюстных (к этому отряду отно-

сится фуку) очень вкусно и безвредно. У рыб ядовиты лишь икра, яичники и желчь. После их удаления и тщательной промывки мясо рыбы можно есть.

Отравления происходят чаще всего в ресторанах, кафе, столовых, в тех случаях, когда повар нечаянно раздавит желчный пузырь, а потом плохо промоет рыбу.

Рыбы из отряда сростночелюстных были частыми гостями на нашем судне во время экспедиции в Атлантике близ экватора. Мы по-

знакомились и с фахаком, и с кузовком, с рыбой, носящей почти военное название — курук, и с рыбой-кувалдой — той самой, которую японцы называют фуку. Она действительно немного напоминает кувалду: у нее массивная голова, сужающееся к хвосту тело, покрытое твердой шероховатой кожей. Кувалда — малоподвижная, плохо плавающая рыба, обитает около дна, где питается кораллами и моллюсками. У одной из рыб мы обнаружили в желудке 220 граммов твердых как камень обломков раковин.

Наш судовой повар приготовил из кувалды отличное блюдо...

Ю. ИВАНОВ, Калининград

СУДЬБА ОДНОГО ПРОЕКТА

Шойдут годы, и многочислен-ные корабли поплывут будущим великим торговым путем Южной Америки — так писал уругвайский географ Луис Синсиано Больо.

Давно родилась эта замечательная идея. Амазонка, Парана, Ориноко, три великие реки, три главные артерии континента, должны быть соединены, чтобы разбудить джунгли, разорвать цепкие заросли сельвы, иссушить ад гнилых малярийных болот. И отдаст земля людям все свои богатства, накормит, напоит и оденет их...

Кажется, сама природа пришла здесь на помощь человеку: между Амазонкой и Ориноко даже нет необходимости рыть канал. Эти реки уже соединены естественным каналом! На 240-м километре от истока, ниже селения Эсмеральда, река Ориноко раздваивается. От нее отделяется река Касикьяре, несущая свои воды в Гуаинию — левый приток Риу-Негру, а по черным водам Риу-Негру совсем нетрудно попасть в Амазонку. Так сами собой соединились две великие речные системы. Это классический пример весьма редкого явления природы — бифуркации (раздвоения) рек.

Величайшую в мире бифуркацию реки подробно описал в начале прошлого века знаменитый немецкий ученый и путешественник Александр Гумбольдт. Элизе Реклю назвал исследование Гумбольдта «одним из великих событий географической истории».

Разумеется, для нормального судоходства на «реке-канале» необходимо построить шлюзы и плотины.

В центре южноамериканского материка находится другой дар природы — плато-водораздел Мату-Гросу. Здесь рождается множество рек. Одни бегут к Амазонке, другие к Паране. Истоки их здесь так близко подходят друг к другу, что расстояние между ними измеряется всего лишь километрами, а иногда и сотнями метров!

В конце прошлого века в засушливый год один фермер прорыл канаву от обмелевшей речушки, где приютилась его усадьба, к реке, находившейся в нескольких сотнях метров. Сам того не ведая, он соединил бассейны двух величайших рек материка. Но это всего лишь географический курьез. Мы приводим его, чтобы дать наглядное представление об удивительных возможностях, которые природа, словно нарочно, предлагает здесь человеку.

Более благоприятные условия для соединения рек и строительства каналов трудно найти где-либо на земле! Три великие реки охватывают почти весь континент. Единая судоходная система соединила бы все южноамериканские страны, кроме Чили и Эквадора. Но устройство шлюзов на притоке Амазонки — Напо — подключило бы и Эквадор к самому большому в мире внутреннему водному пути длиной в 8,5 тысячи километров.

Мысль о «канале трех Великих

рек» была высказана Больо в 1909 году. Прошло больше полувека, ученые и инженеры продолжают изучать места будущей трассы канала, детально разработав не один смелый проект, а строительство так и не началось. Не вырыто даже ни одного кубометра земли.

В чем же дело? Может быть, в Южной Америке очень большая и густая сеть железных дорог и поэтому нет необходимости в строительстве каналов? Отнюдь нет. Железные дороги пересекают этот материк с востока на запад, но нет ни одной магистрали, соединяющей север и юг. В центральной же части континента отсутствуют даже самые простые шоссейные дороги.

Так почему же проект не воплотится в жизнь? А потому, что так выгодно иностранным монополиям и в первую очередь американским. Ведь сооружение грандиозного водного пути способствовало бы развитию экономики стран Латинской Америки. Моно-

полям же нужна просто сырьевая база, поставляющая по дешевке нефть и хлопок, кофе и олово. В результате такой политики монополий во многих из этих стран преобладает одностороннее, монокультурное развитие, когда экономика и внешняя торговля страны определяются производством двух-трех, а иногда и одного товара на экспорт. В то же время населению не хватает самых необходимых продуктов питания.

Многие богатейшие природные ресурсы этих стран, способные принести благосостояние их народам, почти совершенно не используются.

На берегах Ориноко сравнительно недавно обнаружены крупнейшие запасы железной руды. Только на поверхность выходят около 400 миллионов тонн! 55 миллионов киловатт могут дать многоводные реки, но эти колоссальные гидротехнические ресурсы пропадают втуне. Неисчислимы лесные богатства: 9 миллионов квадратных километров лесов могут снабдить

ценной древесиной половину человечества, но леса перестают гнить.

Неосвоенные массивы целинных земель, способных прокормить 800 миллионов человек, пустуют, а почти две трети населения материка голодает. «Есть большее несчастье, чем умереть от голода в пустыне, — отмечал бразильский писатель Америк де Альмейда, — это не иметь пищи в обоготванной земле».

Проект канала жизни, «канала трех Великих рек», осуществление которого могло бы дать работу миллионам трудолюбивых людей, забыт и похоронен. Все реже говорят о нем в западной прессе, ибо молчание (в данном случае) — золото для монополий США.

«До каких же пор Латинская Америка будет ожидать возможностей для своего развития? Если придерживаться критерия монополий, то она должна будет ждать до греческих календ», — говорил в одной из своих речей Фидель Кастро.

Вулканический континент пробуждается. Народы Латинской Америки не хотят больше обогащать своим трудом и дарами своей земли монополии США.

Пример свободной Кубы, как маяк, освещает путь к подлинной независимости и прогрессу. Аграрная реформа, успешная борьба с безграмотностью, широкое строительство новых жилищ, национализация промышленности и изгнание иностранных монополий — вот далеко не полный перечень великих преобразований, свершившихся за короткий срок на Кубе, где народ сам владеет богатствами острова и строит свою жизнь так, как хочет.

Подборку материалов «Карта мира рассказывает», «Ангарский континент», «Волны Дуная — волны мира», «Чудо века», «Судьба одного проекта» подготовили **В. СИМАКОВ, В. ЧЕРНИКОВА, С. ЧЕКРЫГИНА, А. ПИН, В. ОЛЕНЕВ.**

Город, построенный не на своем месте

(Окончание. Начало на стр. 36)

«Санитарная полоса» не может от всего гарантировать «господ», поэтому время от времени производится врачебный осмотр всей прислуги. Если кто-либо болен малярией или страдает глистами, его не трогают — это неопасно, вот заболевшего туберкулезом или сифилисом немедленно изгоняют.

Когда небо чисто — вечера в Родезии мягкие, а вместе с облаками приходит тяжелый воздух и духота.

Прислуга и няньки соседей сидят прямо на траве по другую сторону дороги и, наверное, обсуждают капризы своих хозяев, передразнивая их жесты и голоса. Бесперывным потоком льется мягкий говор машина: словно слышишь забавную историю, которой, кажется, не будет конца.

Мимо проходят и проезжают африканцы; те, у кого есть ботинки, обычно в белых рубашках и черных брюках, на босоного — будничные рваные хаки. Никто не знает, куда они направляются. Джеймсон Авеню не ведет ни к одной из локаций.

Из леса доносятся звуки кларнета и барабана, там расположен европейский клуб «Олд Харарианс», похотий на все кафе, где можно выпить пива, посидеть за маленьким столиком и послушать рассказы, а вдали, как вулкан, возвышается гора Копьен. Слышен лай сторожевых собак.

С другой стороны слышатся смех, песни и звон гитары. Наш сосед включил на полную громкость радиоприемник, чтобы услышать результаты футбольного матча.

Я отложил газеты, вышел и неожиданно встретил своего соседа. Он смотрел в сторону мусорных бочек и «киас» для прислуги.

— Готов пойти и перестрелять их всех, — сказал он, — я так взбешен...

— Но ведь всего восемь часов, — заметил я, — пусть они повеселятся!

— У них там гости! Черт меня возьми, если у всех есть паспорта!

— Я думаю, если вы позовете полицию, то она их всех засадит...

Он посмотрел на меня, стараясь разгадать мои мысли. Все еще были слышны звуки гитары, голоса стали

более приглушенными. Что-то проговорила девушка.

— Тварь! — возмутился сосед.

— А может, это нянька?

— У них нет паспортов, они живут в локациях.

— До Харари далеко, два часа туда и обратно, и то если идти быстро.

— Послушайте только, как они смеются. Мы не потерпим разврата у себя во дворах, подумать только, они могут заразить наших детей!

— Может быть, они просто решили, что не стоит идти домой, ведь им надо в семь часов утра быть здесь опять, а путь дальний, по дороге на них могут напасть. Да и проголодаются.

— Я прибью кого-нибудь, если пойду туда, а это уже не первый случай. — Он горько усмехнулся и с опаской посмотрел на меня. — Это вам не Англия, — коротко пояснил он и закрыл дверь.

Вновь заговорило радио, отчет о футбольном матче продолжался.

* * *

Несправедливость так велика и так осязаема, что мне кажется, будто я мог взять ее, слепить в огромный снежок и запустить в лицо виновным, если бы у них было только одно лицо. И в то же время африканским проблемам трудно придать осязаемый вид. Обычно они принимают форму избитых фраз о том, что африканцам не разрешается делать того-то и того-то. Но само по себе запрещение ходить в кино или ресторан еще не так уж много значит. Самое страшное — это внутренние раны. Так же как удар хлыстом не столько повреждает кожу, сколько унижает душу.

«Моих детей заставят ходить в школу вместе с черными?» Сколько раз слышишь здесь этот вопрос! Я думаю, что белым в Родезии, чьи предки в свое время украли землю у ее хозяев, построили на ней свои города и лишили африканцев всех человеческих прав, можно спокойно ответить: «Для вас нет будущего. Ваши города должны стоять не за пятнадцать, а за тысячи миль от Маунт-Хемпдена».

Перевод Е. ГРИЩЕНКО и В. ЛЕУШЕВОЙ

ПОД ПОЛОГОМ

ПЬЯНОГО ЛЕСА

ДЖ. ДАРРЕЛЛ

ЗНАКОМСТВО С ЧАКО

Мы любовались открывавшейся под нами местностью — сочной тропической зеленью, пронизанной красноватыми прожилками дорог. Пролетели над Асунсьоном, розовые дома которого ярко сверкали на солнце, и вскоре прямо по носу самолета в мерцающем круге пропеллера показалась река Парагвай.

Летя на большой высоте, мы видели, что река огненной, искрящейся границей разделяла местность на две части: под нами был плодородный краснозем, зеленые леса и обработанные поля, окружавшие

Асунсьон и занимавшие восточную часть Парагвая, а далее, за лентой реки, начиналось Чако, необозримая плоская равнина, тянувшаяся до самого горизонта. Подернутая дымкой утреннего тумана, равнина казалась поросшей серебристо-бронзовой травой, кое-где перемежавшейся с сочной зеленью маленьких рощиц. Казалось, что кто-то прошел по этой равнине гигантскими ножами и подстриг ее, словно огромного пуделя, оставив на шкуре в качестве украшения зеленые островки шерсти. Под нами проплывал безжизненный ландшафт, двигалась только река. Она то дели-

лась на три-четыре русла, то растекалась по пятидесяти или шестидесяти рукавам, которые извивались и переплетались в затейливом узоре, словно блестящие внутренности какого-то огромного серебряного дракона, вываленные на равнину.

Пролетев над рекой, самолет опустился ниже, и я увидел, что равнина, которая показалась мне поросшей сухой травой, в действительности была заболочена. Зеленые рощицы оказались густыми зарослями колючих кустарников, над которыми изредка поднимались пальмы. Местами пальмы росли сомкнутыми рядами, как будто были посажены людьми. Вода искрилась повсюду мгновенными яркими вспышками белого света, когда солнечные лучи отражались от нее; но, несмотря на обилие влаги, кустарники выглядели иссушенными и запыленными, корни растений находились в воде, а листья были сожжены солнцем. Это была суровая, безлюдная равнина, не лишенная, однако, своеобразного очарования... Самолет нырнул носом, и мы начали быстро снижаться, направляясь к небольшому травяному полю, которое отличалось от окружающей местности только тем, что на его краю на длинном шесте бессильно повис желтый надувной баллон. Самолет коснулся колесами земли, прокатился немного по траве и остановился. Пилот с улыбкой посмотрел на меня, выключил мотор и сделал широкий всеохватывающий жест.

— Чако! — сказал он.

...Переводчик Рафаэль спросил хозяйку квартиры, какие способы передвижения есть в Пуэрто-Касадо. Паула перечислила три способа: верхом на лошадях, на повозке, запряженной быками, и на *autovia*. В результате дальнейших расспросов выяснилось, что *autovia* — это своего рода железная дорога Чако, хотя термин «железная дорога» был тут чистым эвфемизмом. *Autovia* представляла собой узкоколейку, на которую были взгромождены ветхие автомобили марки «Форд-8». Дорога имела протяженность около двухсот километров и была для нас истинным даром богов. Паула заверила нас, что если мы пройдем по поселку к тому месту, где начинается линия, мы увидим там *autovia*, а где-нибудь поблизости найдем и водителя, который скажет, на какой час назначен ближайший рейс.

Действительно, на противоположном конце деревни мы разыскали железнодорожную колею, правда не без труда, так как рельсы до то-

го заросли травой, что их почти невозможно было разглядеть. Колея имела ширину около двух с половиной футов. Рельсы были изношены, стерты до блеска и погнуты. Я представить себе не мог, чтобы какой бы то ни было экипаж мог на них удержаться. Впоследствии, когда я увидел, с какой скоростью *autovia* мчится по этим рельсам, мне казалось просто чудом, что мы возвращались живыми из наших поездов.

Чуть подальше мы обнаружили отходящий от основной колеи путь, на котором стояло несколько невероятно потрепанных *autovia*, а невдалеке под деревом увидели столь же потрепанного водителя, мирно спавшего в высокой траве. Мы его разбудили, и он сообщил, что на следующее утро *autovia* совершит рейс километров на двадцать и, если мы захотим, он возьмет нас с собой. Я рассчитывал в этой поездке познакомиться с окрестностями и определить, какие виды птиц наиболее распространены здесь. Мы поблагодарили водителя, который пробормотал в ответ: «*Nada, nada*»¹, — снова лег в траву и тут же погрузился в глубокий сон.

На следующее утро перед рассветом наша *autovia* тряслась по рельсам в густом молочно-сером тумане. Когда поселок остался позади и собаки, преследовавшие нас, отстали, из-за деревьев неожиданно показалось солнце, стерев все краски с восточной части неба и залив его морем света. Мы тряслись и качались в своем экипаже, все дальше и дальше углубляясь в лесные дебри Чако.

Лес был низкорослый, но деревья стояли так близко друг к другу, что их ветви переплетались между собой; почва была заболочена и покрыта густой растительностью, среди которой выделялись колючий кустарник и, как ни странно, кактусы. Некоторые кактусы были похожи на склеенные по краям зеленые тарелки, усыпанные желтыми колючками и розовато-лиловыми цветами; другие напоминали осьминогов, раскинувших по земле свои длинные щупальца. Были и такие кактусы, которые походили на большие зеленые гусарские кивера, как бы подернутые черной дымкой колючек. Многие кактусы стояли наполовину в воде. Между рельсами железной дороги торчало множество низкорослых растений высотой всего в несколько дюймов, увенчанных мелкими чашеобразными красными цветками. Местами их было так много, что мне казалось, будто мы едем по какой-то бесконечной клумбе.

Время от времени лес прерывался, и перед нами открывались большие травянистые пространства, усеянные огненно-красными цветами на высоких стеблях и аккуратно разде-

ленные рядами пальм, округлые кроны которых напоминали снопы зеленых ракет, разлетающихся в небо. На этих травянистых полях можно было увидеть множество тираннов-вдов, небольших птичек величиной с воробья, с глянцево-черными спинками и ослепительно белыми грудкой и шейкой. Они сидели на ветках и стволах упавших деревьев, время от времени взмывали в воздух, хватая пролетающих мимо насекомых и возвращались на место; их грудки сверкали на фоне травы, словно падающие звезды. Местные жители называют их *flor blanca* — белые цветы, и это прозвище очень подходит к ним.

И среди деревьев здесь тоже попадались интересные породы: стволы некоторых у основания неожиданно расширялись наподобие кувшина для вина; у них были короткие искривленные ветви, скудно украшенные мелкими бледно-зелеными листьями. Эти деревья росли небольшими группами. Казалось, они впитали в себя слишком много влаги, и их стволы поэтому непомерно раздулись.

— Как называются эти деревья, Рафаэль?

— *Palo Borracho* 1. Видишь, какие они толстые? Говорят, что они слишком много пьют, поэтому их здесь называют пьяными деревьями.

— Пьяные деревья... Это действительно подходящее название. И место как раз для них, весь лес здесь кажется пьяным.

В самом деле, вся местность выглядела так, словно природа решила устроить здесь грандиозную попойку и пригласила на нее самых различных представителей растительного мира — умеренного, субтропического и тропического поясов. Всюду виднелись высокие пальмы, устало склонившие головы, — это были завсегдагаи баров с длинными нечесаными волосами; колючие кустарники схватились в пьяной ссоре; элегантные нарядные цветы соседствовали с небритыми кактусами; пьяные деревья с раздувшимися животами любителей пива склонялись к земле под самыми неожиданными углами; и везде над этой оргией растений-сновали тиранны-вдовы, словно маленькие юркие официанты в белоснежных манишках...

За одним из поворотов нам открылась живописная, окаймленная пальмами топь, на которой кормились четыре огромных аиста ябиру. Медленно и величественно передвигались они по траве и сверкающим разводьям, очень напоминающая виденную мною однажды процессию негритянских проповедников в белых стихарях. У аистов было белоснежное оперение, угольно-черные клювы и шеи, втянутые в сутулые плечи. Степенно и задумчиво вышагивали они по воде, время от времени застывая на одной ноге и

слегка разводя в стороны крылья. Я попросил водителя остановиться, чтобы понаблюдать за ними несколько минут. Удивленно посмотрев на меня, он затормозил, и *autovia* со скрипом остановилась футах¹ в пятидесяти от птиц, которые не обратили на нас ни малейшего внимания.

Не успел я поудобнее устроиться на деревянном сиденье и поднести к глазам бинокль, как вдруг невероятных размеров полосатый москит влетел в *autovia* и сел на мою руку. Я небрежно стряхнул его и поднял бинокль к глазам, но тут же опустил его и захлопал рукой по ногам, на которых уже сидели четыре других москита. Посмотрев вокруг, я к своему ужасу обнаружил, что висевшая над травой легкая дымка в действительности была тучей москитов, которые надвигались на нас с возбужденным жужжанием. Через несколько секунд туча обволокла нас, москиты облепили наши лица, шею, руки, и даже одежда не спасала нас от укусов. Давя на себе москитов и проклиная все на свете, я потребовал от водителя немедленно трогаться.

Когда *autovia* тронулась, большинство москитов отстало, но несколько наиболее упрямых продолжали преследовать нас на протяжении примерно полумили. Нападения москитов при каждой остановке отравляли удовольствие от поездки, из-за них ни на одном месте нельзя было продержаться более десяти минут. Охота и кино съемки в этих условиях были трудной, мучительной работой. Пока я возился с аппаратом, определяя выдержку и фокусировку, кто-то должен был обязательно стоять рядом и обмахивать меня шляпой, чтобы отогнать хотя бы часть насекомых — иначе я не мог сосредоточиться и быстро терял терпение. В Пуэрто-Касадо мы вернулись после полудня, покрасневшие и распухшие от укусов.

ОХОТА ЗА АНАКОНДОЙ

...Наш путь пролегал по большому болоту, со всех сторон окруженному лесом, и ни единое дуновение ветерка не смягчало палящего зноя солнечных лучей. Болото было глубокое — вода доходила до осей повозки — и так густо заросло травой и водяными лилиями, что даже волам было трудно идти. Это водное пространство было громадным питомником москитов самых различных видов и размеров. Они, как говорится, кишмя кишели перед нами, и казалось, мы смотрим через полупрозрачную завесу из переливающихся радужным блеском крыльев. Вскоре сквозь эту зыбкую пелену я увидел небольшой остров площадью около двухсот квадратных футов, поднимавшийся над

1 Ничего, ничего (*исп.*).

1 Пьяное дерево (*исп.*).

1 Английский фут равен приблизительно 0,3 метра.

сплошным ковром водяных растений. Островок был покрыт густым тенистым лесом и показался мне прекрасным местом для отдыха.

— Не хочешь отдохнуть? — спросил я свою жену.

Из-под шарфа на меня мрачно выглянул один глаз. Затем Джеки размотала шарф и открыла красное, распухшее от укусов москитов лицо.

— Я бы очень хотела отдохнуть, — с ожесточением произнесла она. — Еще я очень хотела бы принять холодный душ, выпить холодного лимонада и иметь под руками около четырехсот тонн ДДТ...

...Змея лежала на подстилке из водорослей, плававших на поверхности воды почти у самого края болота. К ней нужно было подкрадываться незаметно: обнаружив наше приближение, она успела бы доползти до ближайших деревьев, а искать анаконду в густых колючих зарослях почти безнадежное занятие. Мы отправились в путь и, когда, по расчетам проводника, были уже близко от змеи, велели погонщику взять правее к выбранному нами удобному наблюдательному пункту, а сами продолжали идти вперед. Здесь, почти у края, болото было довольно мелким и не таким заросшим, но дно было неровное, и лошади все время спотыкались. Я понял, что если змея попытается спастись бегством, я не смогу преследовать ее верхом, так как скачка по такому болоту равносильна самоубийству. Таким образом, придется догонять змею пешком.

К сожалению, змея заметила нас раньше, чем мы ее. Проводник внезапно вскрикнул и вытянул руку вперед. Футах в пятидесяти от нас на разводе между двумя огромными ворохами плывучих растений я увидел зигзагообразную рябь, быстро двигавшуюся по направлению к лесу.

Бросив поводья моего коня проводнику, я схватил мешок и прыгнул в тепловатую воду.

Двигаться по колену в воде трудно при любых условиях, а в разгар тропического дня это вообще одно из тех безрассудств, которые может себе позволить только зверолов. Я рвался изо всех сил, пот лил с меня градом, а между тем зигзагообразная полоса ряби быстро приближалась к берегу. Я был футах в тридцати от берега, когда глянцевиная черно-желтая анаконда выбралась из воды и начала уползать в высокую траву. Сделав отчаянный рывок, я запутался в стеблях водяных растений и упал лицом в воду. Когда я снова встал на ноги, анаконда уже исчезла.

Проклиная все на свете, я вышел на берег и побрел в том направлении, куда уползла змея, надеясь найти ее по следу на траве. Не успел я пройти и шести футов, как из небольшого кустика ко мне метнулась тупая голова с разинутой пастью. Я отскочил от нее как ошпаренный. Под кустом лежала анакон-

да, пятнистое туловище которой так удачно сливалось с окружающим фоном, что в первый момент я просто не заметил ее. После сытного обеда змее, вероятно, было так же трудно передвигаться по болоту, как и мне, и, добравшись до травы, она решила отдохнуть. И лишь когда я почти наступил на нее, она вынуждена была начать борьбу.

Почти в каждой книге о Южной Америке автор рано или поздно — а в некоторых книгах в каждой главе — сталкивается с анакондой. В этих описаниях анаконда обычно достигает в длину от сорока до ста пятидесяти футов, несмотря на то, что крупнейшая анаконда, которая когда-либо была достоверно измерена, не превышала тридцати футов. Анаконда обязательно нападает на автора, на протяжении трех-четырёх страниц он вырывается из ее мощных объятий, куда она не закроет копьём верный индеец либо он сам не ухитрится прострелить ее из своего верного револьвера. Ну, а теперь, рискуя заслужить репутацию либо шарлатана, либо чудовищной скромности человека, я должен описать и свою собственную схватку с анакондой.

Анаконда бросилась на меня довольно вяло. Она вовсе не собиралась вступать в смертельный бой, а лишь метнулась ко мне а разинутой пастью, в слабой надежде на то, что я испугаюсь и оставлю ее спокойно переваривать курицу. Сделав этот выпад и подтвердив установившуюся за ее родом репутацию свирепости и воинственности, анаконда свернулась под кустом в тугий узел и теперь лежала, тихо и, я бы сказал, жалобно шипя. Тут мне очень пригодилась бы какая-нибудь палка, но до ближайших кустов было довольно далеко, а я боялся оставить змею. Несколько раз я махал мешком перед ее головой, рассчитывая на то, что анаконда бросится на него и ее зубы застрянут в ткани — этот способ я не без успеха применял ранее при ловле змей.

Но анаконда лишь спрятала голову под свои кольца да зашипела чуточку погромче. Я решил, что не сумею обойтись без посторонней помощи, и, обернувшись, начал от-

чаянно размахивать руками, подзывая проводника, стоявшего с лошадью посреди болота. Сперва он не хотел подходить ближе и только приветливо махал рукой в ответ, но, увидев, что я начинаю сердиться, направился в мою сторону. Снова повернувшись к кусту, я увидел лишь, что хвост зловредной, свирепой и страшной анаконды поспешно скрывается в траве. Мне оставалось только подбежать к змее, схватить ее за конец хвоста и оттащить на прежнее место.

Теперь по всем правилам анаконде следовало обвиться вокруг меня и начать душить своим мускулистым телом. В действительности же она снова свернулась в клубок, издавая умоляющее шипение. Накинув ей на голову мешок, я схватил анаконду сзади за шею. На этом борьба фактически закончилась, змея лежала совершенно спокойно, изредка подергивая хвостом. Тут подоспел проводник, и справиться с ним оказалось труднее, чем со змеей: он отнюдь не горел желанием помочь мне, а спокойно говорить с человеком, одновременно удерживая змею, не очень-то легко. В конце концов я пообещал ему, что не позволю змее причинить ему вреда, и тогда он смело взял мешок и держал его на весу, пока я заталкивал змею внутрь...

Повозка и лошади медленно тащились по болоту, на листьях водяных растений уже лежали красноватые отблески заката. Над нашими головами проносились огромные стаи черноголовых коньжоров, словно охваченных приступом истерии, которая обычно наблюдается у попугаев перед тем, как они устраиваются на ночлег. Большими беспорядочными группами летали они взад-вперед с громкими, пронзительными криками, между тем как солнце опускалось в лимонно-желтую муть за облаками.

Домой мы вернулись к восьми часам, усталые, искусанные москитами и обгоревшие на солнце. Анаконда, поглощенная перевариванием пищи, не возражала против того, чтобы ее измерили. От головы до кончика хвоста ее длина равнялась девяти футам и трем дюймам.

ПОСЛОВИЦЫ ТАУРЕГОВ

(АФРИКА)

Как бы долго ни тянулась ночь, придет время — засияет солнце.

Сосуд, из которого пьют, не разбивают.

Слово ранит больше, чем железо.

Ищи друга умней себя.

Близкий сосед лучше далекого брата.

Как бы ни было плохо в горах, газель не ищет другой родины.

Расставляйте свои палатки подальше, но душой будьте поближе.

Дух человека ненасытен, как море, — хоть оно и переполнено, но на перестает вбираться в себя.

ФУТБОЛЬНАЯ ГАДАЛКА

Английский гипнотизер Генри Блайз открыл гипнотическую контуру, которая занимается предсказанием результатов футбольных матчей. Каждый понедельник он повергает своего медиума — Еву Стюарт-Милл в состояние транса, во время которого она предсказывает результаты футбольных матчей, предстоящих на неделе. Блайз утверждает, что в большинстве случаев ее предсказания сбываются. «Абонентами» конторы Блайза являются те, кто делает денежные ставки на ту или иную команду. Предсказание продается по 11 фунтов стерлингов за штуку плюс десятая часть от суммы всех выигрышей «абонента» за один футбольный сезон. В случае проигрыша контора неустойку не платит.

Контора уже имеет 300 «абонентов»; оптимистически настроенный гипнотизер-бизнесмен продолжает их вербовать.

МУРАВЬИ-МЕДОНОСЦЫ

В Южной Америке встречаются муравьи, которые добывают мед. Они не собирают мед в ульи, как пчелы, а хранят его в своих брюшках. Живые «медоколонки» живут в отдельных помещениях муравейника. Когда другого корма не хватает, жители муравейника берут мед из запасов.

ОБЕЗЬЯНИЙ „ЯЗЫК“

В Нью-Йоркском зоопарке ученые записывали на магнитофон «болтовню» обезьян. Но начался дождь, и эксперименты пришлось прервать. Через день ученые воспроизвели магнитофонную запись.

Обезьяны, услышав крики, которые они сами издавали при приближении дождя два дня назад, бросились под навес, не обращая внимания на то, что на небе было ни облачка.

БЕРЛОГА С „ПАРОВЫМ ОТОПЛЕНИЕМ“

Прошлой зимой посетители Йеллоустонского национального парка (США) часто встречали около горячего гейзера медведицу с двумя медвежатами. Нисколько не смущаясь присутствием зрителей, «дети» под присмотром строгой «мамаши» разучивали приемы классической борьбы, обиженно ревели от полученных затрещин или мирно прогуливались в обнимку.

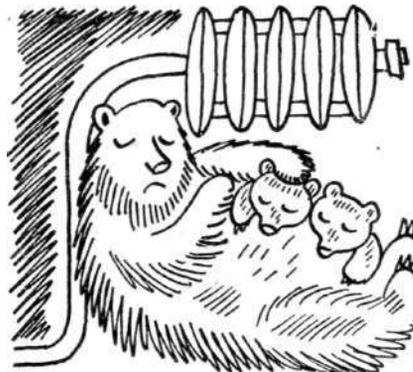
Администрация заповедника не имела к этому аттракциону никакого отношения. Просто медведица прельстилась бесплатным паровым отоплением. Всю зиму медвежье семейство прожило в одной из пещер, обогреваемых паром горячего источника.

РИСКОВАННАЯ МОДА

«Сёрфинг» — модный вид спорта в Австралии. Своим названием обязан английскому слову «surf» — «прибой». «Сёрфисты», разогнав доску, поднимаются на ней в полный рост и отдаются на волю океана. Главное, при этом сохранить равновесие, тогда волны сами выносят пловца на берег.

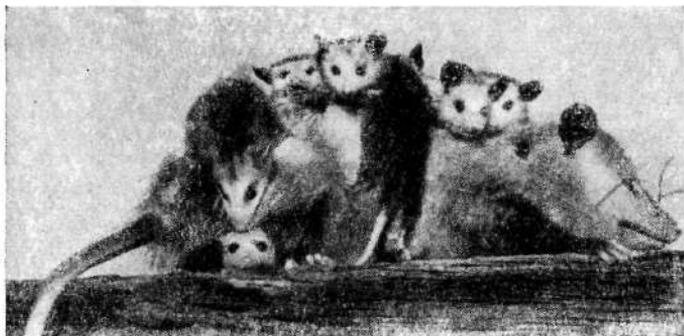
Состязания мастеров по плаванию на досках в волнах прибора привлекают на пляжи тысячи иностранных туристов. Однако иных любителей «сильных ощущений» интересует не только мастерство участников заплыва. Нередко в соревнованиях принимают участие акулы. Их жертвами обычно оказываются сорвавшиеся с доски неудачники.

Рисунки В. СТАЦИНСКОГО

Четыре с половиной века назад моряки, вернувшиеся из путешествия в далекую Америку, привезли испанскому королю Фердинанду странный живой подарок.

— У маленького зверька мордочка лисья, хвост — как у обезьяны, уши летучей мыши, а лапы — ну, точно человечьи руки! — удивлялись придворные. Но еще больше они были потрясены, когда увидели, как из сумки на животе матери высовываются крошечные детеныши. Их

удивление понятно: сумчатые животные не встречаются ни в Европе, ни в Азии, ни в Африке, а век географических открытий тогда еще только начинался.

«Гостем» испанского двора был опоссум, зверек, хорошо известный в Северной Америке, от Канады до Мексики. Его не совсем обычная внешность и забавные повадки сделали Братца Опоссума любимым героем многих сказок.

Опоссум — дальний родственник кенгуру и других сумчатых, встречающихся главным образом в Австралии. Длинный, покрытый чешуйками хвост помогает ему карабкаться по деревьям. Иной раз опоссум даже повисает вниз головой, ухватившись хвостом за ветку.

В старину думали, что у опоссума детеныши рождаются прямо в сумке. И лишь много позже заметили, как слепые новорожденные перебегают в сумку на животе матери, которая их донашивает в этой естественной колыбели целых два месяца. Потом они начинают «путешествовать» по своей терпеливой мамаше, цепляясь за ее шерсть или хвост. Лишь совсем окрепнув, зверьки постепенно переходят на пищу взрослого опоссума: ловят насекомых и мелких пресмыкающихся, поедают лесные ягоды и птичьи яйца.

ПЛАВАЮЩАЯ ДЕРЕВНЯ

Деревня Гилдерслив-Сити не значится ни на одной из географических карт. И тем не менее такая деревня существует на юго-востоке Аляски. Точное ее местонахождение указать трудно — каждый год деревня совершает путешествие, измеряемое одной-двумя... тысячами километров.

Гилдерслив-Сити — это расположенный на плотках поселок лесорубов. Он занимает «территорию» длиной 160 и шириной 30 метров. Здесь живут несколько

семей — 19 взрослых и 27 ребятишек. Огромный плот служит лесорубам не только местом жилья, но и средством передвижения — на нем они кочуют по воде от одной лесозаготовки к другой. Жизнь требует от обитателей плавающей деревни мужества и выносливости. От ближайшего населенного пункта их отделяет, как правило, не менее 50 километров, и лишь маленький гидроплан время от времени связывает Гилдерслив-Сити с внешним миром.

Каждое утро перед началом работ в лабиринт угольных шахт английского городка Мансфилд спускаются два специалиста. Они везут с собой большую клетку с... чижами.

Шахтеры с уважением относятся к этой птице, которая не раз спасала их от смертельной опасности. Дело в том, что чиж совершенно не переносит присутствия окиси

углерода, он умирает, вдохнув малейшую порцию этого газа.

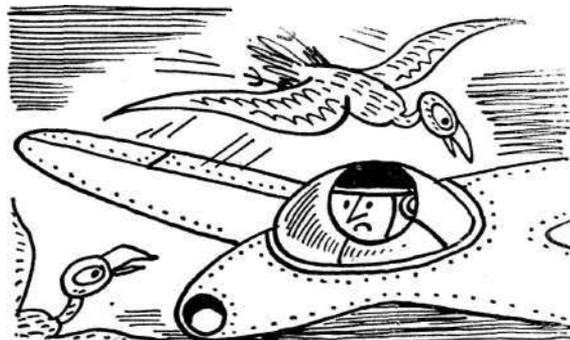
Чуткая птица беззаветно служит уже многим поколениям горняков. Конечно, в наши дни существует более совершенная техника безопасности, но любые новшества требуют денег, которые в данном случае, видимо, не находят выгодным тратить те, кто дает работу шахтерам Мансфилда.

ВОЗДУШНЫЙ ПОЕДИНОК

В Кантоне Валлис на швейцарский военный самолет, пролетающий над хребтами Альп, было совершено нападение. Кабину самолета внезапно накрыла черная тень. Когда летчик понял, что его преследует громадный орел, он настолько удивился, что в первый момент даже не осознал всей опасности.

Набрав высоту, чтобы не столкнуться с птицей, пилот вдруг заметил, что нападающих стало двое. Возросла угроза столкновения. Возможно, орлы приняли небольшой самолет за гигантскую птицу, претендующую на их поднебесные владения. Во всяком случае, они кружились около самолета на расстоянии вытянутой руки. Наконец один из них пошел на таран.

Самолет так тряхнуло, что летчик на мгновение потерял контроль над машиной. Это чуть не стоило ему

жизни. Но, к счастью, удар не повредил механизмы. Зато одним противником стало меньше.

Второй орел настойчиво продолжал преследование. Напуганный летчик бросал свой самолет в самые сложные виражи, но ему не удавалось оторваться от назойливого конвоира, столкновение с которым могло кончиться катастрофой. Лишь над самым аэродромом после очередной «мертвой петли» он понял, что преследователь, наконец, отстал.

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ, ЧТО...

...деревья сбрасывают свой наряд не обязательно осенью? Ель, например, теряет свои иголки в течение всего года. Иголки некоторых видов кактусов опадают еще быстрее — через несколько дней. Более долговечны листья пальмы, они живут до шести лет. Лавр, пробковый дуб, фисташковое дерево меняют свою одежду тоже раз в шесть лет. Некоторые деревья, растущие в горах, сохраняют свой наряд в течение многих лет, а иногда даже не расстаются с ним всю свою жизнь.

РОЖЕ МОЖ

ТРЕКИ ГОСТЯТ У СЕБЯ ДОМА

Греки — бедный, но гордый народ, глубоко привязанный к родной земле. По этим двум причинам — отсутствие твердой валюты и любовь к родине — греки проводят свой отпуск в Греции вместе с 500 тысячами туристов, наезжающих к ним со всего света. Естественно, что достать комнату в афинском отеле на август можно только, если вы принц крови, да и то холостяк.

Путешественнику, жаждущему познакомиться с этим туристским комбинатом в летние месяцы, ни в коем случае не следует высовывать нос на улицу, ибо он рискует получить солнечный удар либо попасть под машину с парижским или лондонским номером.

Мы от себя горячо рекомендуем путешественникам другой способ знакомства с этой до предела загруженной историей и красотами страной: вы заказываете за год вперед номер в отеле, запираетесь в нем и прочитываете от доски до доски голубой путеводитель. Завтракать, обедать и ужинать лучше всего у себя в номере. За неделю углубленного чтения, прерывая его несколькими минутами отдыха в баре отеля, где

вы сможете сопоставить свои впечатления с впечатлениями друзей по путешествию, вы отлично объедете всю Грецию в условиях экономии и безопасности.

Голубой путеводитель «По Греции» — самый толстый из своих собратьев. В нем 988 страниц, 82 карты и приложения. Путеводителю предпослано предисловие одного из лауреатов Гонкуровской премии, а также «методическая таблица». После двух-трехдневной «акклиматизации» вы с ее помощью сумеете легко перемещаться по всем двенадцати разделам путеводителя. Заранее хотим предостеречь вас от опрометчивого шага: лично отправиться в одно из наиболее горячо расхваливаемых мест.

Мы, однако, рискнули отправиться к месту, «где Аполлон убил питона».

Речь идет о том самом Аполлоне, который, вооружившись факелом, убил змея Питона. По преданию, это глупое животное охраняло отверстие, из которого доносился голос Геи. В наше время из отверстия уже ничего не доносится и оно используется в других целях. Даже голубой путеводитель не решается завлекать своих читателей отверстием. Он лишь говорит, что здесь, в Дельфах, особенно хорошо чувствовали себя лучшие умы древности. Сейчас сюда ездят туристы.

Местные храмы и памятники славного прошлого основательно разрушены самими греками за время священных войн, а потом, по очереди, римлянами, византийцами, вандалами, гуннами, франками, турками и, наконец,

НА ШУТЛИВЫХ

ПАРАЛЛЕЛЯХ

ФОТОКОНКУРС ВОКРУГ СВЕТА

Дорогая редакция!

Я работаю судовым медиком на советских кораблях дальнего плавания. Побывал во многих странах. О каждой остались впечатления, воспоминания и... пачка любительских фотографий. Несколько снимков, привезенных с Кубы, я решил послать на фотоконкурс «Вокруг света».

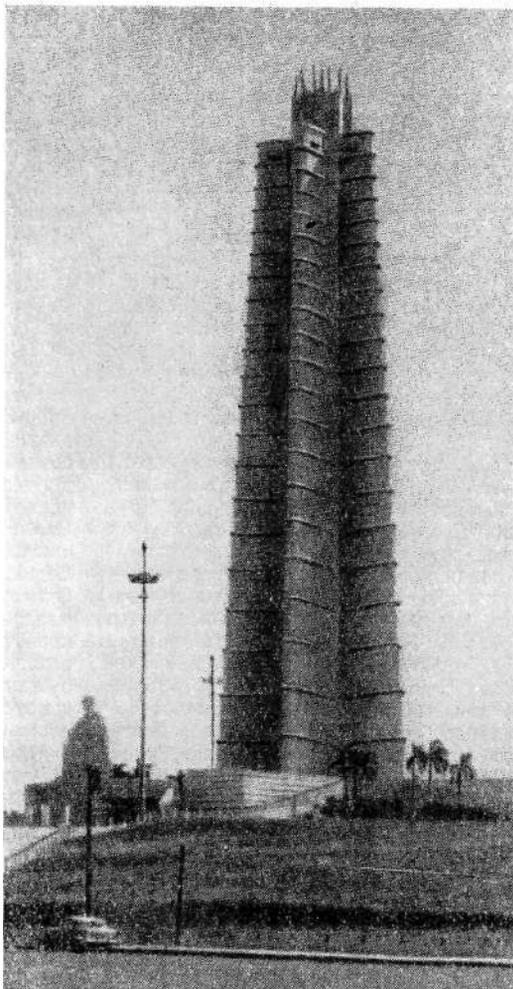
Если они в какой-то мере помогут читателям журнала ближе познакомиться с Гаваной, это будет моим скромным вкладом в дело сближения народов.

В. ДАВЫДОВ,
Ленинград

На снимках:

Монумент освобождения — памятник кубинскому революционному поэту Хосе Марти.

Президентский дворец в Гаване и памятник вождем кубинских повстанцев XIX века Масео.

археологами из всех музеев Западной Европы, ищущими здесь следы. Но даже теперь развалины выглядят очень внушительно. Вы можете добраться до них на автобусе или, если вам позволяют возможности, на такси.

Мы поехали в Акрополь, находящийся на расстоянии двенадцати драм от центра. Акрополь — это сердце Афин, как остров Сите — сердце Парижа. Акрополь — это ансамбль из исторических развалин разной величины, царящий над городом на высоте в двести метров.

Занимая великолепную оборонительную позицию. Акрополь с первого взгляда кажется неприступной крепостью. Однако следует помнить, что ее брали приступом все иностранные пришельцы — от римских легионеров до сегодняшних туристов. Это лишний раз заставит вас не доверяться первому впечатлению.

Каждый раз Акрополь бывал разграблен, сожжен, опустошен, и каждый раз после ухода завоевателей афиняне брались за его восстановление. Естественно, что это им дорого стоило. Но, наконец, изгнав в последний раз турок в 1827 году, греки решили больше не восстанавливать Акрополь. Идея была по тогдашним временам смелая, но достаточно практичная. С того времени Акрополь продолжает оставаться грудой развалин, отданной на обозрение десяткам тысяч туристов, спешащих сюда за пятнадцать драм затрепетать от волнения (детский билет — половина стоимости).

Акрополь — предприятие гораздо более выгодное, чем, например, Эйфелева башня, требующая ремонта и покраски. Чем больше рушится Акрополь, тем прекраснее становится он.

С восхода солнца туристы начинают карабкаться на холм. Они прыгают с камня на камень, останавливаются на мгновение, чтобы пошатнуться, и продолжают лезть

дальше. Американки, скачущие галопом по Европе, шведские «битники» с раскисшими бородами, брюзжащие французы, прикидывающие, на сколько их надули в отеле, — все они добираются до подножья Парфенона и падают ниц.

Вы думаете, они умирают как тот солдат-марафонец? Ничуть не бывало. При виде камней они приподымаются, по телу их пробегает дрожь, они расстегивают кобуры и достают аппаратуру. Они ищут углы. Они ищут ракурсы. Они ищут вчерашний день. Один, увесившись фотоаппаратами, машет кинокамерой. Второй, пулеметчиком приникший к штативу, водит туда-сюда объективом и только изредка пошвыстывает, когда жена попадает в сектор обстрела.

Какой-то француз в рубашке навыпуск оглядывается с кислым видом.

— В Карфагене было куда лучше, — наконец изрекает он.

Противники Ганнибала окружают его с явным намерением линчевать.

— Объяснитесь!

— В Карфагене продавали мороженое, — парирует он.

Под тем, что осталось от Пропилеев, происходит душераздирающая сцена. Группа молодых людей с учеными бородками пытается извлечь из развалин старого господина в докторской шапочке.

— Профессор, ну будьте же благоразумны...

— Вот здесь! — задыхаясь,

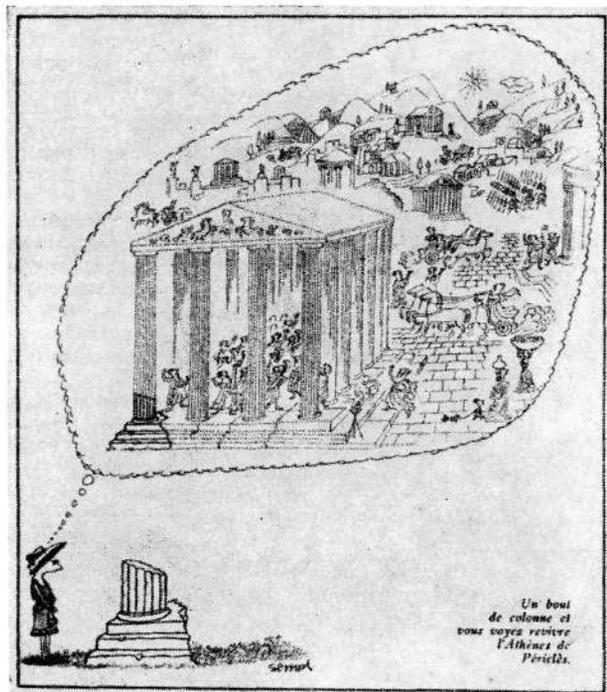
кричит профессор. — Здесь, на этом самом месте, ареопаг проголосовал за смерть Сократа, и величайший человек...

— Профессор, вам лучше спуститься...

Но профессор требует цикуты¹, чтобы испить свою чашу...

¹ Яд, который, по преданию, принял Сократ.

Немного воображения и...

Un bust
de colonne et
dome voyez revivre
l'Athènes de
Périclès.

ДАРЫ МАНГРОВОГО ДЕРЕВА

Некогда путешествия были полны опасностей. В наше время не так много осталось нехоженых троп. Ныне путешествия опасны больше писателям: им угрожают тропы хоженные, пропасти пародий, чащобы штампов, где навеки вырезаны имена Ухушанского и его шефа по чужеземной экзотике Остапа Бендера.

Рудольф Бершадский в книжке «В двух шагах от экватора» — это писатель в полном вооружении: свежесть восприятия, образность мышления, сила словотворчества. Вот как выглядит у него «географические» сообщения.

«Дождь шел, правда, маленький, словно пар стусулся еще не настолько, чтобы признаться откровенно: да, я — дождь! Но вообще определить, в чем отличие воздуха от дождя в Донг-Банге, я бы не взялся... То, чем ты дышишь тут, это вода, которую для приличия разбавили аптекарской дозой воздуха». И когда мы уже сами, задыхаясь, ловим ртом этот воздух, автор лукаво бросает: «Географы, конечно, объясняют все это проще... «Средняя влажность воздуха в Ханое... превышает 85 процентов, но не достигает 90 процентов»!

Бершадский побывал во Вьетнаме недавно. В своих очерках он открывает нам причудливую и красочную страну, где хлебное дерево растет не напоказ, без табличек с латинскими надписями, а крестьяне переносят на голове легкие бамбуковые лодки. Но чтобы полюбить страну, нужно видеть не одну экзотику.

Мы смотрим на Вьетнам глазами своего земляка. Он живет как бы сразу в двух мирах, так неразлучна в путешествии его мысль с родиной. Воздушные мостики воспоминаний, ассоциаций, параллелей соединяют самое далекое. Нас изумляет торговля... змеями! Но мы узнаем душу художника в поставщике змей, когда он вскидывает в воздух отборные экземпляры, заставляя их играть на солнце. «Так охотник на Севере горделиво встряхивает самую красивую шкурку соболя или горностая...»

Но еще важнее другое. Когда находишься на расстоянии 73 окружности земного шара от дома, какое-то кровное чувство родины заставляет искать на чужбине не розное, а сходное, понятное без перевода. Главное в книге — человек. Народный Вьетнам еще только распрямляется, еще не исчезли телеги, джонки заменяют жильё, а конфеты — невиданная роскошь... Но люди уже

держатся не рабами, а хозяевами, в каждом — достоинство, ясная вера в завтра. И так естественно приходит на память рассказчику голодная, держащая, неунывающая Москва 20-х годов!.. И Вьетнам чувствуешь своим.

Облик народа складывается из метких зарисовок-миниаюр. Девчушка лет четырех прогоняет буйвол с рисового поля. Когда все кругом работают от зари до зари, трудолюбие впитывается с детства так же, как родной язык. Юношу партизана ночью укусила в ногу змея — он вырезает ножом пораженное место, как вырезают конусом гниль из яблока. Надо ли объяснять, почему такие люди победили? В каждой мелочи строящейся жизни — освобожденность, радостная энергия раскованного, воспрянувшего народа. У всего народа — хорошее настроение. Быть может, оттого так теплы встречи и разговоры рассказчика с самыми разными людьми.

Книга Бершадского — не записки туриста, а лирический дневник. Мы слышим живой голос человека, который вот сейчас, при нас, вспоминает о близких друзьях, увлекаясь, переоскакивая с одного на другое, и мы вместе с ним ищем слово, радуемся находке.

Бершадский чувствует стихию языка, его живые корни: «След далеких времен... брусок благородного метал-

ла, рубленый на рубли... скот, исчисляемый гривами, гривнами, гривенниками». Поэтому он смог донести и красоту чужого языка: «Донг-Данг — не звон колокольчика, а название станции — все во вьетнамском языке звенит и поет».

В свободную гибкую композицию книги естественно вливаются рисунки А. Житомирского. Это такие же зорко выхваченные зарисовки людей, пейзажей, сенок. Они то соединяются с мыслью рассказчика, то звучат самостоятельной мелодией. Но они проникнуты тем же чувством, придают полноту и богатство красок созданному в книге образу народа, дополняют ощущение непринужденности и задушевности рассказа.

О принципе, по какому построена книга, лучше всего сказал сам Бершадский. «Память причудлива. Она простирается над виденным, как мангровое дерево, ветви которого крестятся ниже, ниже, пока не вьются, наконец, в топкую почву, окружающую ствол, и тут сами превращаются в новые стволы и дают жизнь новым отросткам Прорастать сквозь это странное дерево — не поймешь: одноствольное или ствольное, — надо как сквозь чашу.

...Но, может быть, как раз и надо хоть когда-нибудь дать памяти ветвиться свободно, а не гнать ее обязательно по кратчайшим расстояниям: от А до Б по прямой? Бог с ней, с геометрией; пусть мы не выиграем во времени, — может быть, мы выиграем в чем-нибудь другом?»

И мы действительно выиграли: мы увидели целую страну, увидели ее народ.

ЭДА КУЗЬМИНА

ЛЮБОВЬ И ТРЕВОГА

Читатель обеих книг, о которых пойдет речь, вступает вслед за авторами в гущу тропических лесов, встречается с племенами, само существование которых долго ставилось под сомнение. И здесь и там природа оборачивается к нему не только поразительным великолепием и роскошью красок, но и ошеломляющими опасностями. «Как взбесившаяся пружина», бьется громадная анаконда после выстрела, и даже падение извивающейся змеи в воду грозит гибелью неустойчивой лодке. Неслышными шагами бродит вокруг жилищ леопард-людоед. Широкой лентой движется армия муравьев, опустошая все на своем пути.

Правда, действие одной из книг происходит в Африке, в Конго, другой — в Южной Америке; и автор первой — «Восемь лет среди пигмеев» — американская художница Энн Патнем, вероятно, отнеслась бы к ботанику Николасу Гэппи, написавшему вторую книгу — «В стра-

не ваи-ваи», с таким же почтением, какое внушали ей ученые, посещавшие иногда их маленький лагерь: «В обществе этих высокообразованных людей мои познания казались мне ничего не стоящими».

Действительно, там, где она сама сплошь и рядом ограничивается восторженным описанием, Гэппи дает обстоятельную научную характеристику встреченного им дерева или цветка и сообщает такие подробности, заметить которые под силу только кропотливому наблюдателю: «Чуть выше стояло дерево из семейства бобовых с фиолетовыми цветками, оно непрерывно посыпало нас клочками листьев. Там орудовали листорезы — большие красные муравьи с резким запахом. Присмотревшись, я убедился, что они не стригут челоустями, как ножницами, а пилят лист одной челюстью, придерживая его другой. Выпилив кружок, муравьи, как на парашюте, спускались на нем вниз... Некоторых сносило в стоячую воду между камнями или в реку; тогда снизу, словно воздушные пу-

1 Издательство восточной литературы. Сокращенный перевод с английского В. М. Горячева.

1 Географгиз. Сокращенный перевод с английского Л. Л. Жданова.

зырьки, медленно всплывали серебряные рыбки. Они обнюхивали каждого муравья, иногда брали в рот, но неизменно выплевывали».

Уже из этого описания видно, что научная точность для Гэппи отнюдь не исключает живости и образности рассказа. Вы найдете у него и сравнение цветов с «висячими пагодами» и упоминание о том, что вода в ясное утро «мерцала, точно крыло бабочки».

Патнемы в лесах Итури находились сравнительно близко от Стэнливилля, не говоря о более мелких поселениях.

Экспедиция Гэппи работала в самых глухих местах на границе Британской Гвианы и Бразилии.

Несоизмеримы также и трудности и опасности, с которыми встречались наши авторы.

Гэппи часто приходилось пожинать плоды первого знакомства индейских племен с миссионерами и другими «цивилизаторами» — опаску, угрюмое, недоверие, а то и прямую враждебность.

На осторожные расспросы Гэппи о том, как относятся индейцы к путешественникам, его проводник отвечает: «Индейцев нетрудно понять: столько их построляли в свое время охотники за каучуком, сборщики орехов, старатели! Не удивительно, что индейцы ожесточились!»

И очень скоро, рассчитываясь со своими носильщиками согласно «таксе», предписанной ему миссионером, Гэппи впервые испытал ощущение совершающейся в отношении «цветных» несправедливости: «Индейцы гордо отходили в сторону, довольные своими жалкими сокровищами, а у меня на душе скребли кошки. Я вспомнил, как они, голодные, с тяжелыми ношами, пробивались через лесную чащу, как, несмотря ни на что, с ними всегда можно было договориться, как при любых обстоятельствах они не теряли чувства юмора».

Весельчак Фоньюве, артистическая натура Кваквэ, Ка'и, который в иных условиях «с его практическим умом и сметкой стал бы инженером или ученым», — это яркие, цельные человеческие характеры. Не менее

привлекательны и другие индейцы, с которыми Гэппи проделал всю экспедицию или только часть пути — от поселения до поселения. Не потому ли, даже безмерно утомленный труднейшими переходами, он мечтает еще раз вернуться к этим людям, в страну ваи-ваи и мавайянов?

То же радостное чувство открытия для себя гордой и чистой народной души испытывает и Энн Патнем после нескольких лет жизни в Конго: «...Малярия и смерть, бродяги-леопарды, злобные колдуны и буйволы, в ярости бросающиеся на первого встречного среди бела дня. Все это я знала. Известно мне было и другое — скромная храбрость и человеческое достоинство маленького народа».

Энн Патнем разделяет с Гэппи искреннее уважение к нравам и обычаям чужого народа, так же горячо защищает своих иноязычных друзей от высокомерных суждений странствующих обывателей. «Леди была немного недовольна лишь тем, что пигмеи охотятся и убивают животных и, должно быть, очень кровава, — язвительно комментирует она высказывания одной австралийки — Подобное мнение просто взбесило меня. Пигмеи убивают, чтобы есть. Они делают это не ради забавы, не ради охотничьих трофеев, которые можно повесить дома над камином». С восторгом рассказывает Энн Патнем о мужестве и стойкости охотников, об их победе над слоном, о рискованных схватках с леопардом. Но трудно без возмущения думать о том, что особый драматизм этим поединкам придавала скудость вооружения. «Бельгийская администрация в Конго никогда не разрешала пигмеям иметь современное оружие. Я не могла понять, почему... Как они выжили — остается тайной, одной из многих тайн Конго», — свидетельствует Патнем, вообще-то отнюдь не склон-

ная к антиколониалистским высказываниям.

Гэппи более обстоятельно рассматривает, что именно несут индейцам «просветители»: «Трудно сказать, какая часть авангарда «цивилизации» принесит индейцам больше беды — сборщики балаты (сок тропического дерева, применявшийся как примесь к каучуку. — А. Т.) или старатели, торговцы или чиновники, ранчеры или миссионеры. Пожалуй, все-таки миссионеры» Гэппи предрекает малым племенам в нынешних условиях либо полное растворение в многонациональном населении Британской Гвианы, либо «безрадостное существование пролетариев при миссиях».

Гэппи негодует, видя, как грубо, примитивно и тенденциозно «приобщают» «дикарей» к культуре: «Индейцы учатся читать и писать (но читать они могут только то, что дадут миссионеры), напяливают уродливые, зато «пристойные» одежды...»

Книги Патнем и Гэппи свидетельствуют, что в условиях колониализма малые и слабые народы брошены на произвол судьбы, обречены на вымирание. Только коренное преобразование жизни могло бы их спасти — вот мысль, к которой приходит честный писатель и ученый, побывавший в этих краях.

А. ТУРКОВ

СКАЗОЧНАЯ И ОБЫКНОВЕННАЯ...

Само название книги К. Перовщикова «Под солнцем Индии, страны сказочной и обыкновенной» говорит о ее характере.

Мы побываем в «мертвых» городах Фатехпур Сикри и Амбере, осмотрим шедевры мировой архитектуры Тадж-Махал и мавзолеев Хумаюна, совершим поездку в созданные на заре цивилизации пещерные храмы Аджант и Элор, выслушаем древние легенды и мудрые народные сказки.

И мы познакомимся с очагами народного восстания 1857—1859 го-

дов — Морутум, Лакнау, Дели. Тяжелые раны, нанесенные народу колониализмом, не зарубцевались еще и по сей день. Они тормозят движение страны по пути прогресса.

Индия прошлого, уходящего и Индия новая живут рядом. Глава о Бхилаи — это рассказ очевидца о том, как с помощью Советского Союза создавалась «Индийская Магнитка», как росли люди, строители Индии будущего, рассказ о советско-индийской дружбе.

Рассказывая о памятниках прошлого или старинных обычаях, автор

не забывает показать их связь с современной жизнью. Мы узнаем, например, как джаипурские кустари передают из поколения в поколение свой опыт и традиции, как эти традиции не просто сохраняются, но и развиваются народом

Автор книги, журналист, проживший в Индии почти семь лет, раскрывает многие черты современной ее жизни. Изданная Детгизом для старших школьников книга Перовщикова представляет интерес для широкого круга читателей.

В. КАССИС

№ 1 ЯНВАРЬ 1963 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Ю. ГОРИН, А. МАЛКИН — Ровесник космической эры	1
Карта мира рассказывает	
Ангарский континент	7
Волны Дуная — волны мира	18
Чудо века	
Судьба одного проекта	53
Ю. САФРОНОВ — Нить жизни	
Я. СВЕТ — Кругосветное путешествие пирата	17
К. АНЗИМИРОВ, Ф. РОДИОНОВ — «Стеревающий» приходит на помощь	21
МИШЕЛЬ СИФФР — Эксперимент «Время»	24
В. АХЛОМОВ, Л. КАССИЛЬ — Разноликая Италия	26
С. ЕЛАХОВСКИЙ — Тайга без гнуса	29
Саду цвести!	
Самый маленький город	33
ПЕР ВЕСТБЕРГ — Город, построенный не на своем месте	36
ИРЖИ ГАНЗЕЛКА и МИРОСЛАВ ЗИКМУНД — Мохенджо-Даро	41
АСБЬЁРН СЮНДЭ — Борьба во мраке	46
ДЖ. ДАРРЕЛЛ — Под пологом пьяного леса	55
Пословицы туарегов	57
Пестрый мир	58
РОЖЕ МОЖ — Греки гостят у себя дома	60
Фотоконкурс «Вокруг света»	61
Читатель сообщает	
Е. КОРОТКЕВИЧ — Атлас ледяного континента	16
К. МЫШЛЯЕВ — У древнего Вышгорода	16
И. БЕЖАНОВ — Тарибанский слон	16
В. ПУТЯТОВ — Каштаны-новоселы	23
С. АРУТЮНОВ — Чукотский бумеранг	45
Ю. ИВАНОВ — Коварная рыба	52
Среди книг	
ЭДА КУЗЬМИНА — Дары мангрового дерева	62
А. ТУРКОВ — Любовь и тревога	62
В. КАССИС — Сказочная и обыкновенная	63
Т. ЧЕХОВСКАЯ — Повесть о невыдуманном герое	64

Главный редактор В. С. САПАРИН

Члены редакционной коллегии: В. И. АККУРАТОВ, П. Я. АНТРОПОВ, Е. Н. ВАСИЛЬЕВА, И. П. ГЕРАСИМОВ, В. Л. КУДРЯВЦЕВ, Л. Д. ПЛАТОВ, Ю. А. ПОПКОВ (заместитель главного редактора), П. Н. РЕШЕТОВ, Ю. Б. САВЕНКОВ (ответственный секретарь), А. И. СОЛОВЬЕВ, В. С. ЧЕРНЕЦОВ, В. М. ЧИЧКОВ.

Рукописи не возвращаются Технический редактор А. Бугрова

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Наш адрес: Москва, А-30, Сушевская, 21. Телефоны: для справок Д 1-15-00, доб. 2-29; отделы «Наша Родина» — 2-68; иностранный — 2-85, 3-58; литературы — 3-93; иллюстраций — 3-16; приложение «Искатель» — 3-38.

А09481 Подп. к печ. 11/ХН 1962 г. Печ. л. 8,5(8,5) Уч.-изд. л. 10,2.

Тираж 250 000 экз. Заказ 2241. Цена 60 коп.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия», Москва, А-30, Сушевская, 21.

ПОВЕСТЬ О НЕВЫДУМАННОМ ГЕРОЕ

Обычно новые гипотезы в науке возникают, когда становятся известны факты, не объяснимые общепринятой теорией. Но иногда бывает наоборот — гипотеза появляется прежде, чем наука собрала достаточное количество фактов, необходимых для ее строгого обоснования.

Именно так было и со многими гипотезами немецкого ученого-геофизика Альфреда Вегенера.

Сейчас некоторые из предположений Вегенера опровергнуты. Другие доказаны. А третьи до сих пор вызывают ожесточенные споры. Его знаменитая гипотеза о движении материков приобретает все больше сторонников. Недолго осталось ждать, когда жизнь окончательно решит, прав ли Вегенер, говоривший о метеоритном происхождении лунных кратеров.

О судьбе ученого и его открытий рассказывает недавно вышедшая в Географгизе книга Л. Кузнецовой «Куда плывут материки».

Вегенер отнюдь не был кабинетным затворником. Увлечшись исследованием атмосферы, он побил мировой рекорд дальности полета на аэростате. Трижды совершал путешествие в Гренландию. Вегенер пересек Гренландию на лыжах третьим после Пири и Нансена, и притом в самой широкой части острова. На ледниках Гренландии Вегенер и погиб, пожертвовав собой для спасения экспедиции.

Человек недожиданной фантазии, рождающей новые и новые догадки, ученый с необычайной широтой знаний, смелый путешественник и полярный исследователь, всегда и во всем неутомимый труженик — таким предстает перед читателем герой увлекательной книги Л. Кузнецовой.

Т. ЧЕХОВСКАЯ

На первой странице о бложке:

В последние годы геофизические методы разведки недр применяются все шире и шире. Чувствительные приборы помогают геологам «увидеть» руду, скрытую глубоко в недрах земли. Именно они указали людям на залежи олова в районе Комсомольска-на-Амуре, где корреспондент К. Толстиков и сфотографировал молодого геофизика Ирину Балас ву.

На третьей странице о бложке: «Светопись зимы».

Фото Ю. Г. А. ВРИ ЛОВА

МАРКИ — ПОЧТОЙ

НОВИНКИ МАРОК СССР (чистые и гашеные)

КРУЖКАМ И КЛУБАМ КОЛЛЕКЦИОНЕРОВ
в сельских пунктах

высылает наложенным платежом (не менее пяти серий каждого выпуска Отдел мелкого опта Главной филателистической конторы,

В заявке на коллективное получение марок должно быть указано наименование клуба или кружка коллекционеров, при каком предприятии или школе он находится, количество членов, за* называемое количество новинок советских марок (отдельно — чистых и гашеных) и почтовый адрес получателя.

Заявка подписывается руководителем клуба (кружка) Коллекционеров и заверяется печатью организации (или- школы).

Оплата марок, и стоимость пересылки производятся на почте при получении заказа. В случае невыкупа марок дальнейшая высылка их прекращается. Заявки направляйте Отделу мелкого опта Главной филателистической конторы:

Москва, Ж-44, 1-й Крутицкий пер., дом 4а.
ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ЗАКАЗЫ НЕ ВЫПОЛНЯЮТСЯ.

Главная филателистическая контора

